

Красноярский культурно-исторический музейный комплекс
Конгресс поляков в России
Культурно-национальная общественная организация
«Полония» Республики Хакасия

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОЛЯКОВ СИБИРИ

*Сборник материалов
межрегиональных научно-практических конференций
«История и культура поляков Сибири» 2005-2006 гг.*

Красноярск
2006

УДК 323/324
ББК 63.3 (253)
И 54

Редакционная коллегия:

В.Н. Бондарева, Л.А. Полежаева,

С.В. Леончик, канд. ист. наук –

ответственный и научный редактор сборника

Книга издана при содействии Сената Республики Польша

и Фонда "Помощь полякам на Востоке" (г. Варшава)

История и культура поляков Сибири: Сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. «История и культура поляков Сибири» 2005-2006 гг./ сост. и подгот. к изд. С.В. Леончик. – Красноярск, 2006. – 132 с.

И 54 Предлагаемый сборник содержит материалы докладов и сообщений, представленных на конференциях «История и культура поляков Сибири», проходивших в Красноярском культурно-историческом музейном комплексе в 2005 и 2006 гг. Материалы сборника предназначены для историков, краеведов, музейных и архивных работников, преподавателей и аспирантов вузов, а также для всех интересующихся малоизученной проблематикой польской диаспоры в Сибири.

Historia i kultura Polaków Syberii, pod red. dr Sergiusza Leończyka

Zbiór zawiera materiały konferencji naukowych „Historia i kultura Polaków Syberii” (2005 r., Krasnojarsk) i „Wkład Polaków w rozwój Syberii” (2006 r., Krasnojarsk).

Redakcja jak i autorzy materiałów wierzą, że publikacja ta służyć będzie pogłębieniu wiedzy współczesnych Rosjan i Polaków o latach, które określały polską obecność w ciągu czterech stuleci na Syberii.

Będziemy bardzo wdzięczni za życzliwe jej przyjęcie przez czytelników.

Wydanie w całości sfinansowane przez senacką Fundację „Pomoc Polakom na Wschodzie”.

УДК 323/324
ББК 63.3 (253)

© С.В. Леончик, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

I. ПОЛЯКИ В СИБИРИ. XVII – НАЧАЛО XX ВЕКА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В.Г. Волков

Род Рачковских в истории Красноярска 8

А.А. Крих, И.В. Скуратович

Судьба польских дворян в Сибири:

смена этнической идентичности (на примере семьи Скуратович) 11

А.П. Доброновская

Красноярский католический храм: на перекрестке эпох 17

А.А. Крих

Барские конфедераты на поселении в г. Таре

(последняя треть XVIII в.) 24

С.В. Леончик

Нарциз Войцеховский – ссыльный участник Восстания 1863 г.

Миусинск, Красноярск, Томск 29

С.А. Мулина

Поляки-медики в западносибирской ссылке 36

Л.В. Рябухо

Вклад сосланных после 1863 г. поляков и их потомков

в развитие Урала и России 41

Е.В. Семёнов

Поляки в Нерчинске в конце XVIII – первой половине XIX в. 54

II. ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

А.В. Чевардин Деятельность польской делегатуры на Урале в 1942-1943 гг.	61
А.А. Адаменко Польские репрессированные католические священнослужители в Красноярском крае. <i>Методика изучения и перспективы развития темы</i>	67
Т.А. Улейская О польской секции губнац в 20-е годы XX века	70

III. СИБИРСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЬСКИХ СЕМЕЙ

П.А. Краевский Краевский Петр-Павел Иван. История трагической жизни безвинно пострадавшего поляка.....	76
Т.М. Кикилова Страницы жизни польской семьи (на основе научных материалов музея-заповедника «Шушенское»).....	91
Н.А. Лактионова По трупам земных широт разбросали нас, как сирот....	96
Н.Н. Скоробогатова Память сердца хранит дорогие страницы. Из истории двух польских семей.....	105
Ю.М. Войда В сибирской дальней стороне....	108

IV. ПОЛЬША И ПОЛОНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Д.Н. Асламазишвили Когда обнажается пульс бытия. Символическое поле «европеизма» в славянском исполнении	113
И.П. Иванова Поляки в Сибири: специфика межэтнического взаимодействия	118
В.А. Полторакова Первый Центр польской книги в России	120
Об авторах.....	122
.....	.....
Конгрессе поляков в России	124
«Rodacy» – ежеквартальное Сибирское издание Конгресса поляков в России.....	125
Красноярский культурно-исторический музейный комплекс.....	128
.....	.....
Od redaktora.....	131

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник содержит материалы докладов и сообщений, представленных на конференциях «История и культура поляков Сибири».

Первая конференция из этого цикла была проведена в г. Абакане (столице Республики Хакасия) и Минусинске (юг Красноярского края) 10-11 ноября 2003 г. Конференция была приурочена к 10-летию Культурно-Национальной Общественной организации «Полония» Республики Хакасия и состоялась при финансовой поддержке фонда «Помощь полякам на Востоке» из г. Варшава и содействии Хакасского республиканского краеведческого музея, Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, Национальной библиотеки им Н. Г. Доможакова Республики Хакасия.

С 2004 г. конференции проводятся в Красноярском культурно-историческом музейном комплексе. В 2004 г. там же прошла конференция на тему «Поляки в Приенисейском крае». В 2005 г. был издан первый сборник материалов конференций 2003-2004 гг. «Поляки в Приенисейском крае», Абакан. 2005.

С 2005 г. тематика и география конференций расширяется – в работе принимают участие ученые, краеведы из Томска, Омска, Екатеринбурга, Улан-Удэ.

В 2006 г. тема конференции, прошедшей 5-6 октября, была обозначена как Вклад поляков в развитие Сибири, в ней приняло участие более 30 исследователей из городов Сибири и Урала.

Нынешний сборник «История и культура поляков Сибири» разделен на четыре тематические части: 1) Поляки в Сибири: XVIII – начало XX века. Историко-культурный аспект; 2) Польская диаспора в годы репрессий советского периода; 3) Сибирская история польских семей; 4) Польша и Полония в современном мире.

Публикуемые материалы затрагивают новые аспекты и направления научного изучения и осмысления многообразной и обширной проблематики истории поляков в Сибири на протяжении четырех последних столетий. В первой части сборника представлена попытка описания и оценки вклада поляков в развитие экономики и культуры Сибири. Особое место занимают краеведческие материалы, представленные в разделе об истории семей. Они написаны краеведами, полонийными деятелями и повествуют об интересных, но и нередко трагических судьбах польских семей в Сибири.

Надеемся, что данный сборник послужит дальнейшей актуализации еще недостаточно разработанной проблематики истории польской диаспоры в Сибири и будет иметь существенное практическое значение для ученых-исследователей, краеведов, музейных и архивных сотрудников, библиотекарей, педагогов, активистов полонийного движения и всех, проявляющих интерес к вопросам истории поляков в Сибири.

С.В. ЛЕОНЧИК,
ответственный и научный редактор издания,
кандидат исторических наук

I. Поляки в Сибири. XVII – начало XX века. Историко-культурный аспект

В.Г. ВОЛКОВ

РОД РАЧКОВСКИХ В ИСТОРИИ КРАСНОЯРСКА

В истории Красноярска хорошо известны имена врача, общественного деятеля Петра Ивановича Рачковского и его жены – Екатерины Александровны, урожденной Шепетковской.

Первым из Рачковских в Красноярске был стрелецкий сотник Иван Рачковский, присланный из Тобольска около 1666 года, «...сотник Иван Рачковский в скаске своей за рукою сказал отец ево Денис Яковлев служил в Тобольску по грамоте великого гдря в литовском списке в детях боярских семьдесят лет а он Ивашко Рачковской служил в Тобольском же в ноземском же списке и в рейтарех пятьдесят лет а в Красноярском служит в сотниках стрелецких по указу великих гдрей и по грамоте шестнадцать лет а оклад гдрева жалованья денег учинен на Москве десят рублей хлеба десят чети ржи восемь чети овса два пуда соли¹».

Другой Рачковский – Петр – был шляхтичем Краковского воеводства и был взят в плен во время Польско-московской войны 1654-1667 г. «А взят на бою в прошлом во РХИ (1659/60) году под городом под Череем а на Красноярской Яр пожалован в дети боярские по указу великого гдря и по грамоте и служит на Красном Яру пятнадцать лет а оклад де гдрева жалованья учинен ему на Москве денег четырнадцать рублей хлеба двенадцать чети ржи двенадцать чети овса три пуда соли²».

Сотник Иван Денисов Рачковский принадлежал уже ко второму поколению поляков, проживавших в Сибири. Его отец, Денис Яковлев Рачковский, упоминается среди литвинов в Тобольске уже в дозорной книге в 1623/24 году³. Возможно, он прибыл в Тобольск вместе с известными Саввой Француженином, Павлом Хмелевским, Петром Сабанским и Самсоном Навацким. В отличие от них, он не получил чин сына боярского, а служил в казаках литовского списка. Последний раз он упоминается в 1663/64 году, и хотя его сын утверждал, что Денис служил в детях боярских, нам ничего об этом неизвестно⁴. Иван Денисов начал службу тоже в составе казаков литовского списка около 1627 года, а в 1663/64 был взят в рейтары⁵.

Рейтарские полки в Сибири существовали недолго, с 1659 по 1667 годы. После того, как рейтарский полк в Тобольске был расформирован, многие из рейтар были поверстаны в дети боярские. Поверстан был в этот чин и Иван Рачковский. Направление его в Красноярск в должности стрелецкого сотника было, без сомнения, признанием его ратных заслуг. В Тобольске же остались служить другие потомки Дениса Рачковского – его сын Спиридон и сын Ивана – Осип.

Судьба Петра Рачковского сходна с судьбой многих других поляков, оказавшихся в плену во время Польско-московской войны 1654-1667 года. 25 октября 1661 года в Красноярск были присланы 26 военнопленных⁶. Из них шляхты – 24 человека и «челядников» – 2. Почти все они служили в Красноярске и 10 лет спустя, в 1682/3 году⁷. К ним еще добавились другие поляки, те, что служили в других городах и не захотели после заключения мира вернуться на родину. Среди них, вероятно, были Петр Рачковский, так как в 1681/82 году он утверждал, что служил в Красноярске 15 лет, т.е. прибыл он в Красноярск в 1667 году. Все перечисленные в разборной книге за 1681/82 год примерно так определяют свое происхождение – «породы он польской шляхтич», «родом де он поляк» и т.д., в большинстве случаев указывая, из какого воеводства происходят – Половское (Полоцкое), Краковское, тем самым, подтверждая тот факт, что они сами идентифицировали себя как поляков, а не белорусов или украинцев, даже если происходили из восточных земель Польско-Литовского государства.

Главным условием для тех, кто решил остаться в Сибири и служить в детях боярских было принятие православия. Следующие поколения поляков, несмотря на перемену веры, браки с русскими и постепенное обрусение, все же, как показывают генеалогические исследования, старались проживать вместе, продолжали родниться между собой, сохраняя память о своей прародине. Особенно это характерно для поляков, оказавшихся в высшем социальном слое горожан, – детей боярских. В начале XVIII века после реформ Петра I и принятия «Табеля о рангах» некоторые из детей боярских вошли в число сибирских дворян.

По ревизии 1719 года в Красноярске проживали сын боярский Федор Рачковский, 40 лет, с братом Павлом, 30 лет, у Федора указаны два сына – Конон, 8 лет, и Петр, 6 лет⁸, и сотник Михайло Рачковский, 33 лет⁹. Второй, без сомнения, был внуком сотника Ивана Рачковского, так как должность сотника в те времена часто переходила по наследству.

Потомком кого-то из них был дьячек Матвей Рачковский. Согласно сведениям клировой ведомости Воскресенской Соборной церкви г. Красноярска 1857 года, при церкви служил его сын – священник Иван Матвеевич Рачковский, и жила вдова Матрена Григорьевна, 66 лет. Сам Матвей к этому времени уже умер¹⁰.

Иван Матвеевич Рачковский затем преподавал Закон божий в Красноярской мужской гимназии. Его сын Петр Иванович Рачковский (1850-1921) – врач, председатель общества врачей Енисейской губернии, инспектор Врачебной управы. В семье было двое детей. Сын Иван Петрович Рачковский за участие в революционном движении в 1910-е годы отбывал наказание в Петропавловской крепости, в советское время он стал геологом. Жена Петра Ивановича – Екатерина Александровна, урожденная Шепетковская, принимала активное участие в общественной жизни Красноярска. Состояла в Попечительском совете женской гимназии. С 1896 года являлась попечителем Енисейской общины сестер милосердия Красноярского Красного Креста. Ее запечатлел на своих полотнах В.И.Суриков в образах боярыни Морозовой, сибирской красавицы и в картине «Взятие снежного городка»¹¹.

Брак Петра Ивановича и Екатерины Александровны соединил два польских рода, давно уже связавших свою судьбу с Россией: Рачковских и Шепетковских. О Петре Ивановиче и Екатерине Александровне и их потомках не раз писали красноярские краеведы, но история рода Рачковских еще ждет своего исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА Ф.214 Оп.1 Кн.743 Л.293.

² РГАДА Ф.214 Оп.1 Кн.743 Л.242 об.

³ Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1885. – С.8.

⁴ РГАДА Ф.214 .оп.1 Кн.475 Л.34

⁵ РГАДА Ф.214 Оп.1 Кн.14 Л.83 об.; Кн.475 Л.37

⁶ РГАДА Ф.214 Оп.1 Кн.438 Лл.325-326.

⁷ РГАДА Ф.214 Оп.1 Кн.755 Лл.417 - 418.

⁸ РГАДА Ф.350 Оп.2 1601 Л.32

⁹ Там же Л.32 об.

¹⁰ ГАТО Ф.170 Оп.1 Д.131 Лл.16 об. – 19 об., 22 об.

¹¹ Береговая Е.П., Болдырев Ю.В., Лалетина Н.Е. и др.

СУДЬБА ПОЛЬСКИХ ДВОРЯН В СИБИРИ: СМЕНА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ СКУРАТОВИЧ)*

Со второй половины XVIII в. северные районы Среднего Прииртышья (территория современной Омской области являлись местом ссылки польских повстанцев. А.Н. Радищев, проезжавший через деревни Тарского округа Тобольской губернии, отмечал в своих записках, что «во многих селениях живут стрельцы и конфедераты», т.е. польские шляхтичи – участники Барской конфедерации 1768 г.¹ Однако массовая ссылка поляков в Сибирь, в том числе в Среднее Прииртышье, началась после восстания 1863-1864 гг. Для подавления этого восстания власти пошли на исключительную меру – высылку в Сибирь не только непосредственных участников мятежа, но и всех подозрительных и неблагонадежных в политическом отношении. Причем практиковалась высылка не отдельных лиц, а целых семей, деревень и даже областей. Их водворяли в восточных регионах империи на казенных землях на правах государственных крестьян². В делопроизводственных документах и переписях населения второй половины XIX в. эта категория населения получила условное название – «польские переселенцы»³.

Как отмечает С.Г. Пятакова, в Западную Сибирь в основном направлялись ссылки на водворение и жительство, частично – на поселение, а в Восточную – на каторгу⁴. Больше всего «польских переселенцев» приняла южная округа Тобольской губернии – Ишимский, Омский и Тарский. В г. Таре в 1864 г. на поселении находилось 47 поляков, в 1867 г. их уже было 155 чел.⁵ Всего в конце XIX в. в Тарском округе насчитывалось 1148 поляков обоого пола⁶. В Омском округе, включая сам город, в июле 1867 г. жителей польской национальности насчитывалось 2129 чел.⁷

В пределах Тарского и Токалинского округов Тобольской губернии были образованы отдельные поселения «польских переселенцев». В Баженовской волости Токалинского округа оставшиеся после амнистии 1883 г. ссылки поляки образовали отдельное поселение, названное по имени бывшего тобольского губернатора Деспот-Зиновкой. В Седельниковской волости Тарского округа ссылки поляки совместно с переселенцами из западных губерний России заселили деревни Вознесенку и Богдановку.⁸ В Тарском округе польские переселенцы также основали д. Гриневичи, где в конце XIX в. располагался костел, поселок Уразайский и заимку Поляков.

Следует отметить, что в современной исследовательской литературе существует острый дефицит работ, посвященных польским повстанцам, размещенным в Сибири на поселение в сельской местности, и изменению их этнического самосознания (идентичности)⁹. Используя методику реконструкции генеалогий при помощи устно-исторических и архивных материалов, рассмотрим историю населения пос. Уразайского Седельниковской волости Тарского округа Тобольской губернии (современный Тарский район Омской области) и проследим изменения в идентичности его населения с конца XIX в. до современных дней.

Поселок Уразайский заселялся в 80-х – начале 90-х гг. XIX в.¹⁰ ссыльными участниками восстания 1863-1864 гг. Основателями поселка являлись семьи Бабицких, Гавелко, Константиновичей, Скуратовичей и Юшкевичей¹¹. Основываясь на данных метрических книг 1897-1907 гг. Николаевской церкви села Нагорного, удалось установить, что ряд ссыльных семей являлись представителями мелкой (застенковой) шляхты из различных населенных пунктов Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии. В частности, потомственными дворянами являлись члены трех семей Скуратовичей, семей Антона Фомина Бабицкого, Адольфа Иоаннова Константиновича и Михаила Юшкевича¹². Крестьянами являлись представители фамилии Гавелко¹³. Все семьи поселенцев, кроме Бабицких, которые были православными, в религиозном отношении являлись католиками. Католическая шляхта в западных губерниях Российской империи, как правило, имела польское этническое самосознание, чему в немалой степени способствовала официальная политика имперских властей, ставящих знак равенства между понятиями «католик» и «поляк»¹⁴.

По устным историческим преданиям, хранящимся в семье Скуратовичей, основатели поселка Уразайского принимали участие в восстании пана Волдаевского в начале 1860-х гг., проходившего на территории Польши. Однако, как видно из архивных документов, Скуратовичи проживали в то время в Минской губернии. С другой стороны, представители этой фамилии приняли участие в событиях 1863-1864 гг., за что часть из них была приговорена к ссылке в Пермскую губернию, например, уволенный из военной службы коллежский регистратор Иван Скуратович¹⁵; другие же попали в Тарский округ Тобольской губернии. Как уже говорилось, в поселке Уразайском проживало три семьи Скуратовичей (по видимости, однофамильцы), причем две семьи были из Борисовского уезда Минской губернии, а одна – из Игуменского уезда этой же губернии¹⁶.

Название поселка, который был основан польскими дворянами, было дано межевой партией по названию небольшой таежной речки, на берегах которой был выделен участок под поселение. Жителей поселка название «Уразайский» не устраивало, т.к. они хотели, чтобы название

поселения отражало особый социальный статус его жителей. К тому же в этом районе существовал еще один поселок с таким же названием, заселенный переселенцами из Вятской губернии. Чтобы устранить путаницу, второй поселок стали называть Уразай-Коряковский, а поселение минских дворян – Верхнее-Уразайский или Поляки. В начале XX в. Владислав Антонович Скуратович от имени всех жителей поселка Уразайского послал ходатайство в Петербург с просьбой переименовать поселение в Минско-Дворянское. После долгих разбирательств разрешение на переименование поселка было дано.

В истории с переименованием поселка прослеживается стремление зафиксировать свою социальную принадлежность, сделать ее видимой для окружающего, преимущественно крестьянского населения. Стремление сохранить свою социальную идентичность было связано с активным заселением Тарского округа в первой трети XX в. крестьянами-переселенцами из Минской и Могилевской губерний. Причем из Минской губернии основная масса переселенцев прибывала из Игуменского и Борисовского уездов, т.е. из тех мест, откуда были родом ссыльные шляхтичи.

Вторым фактором, подтолкнувшим минских дворян к активным действиям по защите своей идентичности, стали браки с крестьянками. Принадлежность к привилегированному сословию, осознание своего высокого социального статуса и католическое вероисповедание значительно ограничивали выбор поляками брачных партнеров. В этих условиях первое время проживания в Сибири ссыльные дворянские семьи заключали браки преимущественно между собой. Однако не всегда удавалось найти подходящую партию в своем кругу. К примеру, после смерти жены Бронислав Александров Скуратович был вынужден в 1899 г. жениться вторично, т.к. у него на руках оставался 2-летний сын. Второй женой Б.А. Скуратовича стала Христина Иоаннова Лапоть – православная девушка из семьи крестьян-переселенцев пос. Поречья¹⁷. По всей видимости, влияние молодой жены в семье было значительным, т.к. дети, рожденные ею, были крещены в православной церкви¹⁸. Все же о распространении браков с православными крестьянками можно говорить применительно к первой трети XX в., когда все поляки породнились друг с другом.

Сближению с православным крестьянским населением способствовал образ жизни, который вели потомки польских шляхтичей в Сибири, – он ничем не отличался от крестьянского быта. Не искушенный в вопросах социальной принадлежности населения поселка Уразайского, священник Николаевской церкви с. Нагорного В. Раев, к чьему приходу относился этот поселок, записал в 1897 г. православного дворянина Стефана Антоновича Бабицкого крестьянином¹⁹. Батюшке указали на его ошибку, и в последующих метрических записях С.А.Бабицкий везде значился как «потомственный Дворянин»²⁰.

Происходило постепенное обращение к православию католического населения поселка Минско-Дворянского, что было связано с отсутствием в селении костела. Ближайшие католические храмы располагались, с одной стороны, в г. Омске, с другой стороны, в поселке Гриневичи, находившемся далеко на севере Тарского уезда. В то же время православная церковь располагалась всего в нескольких верстах от поселка. Установление в Тарском уезде советской власти в 1919 г. остановило процесс перехода населения в православие. В 1929 г. началась коллективизация, в ходе которой в деревне Минско-Дворянской был образован колхоз «Красный Свет».

Примечательным было отношение новой власти к польскому населению сибирских деревень. Приведем некоторые статистические данные: по переписи населения 1897 г. в пос. Уразайском проживало 64 чел. обоюбого пола, из которых 50 чел. были поляками, а 14 чел. – русскими²¹; в материалах переписи 1926 г. в поселке Минско-Дворянском, где проживало 153 чел. об.п., численно преобладало белорусское население²², а по материалам Похозяйственной книги за 1934 г. в поселении минских дворян проживало 169 чел. об.п., из которых 153 чел. по национальности были поляками²³. Из приведенных данных видно, что за период с 1897 по 1926 гг. население поселка значительно увеличилось, что было связано, по-видимому, с подселением еще нескольких семей. Но были ли эти семьи белорусскими? С 1926 по 1934 гг. резкого роста населения не наблюдалось, а т.к. в 1934 г. основная масса населения деревни являлась поляками, то можно предположить, что подселившиеся семьи также были поляками по национальности.

Советскую власть не устраивал не только этнический состав деревни Минско-Дворянской, но и само название поселения: советский гражданин не мог быть родом из деревни с названием классово чуждым новому общественному строю. Поэтому в паспортах жителей деревни Минско-Дворянской указывалась только первая часть названия – «селение Минское».

В 1930-х гг. в рамках общегосударственной политики велась кампания против «врагов народа»: в 1930 г. были арестованы Владислав Антонович Скуратович (1881 г.р.), его сын Иван (1903 г.р.) и Мечислав Викторович Скуратович (1878 г.р.). В 1937 г. началась вторая волна репрессий, в ходе которой был арестован брат Мечислава Леонард (1895 г.р.), который в то время был председателем колхоза. От репрессий 1930-х гг. пострадали семьи Лукашевичей и Муравских²⁴. В 1935 г. Иван Владиславович Скуратович вернулся в деревню Минско-Дворянскую, но был вынужден переехать в другой населенный пункт. В 1937 г. он с женой – Юлией Мечиславовной Скуратович, дочерью Мечислава Викторовича Скуратовича, и двумя детьми переехал в село Новологиново Большереченского района Омской области, откуда вскоре был призван на фронт. После войны потом-

ки минских дворян – Иван и Юлия Скуратовичи, восстанавливая «утраченные» документы, сменили польскую национальность на русскую. Их дети, внуки и правнуки считают себя русскими, сохраняя при этом память о своем польско-дворянском происхождении.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-БРФФИ, проект № 05-01-90102а/Б

¹ Ралишев А.Н. Полн. собр. соч. – Т. 3. – М.-Л., 1952. – С. 261.

² Шухов И.Н. Материалы к этнографическому составу населения Тарского округа // Государственный архив Омской области (далее - ГАОО). – Ф. 2037. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 13.

³ На условность этого термина указывает А.Ю. Майничева в работе «Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX в.)», размещенной в Интернет-издании «Сибирская заимка»: <http://polacy.narod.ru/Russian/pd-tomsk.htm>

⁴ Пятакова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период: Автореф. дисс. ... к.и.н. – Омск, 2004. – С. 22.

⁵ Жиров А.А. Поляки в условиях Тарского Прииртышья в XIX - начале XX вв. // Славянские чтения: Духовная культура и история русского народа: Мат-лы докл. науч.-практич. конф. – Омск, 1995. – Вып. IV. – Ч. 2. – С. 173.

⁶ Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.): Учеб. Пособие. – Омск, 2001. – С. 71.

⁷ Мельникова Б.В. Формирование католического и протестантского населения Сибири в XVI - начале XX вв. // Проблемы религиозной и философской герменевтики: Мат-лы междунар. симпозиума. – Омск, 2003. – С. 134.

⁸ Нам И.В. Формирование этнодисперсных групп в составе населения Сибири (XIX - начало XIX в.) // Американский и сибирский фронт: Мат-лы междунар. науч. конф. – Вып. 2. – Томск, 1997. – С. 187.

⁹ Можем указать лишь одного известного нам автора, работающего в этом направлении: Галеткина Н.Г. Поляки или сибиряки? К вопросу о групповой идентичности жителей деревни Вершина Боханского района Иркутской области // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф. – Иркутск, 2001. – С. 212-218 и др. работы этого автора.

КРАСНОЯРСКИЙ КАТОЛИЧЕСКИЙ ХРАМ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ

Культовые здания г. Красноярска долгие века составляли систему сакральных мест на территории города. Они являлись точками, где фокусировались мировоззренческие и эстетические представления людей. Сидуты культовых зданий читались как признак этнической и конфессиональной разнородности населения, по ним вычленялись ареалы распространения в городе той или иной конфессии. Исторически в городе были представлены православные, старообрядческий, католический и лютеранский храмы, мусульманская мечеть, иудейская синагога, баптистский молитвенный дом.

В разные эпохи памятники культового зодчества в местном сообществе имели не одинаковые смысловые нагрузки. Собственно богослуженная и архитектурная существовали в дореволюционный период истории, а в советский период, с 1929 г. до середины 1960-х годов, произошла утрата этих ценностных функций. Храмам был возвращен статус произведений искусства только во второй половине 1960-х годов, а реновация семиотического значения храмов и молитвенных домов произошла только с конца 1980-х годов. Все эти процессы были тесно связаны с государственной и местной политикой органов власти в различные промежутки времени.

В статье описана история строительства и бытования зданий красноярского католического храма. Подобно большинству христианских конфессий, католическая церковь всегда отводила важное место культу, который был призван помочь каждому верующему в его духовном совершенствовании. Католическая церковь придавала и придает особое значение таинствам, признавая, что через культовые действия Церковь может передавать верующим невидимую благодать Божию.

Основным местом католического богослужения традиционно являлся храм: это мог быть и кафедральный собор, и приходская или монастырская церковь, и небольшая часовня. В России и Сибири, где католичество в прежние времена было распространено в основном среди поляков-переселенцев, для обозначения культового здания вошло в обиход польское слово «костёл».

Красноярский католический приход был учрежден по распоряжению администратора Могилевской архиепархии № 2016 от 1 августа 1836 г. В со-

¹⁰ По материалам «Списка населенных мест Сибирского края», изданного в 1928 г., этот поселок возник в 1894 г. (с. 34). Однако, по данным Тарского краеведа Л.В. Перевалова, постройка самого старого дома в поселке датируется 1883 г.; Перевалов Л.В. Исполненный тематический запрос «Из истории села Минск-Дворянск» // Тарский филиал Государственного архива Омской области (далее – ТФ ГАОО). – Ф. 620. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 2.

¹¹ ТФ ГАОО. – Ф. 719. – Оп. 1. – Д. 1. – Лл. 28-44.

¹² ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 6. – Д. 366. – Лл. 35об-36; Д. 380. – Лл. 11об-12; Д. 406. – Лл. 9об-10; Д. 443. – Лл. 228об-229; Оп. 13. – Д. 72. – Лл. 59об-60.

¹³ ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 6. – Д. 400. – Лл. 43об-44.

¹⁴ См. об этом: Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., 1992. – Сер. А. – Документ №27. – С. 5-6; Борнёнков Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы истории. – 2003. – №3. – С. 119; Викс Т.Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863-1914 гг. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005. – С. 597-598.

¹⁵ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 1398. – Л. 125 об.

¹⁶ ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 6. – Д. 406. – Лл. 9об-10; Д. 443. – Л. 229; Оп. 13. – Д. 72. – Лл. 59об-60.

¹⁷ ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 13. – Д. 72. – Лл. 59об-60.

¹⁸ ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 6. – Д. 380. – Лл. 11об-12; Д. 406. – Лл. 9об-10; Д. 719. – Лл. 180об-181.

¹⁹ ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 13. – Д. 64. – Л. 30.

²⁰ ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 6. – Д. 400. – Л. 43об; Д. 448. – Л. 69; Д. 719. – Лл. 195об-196.

²¹ Инструкция к составлению племенных карт, издаваемых комиссией по изучению племенного состава населения России. – Пг., 1917. – С. 22-23.

²² Список населенных мест Сибирского края. – Т. 1. – Новосибирск, 1928 г. – С. 34.

²³ ТФ ГАОО. – Ф. 719. – Оп. 1. – Д. 1. – Лл. 28-44.

²⁴ Перевалов Л.В. Указ. соч. – С. 3.

став прихода вошла Енисейская губерния, территория которой составляла 4 480 167 верст. Однако в течение 21 года верующие не имели своей церкви. Только в 1857 г. благодаря добровольным пожертвованиям прихожан и стараниями курата прихода, монаха Бенардинского ордена Викентия Бельского, в Красноярске был построен деревянный храм на каменном фундаменте семи саженой в глубину и четырех с половиной по фасаду, который мог вместить не более 300 верующих. Его освятили во имя Провидения Божия. Здание снаружи было крыто железом, оштукатурено и выбелено известью; изнутри выкрашено белой краской.

Церковь имела три престола: во имя Распятия Иисуса Христа, Пресвятой Девы Марии и Святого Антония Падуанского. На потолке можно было видеть изображения четырех евангелистов; на стенах – иконы в золотых рамах с образами апостолов. Имелись три алтаря, покрытых живописью, на хорах был установлен орган «Меллодикон». В ризнице находилось значительное количество церковных облачений и священных сосудов.

При следующем ксендзе Энгельгарде была выстроена колокольня и установлены колокола. Заведена традиция выставлять Св. Тайны в монастырских в высокочестивые и местные праздники, проводить в эти дни крестные ходы. Здание содержалось на средства прихожан, но в основном, курата. В последующем, при настоятелях Пукене и Скобейко, начался отвод земли. Было получено около 77 десятин.¹

К концу XIX века здание храма обветшало. В 1893 г. после осмотра его помещений гражданским инженером Худзинским, выявилась крайняя ветхость всех его частей – стен, балок, полов. Стены, например, были обнесены вокруг плетнем и обмазаны сверху смазкой из глины и шерсти. Комиссия обнаружила, что плетень и стены сгнили и представляли из себя губчатую массу. Но из-за недостатка денежных средств вопрос о постройке нового костела остался открытым.

В 1897 г. специальная комиссия, в состав которой входили католический священник В. Каминский и Енисейский губернский архитектор К.И. Павлов, признала, что лучше строить новый каменный храм, чем ремонтировать старый деревянный. Губернский архитектор Павлов выполнил проект, после чего началась длительная бюрократическая процедура его утверждения и получения разрешения на строительство, которая длилась несколько лет. За это время в приходе сменилось несколько священников. 11 июня 1903 г. куратором красноярского храма был назначен священник Леон Святополк-Мирский.²

Первоначально планировалось строить новый храм на месте старого, на Благовещенской улице. Предполагалось, что вся постройка обойдется в 60 тыс. рублей. Из них 10 тысяч Енисейский губернатор планировал полу-

чить от правительства ввиду бедности римско-католического населения, состоящего из переселенцев, мелких торговцев и служащих различных учреждений. Однако деньги пришлось собирать среди прихожан. Само старое место оказалось не очень удобным, а храм прежних размеров не мог бы вместить всех желающих. Например, в 1902 г., по сведениям приходского священника, на праздники в церковь собиралось более полутора тысяч человек, а в воскресные дни 200-300. В начале 1905 г. настоятель храма о. Святополк-Мирский обратился к министру внутренних дел с ходатайством о разрешении приобрести другой участок земли по Батальонному переулку (ныне переулок Декабристов) у потомственной Почетной гражданки Е.П. Кузнецовой. Разрешение было получено, и в марте 1905 г. прихожане купили этот участок земли площадью 711 кв. саженой за 4914 руб. Новый участок позволял строить более крупный и удобный храм, чем уже спроектированный. Поэтому было решено сделать новый проект здания храма. Для этого был приглашен красноярский архитектор польского происхождения Владимир Александрович Соколовский (1874-1959).³

К 1908 г. новый проект был готов и 4 июля того же года утвержден, началось строительство нового храма. К 1910 г. здание в целом было построено и освящено о. Святополк-Мирским. Полностью все строительные работы были завершены осенью 1911 г. Новый красноярский костел был освящен во имя Преображения Господня, имел три алтаря. Покровителем церкви избрали святого Станислава, епископа и мученика.

Цоколь и крыльцо были сделаны из тесаного камня, стены, башни и потолок из кирпича, крыша железная, пол деревянный. В помещении храма вели две двери и четыре в ризнице. Освещали здание четыре больших окна и девять средних. Отапливалось оно двумя железными печами.

Алтари, сделанные из дерева, были «простой» работы; стены и потолок внутри расписаны водными красками. В помещении имелись две фисгармонии, две люстры с электрическими свечами. Для удобства прихожан стояли одна скамейка, обитая красным сукном, и восемь деревянных. Имелись три деревянных креста среднего размера с железным распятием, два из «белого» материала, четыре металлических.⁴

В результате здание католической церкви с «домом ксендза» было возведено в историческом центре города и служило ядром небольшой архитектурно-исторической зоны застройки в квартале между сегодняшними улицами Горького и Декабристов, Маркса и Богграда.⁵

Строительство храма регулировалось как национальными и конфессиональными традициями, так и законодательными актами. Многочисленные историко-документальные материалы о сооружении и бытовании красноярских католических храмов убедительно свидетельствуют о том, что идеи возведения новых храмов проявлялись как общественная по-

требность. Общественные средства в виде добровольных пожертвований, при отсутствии вклада государственных средств, превратили строительство храма в важное социальное мероприятие. Храм строился на добровольные пожертвования. Сбор средств на строительство церкви был начат в 1904 г. и проходил во многих западных районах страны и по всей Енисейской губернии. К 1 июля 1906 г. было собрано 8865 руб. 13 к. Сохранились фамилии наиболее крупных жертвователей: Войцеховский, Сангушко, Залеская, Хелмицкий, Стамировский, Мончинский, Валантинас, Бадер, Данилов, Корнаков. По двум духовным завещаниям Михалевича и Гришкевич было пожертвовано 160 рублей. Сбор денежных средств на постройку храма был продлен до 1908 г. и осуществлялся по всей Могилевской архиепископии. Однако и после этого нужной суммы собрано не было. Поэтому для строительства здания был заложен купленный у Е.П. Кузнецовой земельный участок. Студа составила 7 тысяч рублей, необходимых для достройки храма.⁶

Кроме сакрального, культовое здание до революции несло и историко-культурную нагрузку, что было явлено в формировании идейного и культурного пространства места. Храм удовлетворял духовные потребности людей, был центром образования. При нем действовали конфессиональная школа, библиотека. Велась благотворительность. Он формировал образ жизни прихожан: в его стенах проводились религиозные беседы, пропагандировался трезвый образ жизни, шла работа с людьми, находящимися в сложных жизненных ситуациях. Религиозные праздники определяли время, деля его на будничное и праздничное (праздничные службы, крестные ходы, съезжие праздники, торжественные богослужения во время светских торжеств). В церкви формировалась вокальная культура и эстетический вкус через приобщение к органной музыке.⁷

В советский период одинаковая судьба была у культовых зданий всех конфессий – их перестраивали, разрушали или приспособляли для различных функций, далеких от богослужебных. Время, когда храм фактически перестал использоваться по назначению, к сожалению, точно не установлено. В паспорте памятника истории и культуры СССР «Красноярского римско-католического костела», составленного в 1986 г., значится дата – конец 1920-х годов. Официально костел был закрыт 25 марта 1936 г.

В 1930-1940-е годы здесь размещался радиокомитет, с конца 1950 до 1980 года – кинокомплекс красноярской студии телевидения. Собственно само помещение использовалось под складские и подсобные помещения радио и телевидения. Что же касается архитектурного облика церкви, то за годы советской власти были утрачены башни, внутреннее убранство, в ходе приспособления были выполнены пристройки. Католики же в течение десятилетий вынуждены были участвовать в богослужениях тайно и нерегулярно.⁸

Восприятие жителями региона красноярского католического храма как произведения искусства появилось только в 1970-е годы. Преподаватели и студенты строительного факультета Красноярского политехнического института в 1970-е годы обследовали здание, провели обмеры и расчеты. Они пришли к выводу, что при сравнительно небольших затратах (приблизительно в 60-70 тыс. рублей, без учета решения интерьеров и стоимости сантехники) внутренняя планировка здания и его оригинальный внешний вид могут быть восстановлены. Тем самым единственный в Красноярске зал высотой 9 метров, обладающий хорошей акустикой, стал бы пригодным для использования в качестве зала камерной музыки и музыкальных лекториев. В зале общей площадью около 325 кв.м, по их подсчетам, можно было разместить 250-300 кресел, а в абсиде главного нефа или в трансепте – орган. Архитектурно-строительную и сантехническую часть проекта предполагалось выполнить на общественных началах в студенческом КБ политехнического института под руководством преподавателей.⁹

В конце III квартала 1978 г. у заместителя председателя исполкома Красноярского горсовета Л.В. Ноткиной состоялось совещание по поводу реставрации римско-католического костела. Было подтверждено, что размещающийся в настоящее время в этом здании комплекс Красноярской студии телевидения должен в 1980 г. перейти в новое помещение. Все участники совещания, в том числе и представители филармонии пришли к заключению, что лучшим вариантом использования этого здания после его освобождения является размещение в нем концертного зала для органной и камерной музыки.

Активисты архитектурной секции краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры под руководством Э. М. Панова, Ю. И. Гринберг провели все обмеры здания, составили на отдельные виды работ проектноую документацию.¹⁰

Реставрация была проведена в 1980-1982 гг. институтом «Красноярскгражданпроект» и РСУ-5 горремстройтреста. Автором реконструкции стал А.И. Соловьев, его консультировали Э.М. Панов и Ю.И. Гринберг. С помощью ремонтно-реставрационных работ был частично восстановлен внешний и внутренний вид здания. На эти работы было потрачено более 700 тысяч рублей, выделенных управлением культуры крайисполкома. На фирме «Ригер-Клосс» (Чехословакия) был заказан орган. Стоимость инструмента в ценах 1980 г. около 490 тысяч инвалютных рублей. С 1983 г. здание использовалось как зал органной музыки, находилось на балансе управления культуры крайисполкома. Здесь проводились концерты инструментальной музыки, которые в год посещало более 28 тысяч слушателей.¹¹

В 1980-е годы здание храма было официально признано памятником архитектуры и истории (решения крайисполкома Совета народных депутатов №384-15 от 16.06. 1980 г. и № 345 от 24.12. 1986 г.) как «своеобразный» памятник культовой архитектуры начала XX в., исторический памятник, построенный в честь (пребывания на территории края) ссыльных польских повстанцев 1830 и 1861 гг.». Культовое здание характеризовалось как «заметный ориентир в пределах локальной зоны, хорошо адаптированный в качестве органного зала с хорошей акустикой и запоминающимся обликом».¹²

В настоящее время здание находится на балансе Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры комитета по делам культуры и искусства Администрации Красноярского края. По договору аренды здание отдано краевой филармонии под органный зал.

Рядом со зданием церкви находится хорошо сохранившийся дом священника. В 1992 году был начат капитальный ремонт. Помещение было приспособлено для нужд музыкальной школы, где в настоящее время учатся около 300 детей.

Возрождение религиозных традиций в последнее десятилетие XX века привело к воссозданию и расширению как сакрального, так и историко-культурного значения культового здания. Восстановление церковной общины началось по инициативе группы католиков польского и немецкого происхождения, возглавляемых Т.З. Дергун, а также русской молодежи. 15 мая 1991 г. община была зарегистрирована в управлении юстиции администрации Красноярского края. Первоначально встречи католиков проходили в частных квартирах, Доме культуры, музыкальной школе. Только после многочисленных обращений и ходатайств католической общины, а также после прибытия в апреле 1992 г. в Красноярск для постоянной пастырской работы священника из Ирландии о. Роберта Бредшоу и создания католического монастыря, стало возможным совместное с Органным залом использование помещения.

Таким образом, в настоящее время католики находятся в здании для проведения богослужений три часа в день. В нем проводятся мессы на русском, латинском, польском и немецком языках. Тут собираются члены Общества св. Викентия де Поля, «Легиона Марии», «Каритас», проходят встречи молодежи и молитвенной группы, групп поддержки для зависимых и созависимых «12 шагов», «Матери в молитве» и Катехумената. После мессы функционируют приходская библиотека и магазин религиозной литературы, проводится Библейский курс.¹³

В течение многих лет католики Красноярска ходатайствуют о возвращении здания храма. Этот вопрос для них принципиален. Католики не раз озвучивали свою позицию в теле- и радиопередачах, в газетных статьях.

Осознавая, что костел ныне является концертным залом с единственным в городе органом, они предлагали подписать договор, согласно которому храм переходит к католической общине, а концерты будут проводиться в течение нескольких лет, пока власти не найдут деньги на перенос органа.¹⁴

Однако хрупкость инструмента, его сложная система эксплуатации, заключающаяся в поддержании необходимой температуры и влажности, стали главным препятствием в возвращении святого для католиков здания. При новом перепрофилировании здания, по мнению светской власти, старый орган будет безвозвратно утерян.¹⁵

К сожалению, сакральные возможности использования культового здания в таком ракурсе весьма ограничены. В общине нет полноценной выставочной площади, серьезной видеотеки и фонотеки, библиотечного фонда, образовательных классов, что мешает полноценному развитию прихода, а самое главное, ведению диалога между светским обществом и общиной.

Не добившись положительного решения о возвращении исторического здания, священники и прихожане обратились к городским властям с просьбой выделить участок земли под строительство нового храма. Участок был выделен в микрорайоне Солнечный. Проект разработан красноярскими архитекторами К.Ю. Шумовым и Е.О. Разваляевым.¹⁶

Что же касается исторического культового здания, то можно говорить о нарушении смысловой нагрузки его значения, принадлежащего в первую очередь к области духовной, а не светской культуры. Ведь институт Церкви играет определенную роль в духовно-нравственном воспитании личности. Он составляет основу культуры таких народов – граждан Российской Федерации, как немцы, поляки, литовцы и латыши.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.698. Л.6-11, 332, 341-342об, 359. Д.883; Католический посланец, июнь 2001. С.5; Российская католическая газета, 18.09.2002. С.4

² РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.883.

³ ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д.74; Оп.59. Д. 323. Л.1, 5; Д.506. Л.1, 1об; Ф.161. Оп.1.Д.236. Л.48; РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.698. Л.332

⁴ ГАКК. Ф.595. Оп.59. Д.506; Ф.Р-1557. Оп.1. Д.8

⁵ Архив Красноярского римско-католического прихода. Копия паспорта...

⁶ РГИА. Ф.821. Оп.1. Д.698, Д.883; Оп.11.Д.83; Ф.1557. Оп.1. Д.8

⁷ ГАКК. Ф.595. Оп.3. Д.343

⁸ ГАКК. Ф.Р-1386. Оп. 1. Д. 536. Л. 106; Р-2384. Оп. 1. Д. 707; ЦХИДНИ КК. Ф. 26. Оп. 24. Д. 7. Л. 193; Оп. 29. Д. 6. Л. 54-44; Оп. 32. Д. 6. Л. 22, 23, 26; Оп. 33. Д. 7. Л. 28, 33

⁹ Архив Красноярской католической общины. Докладная записка преподавателей Красноярского политехнического института от 30. 03. 1974 в адрес первого секретаря Красноярского крайкома КПСС

¹⁰ ЦХИДНИ КК. Ф.Р-1003. Оп. 1. Д. 56. Л. 1, 2

¹¹ ГАКК. Ф.Р-2384. Оп. 1. Д. 707

¹² Архив Красноярского римско-католического прихода. Копия паспорта памятника истории и культуры СССР «Красноярского римско-католического костела»

¹³ Бадуря А., о. Католические приходы и общины Красноярского края, Республик Хакасия и Тува. Краткий обзор за 1992-1994 гг.; Католический посланец, октябрь 2005 г.

¹⁴ Из интервью о. Антония Бадуря «Не теряйте радость жизни». / В. Савранская-Калужская. Поляки ЗАТО г. Железногорска: Биографический сборник. Красноярск, 2003. С. 82

¹⁵ ГАКК. Ф.Р-2384. Оп. 1. Д. 707

¹⁶ Российская католическая газета, 18. 09. 2002. С. 4, 5

А.А. КРИХ

БАРСКИЕ КОНФЕДЕРАТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ В г. ТАРЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII В.)*

В течение всей истории «русской Сибири», с момента присоединения региона до современных дней, поляки, преимущественно ссыльные, играли значительную роль в ее судьбе. В последней трети XVIII в. в Тобольской губернии появилась очередная группа ссыльных – конфедераты, являвшиеся участниками сословных организаций польской шляхты. В Тарском уезде Тобольской губернии были поселены участники Барской конфедерации 1768 г. В метрических книгах г. Тары имеются сведения о ссыльных польских конфедератах, принявших православие и женившихся на местных уроженках в 1771-1778 гг. В метрических книгах церкви г. Тары упоминается 51 конфедерат. Социальная принадлежность указана лишь у 16 чел.: двое назвались шляхтичами, остальные 14 чел. указали на свою принадлежность к тем социальным группам, к которым они принад-

лежали в сибирском обществе – к солдатам и казакам. «Польские конфедераты» становились казаками и солдатами в г. Таре, которая поставляла служилых людей на новопостроенную Горькую линию.

Аналогичным образом не у всех крестившихся конфедератов указывалось их прежнее вероисповедание: 31 чел. ранее были католиками, а 6 чел. – униатами. Несмотря на то, что все ссыльные участники Барской конфедерации назывались в метрических книгах «польскими конфедератами», в этническом отношении не все из них были действительно поляками. Сопоставив фамилии и вероисповедание, можно предположить, что униаты – Андрей Григорьев Дубина, Никита Бобровников, Василий Боченков, Феодор Малахавски, Михаил Замузе и Петр Юрашка, – были в этническом отношении белорусами, хотя в XVIII в. православная белорусская шляхта называла себя «литвой» или «поляками», а иногда и тем и другим одновременно¹.

Также встречаются нехарактерные для поляков имена и фамилии. К примеру, Лютер Го[т]лип Берган, ставший после крещения Василием Петровым Вишняковым, Иан Шмид (по-видимому, искаженное Шмидт) или Лаврин Немец, нареченный в православии Иваном². В последнем случае, «Немец» является не фамилией, а скорее прозвищем. Причем подобные прозвания были в ходу у тарских казаков более раннего времени, а за некоторыми из них даже укрепились в качестве фамилии³.

Судить о возрасте ссыльных конфедератов по метрикам 70-х гг. XVIII в. невозможно, т.к. ни при перекрещении, ни при вступлении в брак возраст не фиксировался священниками. Судя по тому, что через 3-4 года с момента ссылки почти половина известных по метрикам конфедератов вступили в брак, можно предположить, что сосланные были молодыми людьми брачного возраста. На это также указывает и то, что они были в состоянии нести казачью службу.

Первые перекрещенные начались в 1771 г., однако массовое принятие православия происходило в 1773-1774 гг. В дальнейшем количество переходов конфедератов в православие значительно сократилось. Число крещений не было связано с количеством заключаемых ссыльными конфедератами браков. Более того, русская православная церковь не воспринимала заключение инославных браков, т.е. браков между людьми, принадлежавшим к разным ветвям христианства, при условии, что дети от таких браков будут воспитываться в православной вере. Всплеск перекрещений можно связать с принятием в 1773 г. указа о «непосылании в Сибирь на поселение польских конфедератов, воспринявших православную Греко-российскую веру и об оставлении их в свободном состоянии»⁴.

Хотя в указе речь шла о тех конфедератах, которых еще не отправили в Сибирь, в самой Сибири, по-видимому, это распоряжение было воспринято как возможность возвращения на родину. Однако столь ожидаемой

амнистии не пошло, а в 1774 г. был издан указ о выдаче вспоможения на обзаведение хозяйством тем польским ссыльным, которые после принятия православия пожелают поселиться в Сибири⁵. Очевидно, что Екатерина II не собиралась прощать мятежников и, более того, стремилась создать условия для того, чтобы они навсегда остались в Сибири⁶. Очередной указ 1781 г. о выдаче кормовых денег для ссыльных конфедератов, турок и татар, принявших православие⁷, должен был стимулировать процесс переименования. В итоге, в «Топографическом описании Тобольского наместничества 1788 г.» было констатировано, что все пленные конфедераты «восприняли веру греческого исповедания»⁸.

Униаты проходили «облегченный» вариант переименования, т.е. они подтверждали свою принадлежность к православию путем отрицания католицизма, исповеди и принесения «присяги». Переименованные таким образом униаты не имели восприемников, в отличие от остальных конфедератов, среди которых, возможно, были не только католики. После крещения униаты сохраняли за собой имена и фамилии, данные в детстве, о чем священник делал запись в метриках – «непереименован». Католики, за редкими исключениями, получали новые имена, а также отчества и фамилии по своим восприемникам. Новые фамилии приняли, преимущественно, конфедераты, вступившие в брак – 15 чел., – и три человека стали называться по фамилиям восприемников без указания на женитьбу.

Иногда в метрических записях указывались обе фамилии конфедерата: Павел Тимофеев Кривоногов и Холевобски, Стефан Александров Потанин и Ковалски, Василий Стефанов Коржев и Кавецки⁹. Принятие фамилии крестного отца, в роли которого выступали не последние лица г. Тары, как бы подводило черту под прошлой жизнью конфедерата и способствовало включению в местное сообщество. Если учесть, что восприемники (крестные) – это не случайные люди для крестника, – то крестившегося конфедерата и его восприемников должны связывать какого-либо рода положительные отношения. В связи с этим можно выявить круг общения польских ссыльных в г. Таре. В 13 случаях крещения в роли восприемников выступали посадские, в 11 – нижние воинские чины (прапорщики, сержанты и др.). Трижды крестными конфедератов становились майор Максим Григорьев Кривоногов и тарский воевода Тимофей Григорьев Кривоногов, чьи фамилии приняли Станислав Холевобски, Антоний Бриско и ссыльный по имени Захарий, чья изначальная фамилия неизвестна¹⁰. Поддавшись всеобщему порыву, бургомистр г. Тары также стал крестным для польского конфедерата Андри Гвордиона¹¹. Дважды восприемником у польских ссыльных становился «старской канцелярии секретарь» Афанасий Катин, чью

фамилию приняли Антоний Ореховский и Станислав Степановски¹². Три раза крестными конфедератов становились солдаты и лишь в двух случаях – крестьяне¹³.

Восприемниками польских конфедератов становились в основном жены офицеров нижних чинов (в 21 случае крещения). В четырех случаях в качестве крестных выступали солдатские жены и в трех случаях – крестьянки. Также четыре раза восприемниками становились посадские жены, дважды – дворянка и один раз – жена тарского коменданта.

Таким образом, конфедераты оказались вписаны в высший свет тарского общества, что было связано, по-видимому, не только с их дворянским происхождением, но и тем интересом, который вызывали политические ссыльные в сибирском обществе как в XVIII, так и XIX в. Однако тарский высший свет не стремился породниться со ссыльными шляхтичами. Посадские охотно становились крестными отцами молодых конфедератов, но только один из них – Дмитрий Чернов, – одобрил брак своей дочери Варвары с Михаилом Васильевым Галдузой¹⁴. Как уже отмечалось, из упомянутых в метрических книгах 51 конфедерата, 23 женились в г. Таре. Их избранницами стали: 6 крестьянок, 4 дочери разночинца и одна вдова разночинца, 3 женщины были из семей служилых людей и две – поселщицы. Двое конфедератов нашли невест своего этнического круга – Матфей Матфеев Рыбацки женился на «ис поляк же вдове» Катерине Юрьевой, а шляхтич Кароль Вирбишки – на дочери «вдовы полячки» Настасье Максимовой¹⁵. Второй из известных нам шляхтичей – Антоний Ореховский, а по крещению Антон Афанасьев Катин, – женился в 1773 г. на дворовой девке Евдокии Петровой¹⁶. У двух жен польских конфедератов социальное происхождение неизвестно. Одним из последних, в 1777 г., женился Фраццен Уклински/Буклинской, чьей избранницей стала дочь ясачного крестьянина Евдокия Иванова Сибирцева¹⁷.

Можно заметить связь между сменой фамилий конфедератами и их женитьбой на простолюдинах. Восемь женившихся польских конфедератов, среди которых было шестеро униатов, сохранили свои фамилии. «Польские» фамилии оставили себе те, которые женились на «полячках», а также те, чьи исконные фамилии по звучанию не выбивались из звукового ряда сибирской антропонимии. Женитьба на сибирячке являлась самым действенным способом адаптации к местным условиям жизни.

Как отмечают польские исследователи, большинство конфедератов вернулись на родину в 1781 г. В Сибири осталось около 90 чел. конфедератов, которые заключили браки с сибирячками¹⁸. Однако о конфедератах, живущих в селениях по р. Аеву и в г. Таре, писал А.Н. Радищев, проезжавший через эти места в июле 1791 г.¹⁹ А.Д. Колесников, изучавший население Тарского и Омского уездов по материалам ревизии 1782 г., писал, что в Омском уезде проживало 10 конфедератов, в Тарском уезде – 3 чел., а в самой Таре – 16 чел.²⁰

Таким образом, «сыльные «польские конфедераты» внесли свой вклад в процессе формирования русского населения Среднего Прииртышья, став родоначальниками многих старожиловских семей.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-90102а/Б.

¹ Белорусы. – М., 1998. – С. 98.

² ГУ ГАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 4. Лл. 402, 403, 475.

³ См.: Резун Д.Я. Откуда пошли Немчиновы в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. - № 2. – С. 76-77.

⁴ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882. – Сургут, 1993. – С. 185.

⁵ Там же. – С. 186.

⁶ Б. Пилсудский в одной из своих лекций в 1917 г. сообщал, что в 1773 г. Екатерина II отдала приказ об освобождении барских конфедератов, но «правитель Сибири генерал Чичерин самовольно удержал более молодых и сильных из них, которых принудил стать сибирскими казаками, позволив вернуться в Польшу лишь старцам и увечным»: Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа: Сб. ст. – М., 2002. – С. 15.

⁷ Там же. – С. 191.

⁸ Колесников А.Д. Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года. – Омск, 2002. – С. 17.

⁹ ГУ ГАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 4. Л. 405 об, 406, 406 об.

¹⁰ Там же. Лл. 248, 401, 474.

¹¹ Там же. Л. 476.

¹² Там же. Лл. 401, 402.

¹³ Там же. Лл. 403, 403 об, 475, 569 об, 653.

¹⁴ Там же. Л. 472 об.

¹⁵ Там же. Лл. 482, 654 об.

¹⁶ Там же. 399 об.

¹⁷ Там же. 724 об.

¹⁸ Пилсудский Б. Указ. соч. – С. 15; Качинская Э. Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа: Сб. ст. – М., 2002. – С. 272.

¹⁹ Радишев А.Н. Записки путешествия в Сибирь // Радишев А.Н. Полн. собр. соч. – Т. 3. – М.; Л., 1952. – С. 261.

²⁰ Колесников А.Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. – Омск, 1999. – С. 65.

С.В. ЛЕОНЧИК

НАРЦИЗ ВОЙЦЕХОВСКИЙ – ССЫЛЬНЫЙ УЧАСТНИК ВОССТАНИЯ 1863 г. Минусинск, Красноярск, Томск

Большой вклад в развитие промышленности и культуры Минусинского округа на рубеже XIX–XX вв. внесли семьи польских ссыльных. Особым почетом пользовались среди минусинцев большие и дружные семьи Войцеховских, Корженевских и Даниловичей.

Биография главы одного из семейств – Нарциза Войцеховского достаточно интересная и даже захватывающая. Его жизненный путь, описан им самим в мемуарах 1916 г. „Moje wspomnienia” («Мои воспоминания»). Именно эти воспоминания послужили основой для написания в 1986 г. художественной повести „Wzgórze błękitnego snu” («Сопка голубого сна»), автором ее является польский писатель Игорь Неверли.¹ Оригинал (а точнее, копия, отпечатанная по-польски на машинке внучкой Нарциза Войцеховского Галиной, оригинал же был сожжен фашистами во время Варшавского восстания 1944 г.) хранится в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Воспоминания своего дедушки передала музею дочь Болеслава Войцеховского – Галина Войцеховская-Месснер. Это произошло в 1978 г. Тогда же в Минусинске и была сделана фотокопия воспоминаний, послужившая основой для повести Игоря Неверли.²

Каким же был герой повести И. Неверли, и в чем правда, а в чем и вымысел автора, – это становится ясно после знакомства с большим мемуарным, эпистолярным наследием, которое оставили Н.Войцеховский и члены его семьи. С этим наследием, кроме упомянутого архива Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова, можно ознакомиться в фондах Минусинского городского государственного архива и в архиве Союза Сибиряков РП в г.Варшаве (т.н. «Архив Галины Войцеховской»).

Кроме того, многочисленные упоминания о Войцеховских встречаются в документах Красноярского краевого государственного архива в г.Красноярске.

Родился Нарциз Войцеховский в 1846 г. в г. Сероцке, в настоящее время это небольшой городок по дороге из Варшавы в Пултуск. Его родителями были Юзеф Войцеховский и Валерия Дорант. В семье, кроме него,

были два брата и сестра. Брат Станислав был ранен в восстании 1863 г. и скончался в российской тюрьме.

Родители хотели выучить Нарциза на ксендза, но из-за отсутствия средств не смогли. Дядя забрал его в Варшаву и там с 13 лет он стал учиться на органиста. В 1862 году он закончил учебу и сразу был принят учителем в начальную школу в Елонках. В январе 1863 г. вспыхнуло восстание. Нарциз вступил в отряд Мыстковского. Этот отряд после нескольких мелких столкновений с русскими войсками под угрозой полного уничтожения был распушен. Нарциз вернулся к родителям, а через некоторое время, в апреле выехал в Варшавскую губернию, где стал работать учителем в школе и органистом в станиславовском костеле. Оказывал активную помощь повстанцам. После поражения восстания помогал им перебираться через границу. Двоих из них поймали, и найденные у них документы скомпрометировали Войцеховского. После 9 месяцев заключения в варшавской цитадели его выслали в Сибирь «на житье с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ в менее отдаленные места Восточной Сибири» — как было сказано в конфирмации наместника, объявленной в день высылки 11 октября 1866 года.³

В письме к родителям он пишет: «Приговор со спешкой приведен в исполнение, и поэтому мы выезжаем. Прощение на имя наместника комиссия писать не позволила, так как говорит, что этого не практикует. Ничего удивительного, что спастись они не позволяют. Для них только унижать, мучить, морить хлебом и водой, отбирать человеческое достоинство битьем, писать фальшивые протоколы и заставлять их подписывать — это они умеют».⁴

Дорога к месту ссылки для Нарциза Войцеховского проходила в кандалах по этапам: Петербург (тюрьма Литовский замок), Москва (тюрьма Калымажный двор), Казань (на барже под палубой), Пермь (на подводах). Из Перми, где ссыльные долгое время находились в камере с уголовниками, путь до Тобольска проходил пешком в кандалах и прикованными цепями к телеге. Самым тяжелым был этап из Тобольска в Каинск в сильные морозы без теплой одежды. Из Каинска, вместе с 300 политическими ссыльными, Нарциз Войцеховский прибыл в Томск, откуда на подводах их доставили в Красноярск.

В Красноярске впервые полякам разрешено было ходить без конвоя и здесь они были отделены от уголовных ссыльных.⁵

Из общего числа ссыльных за Урал 18 623 человека на Восточную Сибирь приходилось, согласно официальным данным, 8 199 человек. В Енисейскую губернию направленно 3 719 человек. Из них в Канский округ — 1 457 человек, в Минусинский — 1026, 1 236 — в остальные округа.⁶

век-поляков, пребывающих в Енисейской губернии в 1863-70 гг.⁷ С чем это связано? Прежде всего, с делением ссыльных на категории высланных на каторгу, проживание (житье), поселение и водворение. В архивных документах часто встречается термин, относящийся к определенной группе ссыльных поляков — «западнопольский переселенец», акцентируя тем самым якобы не политический характер этого поселения.

Из выделенных 4 419 ссыльных больше всего было представителей польской шляхты — 1 865 (из них особо титулованной шляхты, дворян — 230). Нарциз Войцеховский принадлежал к дворянам Варшавской губернии, не утвержденным геральдией (герб Пласких).⁸

Из группы в 11 товарищей в Красноярск пришли только Нарциз и его друг Матеуш Пшепорковский. Остальные остались на этапах, в больницах. Изначально местом пребывания Нарциза Войцеховского должна была стать расположенная на север от Красноярска на Ангаре Кежда. Однако, благодаря помощи поляка Шимона Гоштовта, который исполнял функцию смотрителя поселений, его направили в село Сагайское около Минусинска, что в 400 километрах от Красноярска на юг.

27 апреля 1867 г. в арестантском халате, с 40 копейками в кармане прибыл Войцеховский в Сагайское, где уже проживали 40 польских ссыльных.

Первую работу Нарциз Войцеховский находит в Каратузском. В этом казацком селе также проживала большая польская колония. Поляки работали в качестве гувернеров, секретарей, экономов. Врачом в селе был Даниловский, а фельдшером — Суликовский.

После первого заработка — 30 рублей, — Войцеховский снимает вместе с другом М. Пшепорковским снимают комнату и начинают свое первое совместное предприятие — изготовление папирос. Активно занимались они охотой на зайцев, уток, тетеревов и куропаток. С другим ссыльным — Франтишком Киньским, открыли производство конопляного масла. Из конопляных прутьев ссыльный по имени Фредерик изготовлял веревки, которые продавали золотопромышленникам в Каратузском. Войцеховский и Пшепорковский занимались сельским хозяйством. Сеяли овес, рожь, пшеницу, косили сено для своих коней.

В 1869 г. в связи с катастрофическим неурожаем Нарциз Войцеховский бросает занятия земледелием и ищет новой работы. Благодаря рекомендации поляка Юзефа Врублевского в 1870 г. Войцеховский стал помощником волостного писаря в 4-х деревнях в околицах Кочергино. Затем он получает предложение от хозяина паровой мельницы Серафима Гусева и становится там управляющим с вознаграждением 25 рублей в месяц. Работа была очень тяжелой — 21 час в сутки. Однако именно с этого времени можно говорить о начале жизненной и предпринимательской карьеры Войцеховского.

В начале 1876 г. Войцеховский переезжает в Минусинск, где работает в магазине Яна Прендовского. В этом же году Прендовский продает магазин Владиславу Корженевскому. Корженевский был женат на Лидии из рода Шерцингер, немцев из Баденского княжества, проживавших от двух поколений в Томске. Благодаря жене Корженевского, Войцеховский познакомился с ее сестрой — Эммой. Их бурный роман, который можно проследить по оставшимся письмам, привел в 1877 г. к их бракосочетанию. В это время Войцеховский был управляющим на предприятии Гусева — вино-водочном заводе, заводах по изготовлению стекла и соды — крупнейшей в то время фирме в Енисейской губернии.

Материальная ситуация Н.Войцеховского улучшалась день ото дня, в год выходило более 1 500 рублей. Кроме того, Войцеховский не останавливался на достигнутом и вместе со ссыльным Желтковским открыл мыловаренный завод, где производством заведовал инженер Александр Венцковский. После ликвидации этого завода в 1880 г. с новым компаньоном Станиславом Гутовским Войцеховский начал поиски золота в Ирбинском крае на границе с Тувой. Кроме того, он входит в пай с Александром Скочинским в соляное дело на абаканских соляных озерах.⁹

1883-й год. Император Александр II оглашает амнистию, согласно которой ссыльные восставшие 1863 г. получали свои права и имели возможность вернуться на родину. Однако несмотря на желание вернуться в Польшу, Войцеховский решает пока остаться в Минусинске. Поиски золота увенчались успехом.

В августе 1885 г. семья Войцеховских, — а это его жена и два сына: Казимир (1878 г.) и Болеслав (1883 г.), покупают в центре Минусинска большой дом на 6 комнат. Там на свет пришли их очередные дети — Ян (1886 г.), Юзеф (1888 г.), Мария (1894 г.) и Михалина (1895 г.). В это время Нарциз впервые после ссылки посещает свой родной дом и уговаривает родителей приехать к нему в Сибирь. Мать прожила с ним 16 лет и умерла в декабре 1904 г. Похоронена в Красноярске. Отец умер четырьмя годами позднее и похоронен в Минусинске, рядом с могилами малолетних детей Нарциза.¹⁰

В восьмидесятых — начале девяностых годов XIX в. родственные семьи Войцеховских, Корженевских и Андроновских составляли ядро минусинской польской диаспоры. Важную роль играла также семья доктора Даниловича и польская группа в музее Николая Мартыянова.¹¹

По инициативе Войцеховского в его доме была устроена католическая часовня, в которой несколько раз в году происходили богослужения с участием приходского священника Францишка Скобейки из Красноярска. В 1871 г. в самом Красноярске было 4 269 прихожан, а за пределами города — 1 385.¹² Жид священник в польских семьях и несколько дней про-

водил службы, крестил, венчал и отпевал, посещая могилы умерших на неправославной части минусинского городского кладбища.

Поляки, проживавшие в Минусинске, старались дать своим детям образование. Кроме обучения в школе, в домах учили детей родному польскому языку.

Однако в Минусинске долгое время не открывалась гимназия, и поэтому семьи Даниловичей, Корженевских и Войцеховских выехали в Красноярек. У Войцеховских рождаются сын Леон (1899 г.) и Станислав (умер в 1906 г.). Во время пребывания семьи в Красноярске их «золотой интерес», а именно соледобывающие шахты, находились далеко от Красноярска. Летом вся семья на пароходе три дня плыла до Минусинска, а оттуда на соленое озеро Кызыл-Куль, до солеваренного завода.¹³

В Красноярске Нарциз Войцеховский сблизился с многочисленной Полонией и стал активным общественным деятелем. Он выделил финансовую помощь на строительство в Красноярске нового римско-католического костела в неоготическом стиле. Войцеховский исполнял обязанности председателя Совета съездов золотопромышленников. Казначейская палата избрала его членом отдела по налогам. В 1906 г. он был докладчиком на собраниях по избранию в I Государственную Думу. Во время революционных событий 1905 г. был делегатом в комитете по спасению 800 бастующих членов паровозного цеха. Войцеховский был членом комиссии, которая отстаивала права уволенных забастовщиков.

В сентябре 1907 г. семья вновь вернулась в Минусинск, где была уже открыта женская гимназия, и дочери могли закончить образование. Старшие сыновья уже учились в вузах: Казимир в Томске, Ян в Москве, а Болеслав во Львове.

Войцеховский продал золотой рудник и стал заниматься только добычей соли. В это время он так же, как и в Красноярске, активно участвует в общественной жизни маленького городка Минусинска. Он был членом городской Думы, участвовал в комитетах по проведению железной дороги до Минусинска, по открытию навигации по Енисею до границы с Монголией, по строительству казарм для нового гарнизона, в музейном комитете, в комитете по опеке над инвалидами японской войны и в комитете по открытию общества взаимного кредита.

Однако самым ценным для Войцеховского стало избрание в качестве докладчика на 50-летие отмены крепостного права в России. На собрании 19 февраля 1911 года не только Дума, но и все присутствующие устроили Войцеховскому овацию. Все это говорит о том, что Войцеховского очень уважали в родном его Минусинске. Однако не всегда его карьера была столь оптимистичной. Войцеховский приводит в своих воспоминаниях такой факт: когда его избрали почетным опекуном городской школы, ге-

нерал-губернатор не утвердил выбора и рекомендовал выбрать кого-нибудь другого. Дума единогласно постановила уклониться от исполнения желания генерал-губернатора, указав, что «не находит среди минусинцев более подходящей особы, заслуживающей этой чести». Несмотря на это генерал-губернатор телеграммой рекомендовал обществу опеки над народным образованием убрать Войцеховского с поста председателя, но общее собрание отклонило эту рекомендацию. Войцеховский, боясь недовольства генерал-губернатора по отношению к минусинцам, сам отказался от председательства, но его отставку они не приняли и уговорили председательствовать.

То же самое произошло и когда минусинцы в числе четырех мировых судей выбрали Войцеховского, но генерал-губернатор не утвердил.

Войцеховский подчеркивает, что с самых первых своих шагов в Сибири его окружали, в основном, люди, готовые всегда помочь, и благодаря им, как отмечает Войцеховский, ссыльные не только выжили в тяжелых условиях Сибири, но и сделали здесь карьеру.

Очень показательна одна цитата из воспоминаний Н.Войцеховского: «Все это вместе не только составляет мою моральную награду за честный труд в течение ряда лет для общества, с которым вынужден был жить, но и служит неопровержимым доводом, что мы, поляки, могли бы в этих москалях, в которых традиционно вынуждали нас видеть врагов, иметь доброжелательных и искренних друзей, если бы между нами — народом польским и народом русским, не стояло на страже российское правительство, которое из собственных интересов не допускает взаимопонимания народов, и наоборот постоянно, всеми средствами старается возбуждать взаимную ненависть».¹⁴ Слова, написанные в 1916 г., актуальны и сейчас.

Не оставляла Войцеховского мысль о возвращении на родину. «Всегда, всегда, как во время наибольшего успеха в делах, так и после испытанных неудач и руины, не покидала меня мысль о возвращении на родину, в любимую Польшу».¹⁵ В 1911 г. семья решила выехать на родину. Соляной бизнес был оставлен сыновьям как фирма «Торговый дом Н.Войцеховский и сыновья». Войцеховские выехали с 17-летней дочерью Марией, 16-летней Михалиной и 12-летним Леоном. Дорога длилась 9 дней.

В своих воспоминаниях Мария Войцеховская пишет: «Волнение отца было огромным. Всегда важный, державший себя в руках — сейчас, после пересечения границы, не мог он скрыть своего волнения. Его радовало все — виды из окна, разговоры в вагоне на родном языке и даже толпы людей при приближении к Варшаве».¹⁶

Войцеховские планировали осесть в Варшаве или Люблине. Однако приближающаяся война с Германией и опасения потери денег, привезен-

вернуться в Москву. Он считал, что лучшее образование, чем в Москве, его сын нигде не получит. В это время его сын Болеслав учился в московской консерватории. В 1913 г. Войцеховский последний раз посетил Варшаву, где на 50-летии восстания встретился со своими друзьями по оружию.

Первая мировая война отрезала Войцеховских от Польши. В 1916 г. Нарциз в возрасте 70 лет перенес тяжелую операцию и начал писать свои воспоминания. «Я мало жил в Польше, мало вообще знаю мир, кроме Сибири, но из того, о чем я слышал и читал, делаю вывод, что перипетии, какие я пережил, и результаты, каких я достиг, возможны, вероятно только в Сибири».¹⁷

Революция 1917 г. и тяжелое состояние здоровья вынудили Войцеховского с женой и сыном Леоном выехать в Сибирь, в Томск. Будучи в Томске, Войцеховский был председателем Польского народного комитета. Выезжал он и в свой родной Минусинск, где выступая на собраниях городского совета, призывал к единству, подчеркивая, что только единение и совместная работа принесут спасение России и Сибири.

Нарциз Войцеховский скончался 13 декабря 1919 г. в Томске. В сибирской газете «Труд» вышел некролог Ивана Чибишева, в которой подчеркивается большой вклад Войцеховского в развитие Сибири, его поддержка в создании сибирского университета, высших женских курсов. «С каким нетерпением он ждал освобождения всего русского народа и как горячо верил в светлое будущее России и Сибири».¹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ I. Nowyly. Wzgórze błękitnego snu. Warszawa 1999

² С.В. Леончик. Архив семей Войцеховских в Союзе Сибиряков Республики Польша// Мартыновские краеведческие чтения (1999-2002 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск II, Абакан 2003. С. 231-234

³ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания (на пол.яз) 1916 г. Архив Минусинского регионального краеведческого музея. О.4. Д. 227. С.1

⁴ Там же. С.8.

⁵ Там же.

⁶ ГАИО, Ф.24. Оп.32. Д.79. Л.82-83.

⁷ ГАКК, Ф.595. Оп.63. Д.13. Л.170.

⁸ ГАКК. Ф.595. Оп.63. Д.1131 Л.7.

⁹ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания (на пол.яз) 1916 г. Архив Минусинского регионального краеведческого музея. О.4. Д. 227.

¹⁰ Там же.

¹¹ S.Leończyk. Polskie karty w historii Minusińska. Abakan, 2004. S. 25-38

¹² A. Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja Środkowa. Warszawa 2001. S. 55-56.

¹³ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания (на полях) 1916 г. Архив Минусинского регионального краеведческого музея. О.4. Д. 227.

¹⁴ Там же. СС.14-16.

¹⁵ Там же. С.16.

¹⁶ M.Wojciechowska. Radosne wspomnienie. ANW, cz. III/31; M.Korzeniowska, „Stolica”, 1962, nr 47, s.23.

¹⁷ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания (на полях) 1916 г. Архив Минусинского регионального краеведческого музея. О.4. Д. 227. С. 15.

¹⁸ Там же. Некролог из газеты «Труд».

С.А. МУЛИНА

ПОЛЯКИ-МЕДИКИ В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

Польские и российские историки, занимающиеся изучением сибирской ссылки, редко обходили вниманием польских медиков. Как правило, исследователей интересовала не столько фигура самого ссыльного медика, сколько его врачебная деятельность, вклад в развитие медицинского обслуживания в Сибири¹. Мы попытаемся рассмотреть поляков-медиков, сосланных в Западную Сибирь после восстания 1863 г., как определенную группу ссыльных, и выяснить влияние их профессиональной специфики на обустройство в Сибири.

Первое, что следует отметить, так это то, что ссыльные медики, в отличие от ссыльных других профессий, довольно легко решали в Сибири проблему трудоустройства. Востребованность обществом их услуг объясняется незначительным количеством представителей этой профессии среди местного населения. Однако известны и случаи конфликтов между российскими и польскими врачами, что свидетельствует о наличии конкуренции в сфере медицинского обслуживания².

Как правило, момент конкуренции возникал в крупных городах. М.Жаба, надеявшийся на частную врачебную практику в Кургане, с досадой писал о том, что «медиков здесь и без того много»³. С.Томкович, прибыв «на жительство» в Омск, обнаружил в городе 25 местных врачей. Однако профессионализм польских медиков, о котором имеются много-

численные свидетельства, позволял им довольно быстро обзаводиться собственной клиентурой. «Докторов здесь больше всего, – писал С. Томкович, – но вовсе не занимаются практикою, ... их же не зовут»⁴.

Право заниматься вольной медицинской практикой основная масса ссыльных польских медиков получила в 1865 г.⁵ Это разрешение не сопровождалось предоставлением официальных прав. Ссыльным запрещалось использовать свои медицинские знания в делах, где необходимо было основываться на их показаниях. Полицейский надзор за ссыльными сохранялся. Как правило, формальное разрешение следовало за уже сложившейся практикой. Так М.Жаба получил официальное разрешение заниматься медицинской практикой 18 июня 1865 г., а реально ею занимался с момента прибытия в Курган в 1864 г. Первоначально лечение немногочисленных, в основном, малолетних пациентов не приносило ссыльным практически никакого дохода. Так, польский ссыльный Ф.Климович получил разрешение практиковать 12 февраля 1865 г. На этом основании ему уже в марте прекратили выплачивать пособие. В результате семья Климовича впадала в крайнюю бедность. М.Жаба писал осенью 1864 г., что «в Кургане практики денежной почти нет, а если иногда и призывают меня как врача, то все кончается одним благодарением...»⁶. Со временем поляки-медики обзаводятся более престижной практикой. Жаба уже спустя полгода будет иметь в Кургане «кое-какую репутацию» и «возможность покрыть первое желание необходимости, не влезая в долги»⁷. А в 1866 г. ему будет принадлежать «почти вся курганская практика»⁸, и он сможет сказать: «Практики имею с излишком, и она идет не худо»⁹.

К 1865-1866 гг. относится поток просьб ссыльных поляков-медиков о разрешении поступить на регулярную гражданскую службу по медицинскому ведомству. Все эти просьбы были поддержаны местной администрацией, но не нашли поддержки в Петербурге. Прошение Климовича о поступлении в государственную службу по медицинской части было подкреплено положительной характеристикой профессиональных качеств просителя, подписанной 51 чиновником ГУЗС¹⁰. О назначении Ц.Тераевича туринским городским врачом и возвращении ему прав ходатайствовал сам начальник губернии¹¹. Разрешения поступить в гражданскую службу последуют только в 1870-е гг., но стабильный заработок поляки находят раньше, организуя аптеки, как Тераевич, или устраиваясь на работу в медицинские учреждения: А.Шукевич, Ф.Круковский, К.Кочварский работали в аптеках, М.Жаба – в курганской городской больнице (жалование 12 рублей в месяц), Л.Блавочинский – ветеринарным врачом (содержание 85 рублей в год). К.Горский, сосланный без лишения прав состояния в Омск, обзавелся работой еще до своего прибытия на место жительства. Тобольский губернатор заранее предписал омскому полицмейстеру, чтобы, как только К.Горский прибывает в Омск, было сделано распоряжение о

допущении его к исполнению обязанностей ветеринарного фельдшера по Омскому округу с предоставлением жалования¹².

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о поддержке поляков-медиков местной администрацией. Сталкиваясь с реальными проблемами по обеспечению населения медицинским обслуживанием, власти видели в ссыльных медиках спасение от эпидемий и эпизоотий. Не случайно ходатайства и просьбы ссыльных медиков, как правило, получали поддержку в местных инстанциях, вплоть до генерал-губернатора. В литературе хорошо известен случай со ссыльными В.Лясоцким и С.Томковичем. Их заслуги в деле лечения больных тифозной горячкой в Тобольске были оценены начальством, и приговоры обонх медиков были несколько смягчены¹³. Но и в этом случае центр пошел лишь на минимальные уступки. С.Томковичу, например, так и не разрешили остаться на жительство в Западной Сибири. Ожидая ответа на свое прошение, он практиковал в Омске врачом при чиновниках Главного управления Западной Сибири. В письме он писал, что «занял эту должность с единственной надеждой, что со временем это управление зарекомендует какую благорасположенность и возвратит права»¹⁴. Этим надеждам не суждено было сбыться, и в 1865 г. Томкович отправляется в Восточную Сибирь.

Иногда местная администрация принимала решения на свой страх и риск самостоятельно, без одобрения центра. Так, в январе 1866 г. тобольский губернатор обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с ходатайством о дозволении находящимся в Тобольской губернии врачам из политических преступников, в случае появления в губернии эпидемии, заниматься врачебной практикой. Всем врачам и фельдшерам, которые будут подавать пособие заболевшим, он предлагал назначить содержание: не менее 5 рублей в сутки – на расходы, а фельдшерам – по 1 рублю. Вопрос не был решен. Тогда губернатор заявил, что в случае появления в губернии холеры, он разрешит заниматься практикой всем врачам из политических ссыльных, несмотря на условия их ссылки, и за последствия этого распоряжения примет на себя ответственность лично перед императором¹⁵.

Привлекая ссыльных к борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, власти, в первую очередь, заботились о населении края, а не о ссыльных. Поэтому время от времени ссыльные поляки-медики выражали недовольство действиями сибирской администрации, пытавшейся сэкономить на оплате услуг ссыльных эскулапов. И.Косцялковский дважды был командирован в различные села Омского округа для прекращения болезни сибирской язвы. В общей сложности он провел в командировке 51 день. Получив за работу 100 рублей серебром, ссыльный продолжал требовать выдачи суточных и подъемных денег. Тобольский губернатор ответил отказом. Л.Блавочинскому, борющемуся с болезнями скота в Омском округе, пришлось выпрашивать жалование за 1871 г. в размере 86 рублей¹⁶. Сибирская общественность в подобных случаях принимала сторону ссыльных.

Так, члены городской думы Березова обратились с ходатайством к властям о награждении полугодовым окладом в размере 75 рублей старшего лекарского ученика И.Санкевича¹⁷. В 1876 г., будучи смотрителем больницы, он одновременно исполнял обязанности городского врача и боролся с эпидемиями скарлатины и кори в Березове. Медицинский департамент МВД разрешил выдать Санкевичу награду, но в три раза меньшем размере. В этом же году Санкевичу официально было разрешено поступить в государственную службу лекарским учеником. Прежняя работа Санкевича в этой должности по вольному найму была зачислена в стаж службы.

Благодаря своим профессиональным знаниям, хорошему образованию, знанию русского языка¹⁸, ссыльные поляки-медики приобретали хорошую репутацию у местной элиты. Видной фигурой в общественной жизни Омска становится И.Косцялковский. Ф.Климович, практиковавший в качестве домашнего врача у чиновников ГУЗС, становится надворным советником, заведующим санитарной частью при омском местном батальоне, врачом омской гражданской гимназии, а после – омской женской прогимназии¹⁹. В 1883 г. Климович вошел в состав учредителей общества омских врачей²⁰. Медикам достаются и более состоятельные невесты. Л.Крейбих женится на дочери Марининского купца Ильина, К.Шишковский – на купеческой вдове, Л.Блавочинский – на дочери коллежского асессора. Органично вписавшись в социокультурную реальность Сибири, польские медики не спешат с отъездом. М.Жаба, получив возможность переехать в губернии Европейской России, решил остаться в Кургане, где уже имел репутацию. Единственно, что его привлекает, так это переезд в Казанскую губернию, где бы он мог продолжить обучение²¹.

Таким образом, медицинская деятельность поляков представляла собою наиболее оптимальный вариант сочетания интересов поднадзорных, властей и местного населения. В результате ссыльные медики довольно удачно обустроиваются в Сибири. Но процесс интеграции в сибирское общество, в данном случае, не предусматривался и, как правило, реально не сопровождался аккультурацией. Напротив, поляки-медики, реализуя свою «просвещенческую миссию» среди русского народа, по большей мере сохраняли этническую идентификацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Щербаков Н.Н. Революционеры-медики в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Сборник научных трудов. Выпуск IV. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1979. С. 117-160; Мендрин Г.И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1962.

² Ссылный Л.Блавочинский обвинил окружного ветеринарного врача Ковалевского в наговоре, а М.Жаба жаловался на курганского окружного врача Я.Янушкевича, который якобы распространял слухи, что Жаба не закончил курса медицины и, как ссылный, не имеет права помогать страждущему – ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Т. 2. Л. 528; Оп. 7. Д. 10533.

³ М.Жаба – (видимо, родителям – С.М.). Курган. 1864г. // Там же. Л. 542.

⁴ (Видимо, С.Томковичу – С.М.) – М.Жаба. Омск. 16 января 1865г. // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Т. 2. Л. 556.

⁵ 4 декабря 1864 г. получил разрешение заниматься медицинской практикой И.Косцялковский, в 1865 г. – Ф.Климович, Б.Андржевский, М.Жаба, С.Иванов, С.Санковский – ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6770. Л. 5-6 об.

⁶ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Т. 2. Л. 517 об.

⁷ М.Жаба – (видимо, С.Томковичу), 27 марта 1865г. // Там же. Л. 527.

⁸ М.Жаба – Игнатию. 19 февраля 1866г. // Там же. Л. 539.

⁹ М.Жаба – неизвестному адресату. 16 июня 1866г. // Там же. Л. 544 об.

¹⁰ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6263. Л. 18-19.

¹¹ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5763.

¹² ГУ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 520. Л. 15-16.

¹³ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6290.

¹⁴ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 556, 556 об.

¹⁵ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6770. Л. 1 об.

¹⁶ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10533.

¹⁷ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 14456.

¹⁸ Б.Андржевский, М.Жаба, Ф.Климович, Л.Крейбих, Л.Ростковский, Ц.Тераевич, С.Томкович окончили Московский университет, Х.Толвинский и Ф.Оржешко – Медико-хирургическую академию в Петербурге, И.Косцялковский, В.Лясоцкий, М.Фонберг, Ф.Цвирко-Городницкий – Киевский университет Святого Владимира.

¹⁹ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16503. Л. 25, 50.

²⁰ Лашков К. Омские врачи конца XIX века // Прииртышье мое. Краеведческий сборник. Омск: Омское книжное изд-во, 1990. С. 101.

²¹ М.Жаба – родителям. 24 сентября 1866г. // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 547 об.

ВКЛАД СОСЛАННЫХ ПОСЛЕ 1863 г. ПОЛЯКОВ И ИХ ПОТОМКОВ В РАЗВИТИЕ УРАЛА И РОССИИ

*Пока чужую боль мы чувствуем,
Пока живет в нас сострадание,
Пока мечтаем мы и буйствуем,
Есть нашей жизни оправдание.*

(А. Дементьев)

Первые сосланные в глубь России поляки появились на Урале в 17 веке.

После восстаний в Польше в 19 веке снова массы сосланных шли в Сибирь, но особенно много их осело на Урале после январского восстания 1863 г.

Несколько лет я работаю над этой темой в связи с тем, что мои предки – А.С. Смутьский и В.У. Володзько – были сосланы в Россию за участие в Январском восстании 19 века. Для этого я тружусь в архивах Свердловской (ГАСО), Курганской (ГАКО), Пермской (ГАПО) областей, Российском военно-историческом госархиве (РГВИА), Свердловском областном музее истории медицины (СОМИМ), в библиотеках г. Екатеринбурга. Собранный материал я представила в виде Словника.

Барановский Антон(ий) Викентьевич (1821? – 6.04.1874). Нижне-Сергинский завод[1]), врач, закончил Виленский университет, после польского мятежа поселился на Урале, с 1870 г. работал в Красноуфимске земским врачом, с 1872 г. был заведующим Нижне-Сергинским санитарным участком, сформированным во время эпидемии чумы, слыл в округе «большим любителем ботаники»... С 02.09.1873 – член Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) (рекомендовали врачи А.А. Миславский, В.В. Ковалевский и О.Е. Клер).

В 1873 г. с ним познакомился О.Е.Клер. В своем отчете он так описал эту встречу:

«Квартира была настоящим музеем, стены заняты экспонатами с минералами, окаменелостями, яйцами, рыбами... и все это до такой степени аккуратно и чисто, я (О.Е.Клер) редко видел что-нибудь подобное: все эти предметы приведены в систему, снабжены ярлыками, и несмотря на то, что этажерки ничем не закрыты, нигде не видать ни пылинки». Особый

его интерес вызвал гербарий, собранный преимущественно в окрестностях Красноуфимска, а также в дачах Михайловского и Нижнесергинского заводов. По поводу этого гербария О.Е. писал: «Содержит значительное число таких растений, которых никогда не встречалось мне на восточном склоне Урала...». Гербарий представляет драгоценный материал, имеющий важное научное значение [2].

Во время той встречи Барановский выразил желание стать членом УОЛЕ и подарил обществу гербарий красноуфимской флоры, состоявший из 1000 видов растений. В сентябре 1873 на общем собрании УОЛЕ Барановский был принят в действительные члены, а вскоре прислал для напечатания в «Записках УОЛЕ» свою статью о пещере «Дружба». Неизвестно, успел ли Барановский увидеть том «Записок» со своей статьей в связи со смертью. Перед смертью он успел завещать весь свой «минералогический, хирургический и ботанический кабинет, а также книги и рисунки Красноуфимскому реальному училищу [3].

Жена: Амелия (Мазуркевич) (1821-?). Дети: Казимира (в замужестве Раковская), Игнатий [1].

Красноуфимское земство выплачивало семье покойного деньги из стоимости (3200руб.) уникальных материалов. «Управа, докладывая Красноуфимскому земскому собранию, имеет честь покорнейше просить о назначении стипендии дворянину Барановскому в размере 400 руб. ежегодно до окончания образования в Университете (по желанию матери по медицинскому факультету) с обязательным отчетом об успехах [3].

Карчевский Доминик, 24-х лет был приписан к мещанам г. Кургана со 2-ой половины 1865 г., дворянин [4].

4.09.1883 г. у потомственного дворянина Могилевской губ. Черниговского уезда Доминика Лаврентьевича Карчевского, католика, и его законной жены Людмилы Юлиановны, православной, родилась дочь София [5]. Имели они и сына.

Родители жены Новицкие, Юлиан Антонов и Антонина Стефанова, умерли в 1879 [6].

В 1900 г. у Карчевских имелись в имениях Луговском (с марта 1896, сепаратор конный) и Чернореченском маслоперерабатывающие заводы на 20000 и 10000 пудов молока в год соответственно.

6.09.1901 г. Л.Ю. Карчевская была удостоена малой серебряной (за парижский экспонат масла) и бронзовой (за два сорта масла) медалями на выставке в Кургане.

До сих пор в Кургане известна Карчевская березовая роща (там сейчас питомник, где выращивают саженцы).

Корево Павел Онуфриевич (1844? – 01.03.1908) – помещик, дворянин м. Поневежика Ковенского уезда и губернии, католик. «Арестован по

сговору в сношениях с мятежниками и доставлением шайкам провизии». По показаниям был связан с шайкой ксендза Мошкевича в июне 1863 г. Младший брат Северин по показаниям был в шайке Норвейша, а Павел и туда доставлял провизию. В шайке был и брат Кеаверий. Один из братьев, Клепий, казнен в Ковно.

На госслужбе не состоял. Был подвергнут взысканию по 4-ой категории, в тюрьме с 22.06.1863 г. Из-за болезни печени способен только к работам в арестантских ротах. Вынесен приговор: лишить всех прав и сослать в Тобольскую губернию [7].

Известный в Сибири и на Урале предприниматель А.Ф. Поклевский-Козелл в конце 70-х годов 19 в. помог ему перевестись в Пермскую губернию (без права выезда в Западные губернии) на свои начинающие разрабатываться асбестовские рудники, но первое время он работал управляющим на золотых приисках Шамейка и Полуденка, также принадлежащих Поклевскому. Позже Корево стал хозяином Асбестовских приисков (по записям краеведов, хранящимся в музее г. Асбеста). Был членом УОЛЕ.

В 1887 г. П.О. Корево принял участие в научно-промышленной выставке, проводимой в Екатеринбурге УОЛЕ, и был награжден Малой серебряной медалью Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства Госимущества за очень хорошую модель рудника и коллекцию горных пород из жильного месторождения золота с редкими образцами пластинчатого золота [8]).

Скончался П. Корево на Говорухинских асбестовских приисках от тифа в 1908 в возрасте 67 лет от тифа, «сын Онуфрия и Констанции из Цишкевич, был вдов и бездетен, похоронен на Екатеринбургском кладбище» [7].

Ляхмайер Флориан Станиславович, дворянин г. Варшавы, был сослан в Тобольскую губернию, позже был фотографом в г. Тобольске.

Действительный член УОЛЕ с 1882 г., в тот год жил в Тюмени Тобольской губернии.

В 1887 г. представил на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, организованную УОЛЕ, фотоснимки сибирских типов и видов. Получил бронзовую медаль УОЛЕ за модель древнего колокола [8, л.626]. В 1891 г. имел фотографическое заведение в Тобольской губернии. (Календарь Тоб. губ. за 1891 г. Изд-во Тоб. Губ. правления, 1891, л.124).

В 1899 г. поживал в г. Екатеринбурге, имел свой фотосалон (на снимке: дом, в мизанине которого размещался фотосалон, стоял на углу проспектов Вознесенского и Покровского (сейчас улицы Карла Либкнехта и Малышева). (По данным справочника за 1899 г. Симанова «Весь Екатеринбург». л.646), похоронен на католическом кладбище (был красивый памятник, по воспоминаниям краеведа), кладбище снесено в 60-е годы 20 в.

Миткевич Здислав Иванов – потомственный дворянин Могилевской губернии, помещик имения Литвиново Оршанского уезда.

В 1863 г. участвовал в подготовке восстания в Могилевской губернии, заготавливал продовольствие для повстанцев, был адъютантом в отряде Л. Звездовского (последнее он отрицал на допросе). Сослан на каторгу.

Дело от 21.01.1864 г. "Показания З.М...в Виленской особой следственной комиссии о повстанческом движении в Могилевской губ., о плане Л. Звездовского привлечь крестьян и расширить действия повстанцев до Волги." [9].

Из заключения Временного полевого аудиториата по военно-судному делу З.Миткевича от 12.02.1864 видно, что он принимал деятельное участие в восстании в Могилевской губернии, поддерживал связь со студентами Горыгорецкого земледельческого института, которые позднее присоединились к отряду Л. Звездовского, в его имени отливались пули и заготавливалось продовольствие. Он укрывал в своем доме Л. Звездовского, упражнялся в стрельбе, а затем вступил в отряд Л. Звездовского в качестве адъютанта и участвовал в нападении на Горки.

М. был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на 15 лет на каторжные работы в рудниках [9, лл.202-206] (Материал из книги «Восстание в Литве и Белоруссии в 1863-1864. «Изд-во «Наука», М. 1965).

(Из воспоминаний Калиновского или Дыбовского мать М. была из рода Кочубеев. Она много сделала для перевода М. на жительство).

В деле Екатеринбургской городской управы от 29.10.1880-31.12.1884 [11] имеется заявление от 29.10.1880 г. от синдиков костела статского советника Валезия Ефимовича Вашклевича и дворянина Здислава Ивановича Миткевича об устройстве римско-католического молитвенного дома в г. Екатеринбурге [10, л.1. Построить церковь предлагают «на Покровском проспекте (теперь ул. Малышева) на Дровенной площади, каменную в весьма изящном готическом стиле».

В результате переговоров была выделена площадь в 331 5/7 кв.сажень. Место отвели в феврале 1881 г., проект утвердили 04.07.1881 г.

В деле имеются подписи синдиков под заявлениями. Костел св. Анны стоял наискосок от дома, где был фотосалон Ф. Ляхмайера.

Послужной список сына Мечислава-Фомы [11]:

«Обучался в Алексеевском реальном училище (г. Екатеринбург – Л.Р.), не окончил его, вышел из 6-ого класса, но с правами окончившего курс канцелярских служителей.

С 28.06.1901г. – титулярный советник.

«1-ая жена – Мария Викторовна (ур. Туржанская), дочь доктора медицины, умерла 1.07.1890 г. в Екатеринбурге 24-х лет от выстрела из ре-

вольвера в припадке душевной болезни, оставила мужа и сына Северина-Виктора-Иеронима, 9 мес. [12]»

2-ая жена – Ольга Михайлова Воробьева, дочь отставного майора, православная.

Дети: от 1-ого брака – Северин, родился 30.09.1889 г., католик, от 2-го брака Владимир, родился 25.09.1894 г., православ., Евгения, родилась 23.02.1896 г., православ., Маргарита, родилась 27.12.1897 г., православ.

Дети учились в гимназии, Северин желал учиться в Москве или Петербурге.

По данным костела г. Екатеринбурга [13]:

Мечислав М...скончался 21.03.1905 г. от разрыва сердца, похоронен на лютеранском кладбище в г. Екатеринбурге.

Дочь Мирослава была замужем за Иосифом Янкевичем, из дворян Ковенской губернии, начальником станции «Поклевская», который скоропостижно скончался 7.11.1887 г. в возрасте 44 лет от порока сердца, оставил сыновей Иосифа, Василия, Губерта и дочерей, похоронен на лютеранском кладбище в Екатеринбурге [14].

Внук Миткевича Северин – действительный член УОЛЕ с декабря 1915 г., помощник присяжного поверенного (Записки УОЛЕ за 1916 т. XXXV, вып. 11-12, л. LXX).

Окинчиц Людвиг (Сигизмунд Фаддей) Фаддеевич (1835-15.04.1903 в г.Пермь от рака прямой кишки, без причастия), дворянин Гродненской губернии, врач [15].

Послужной список Л. Окинчица по 18.04.1887 (лл.19об.-23). (ГАСО ф. 24 (Уральское Горное Управление), оп. 16, д. 190 (Формулярные списки мед. чинов частных горных заводов за 1881, 1883, 1887-1890):

«Коллежский Советник Людвиг Сигмунд Фаддеевич Окинчиц, врач Суксунских частных заводов (б. Красноуфмского у-да Перм. губ. – Л.Р.), 46-ти лет, вероисповедания – римско-кат.

Имеет Орден св. Станислава 3 ст., содержание получает от заводоуправления.

Именья ни он, ни жена не имеют.

По окончании курса наук в Императорском Московском Ун-те по мед...ф-ту Определением Университетского Совета от 14.06.1862 утвержден в степени лекаря. Советом Императ. Моск. Ун-та 14.06.1862 утвержден в звании уездного врача.

Начал служить (Л.Р.) «...в Волковыске Гродненской губернии (жил в Свислочи, где занимался частной практикой). Арестован в июле 1863 г. за контакты с предводителем отряда Казимиром Кобылинским, и информировал его о движении русских войск...[16]».

По условию с заводоуправлением поступил врачом Суксунского округа с 1.01.1875 г.

Согласно прошению Мин-ром Внутр. Дел на основании 92 ст. учрежд. Врачебн. Т. XIII свод. зак. (сокращения в деле – Л.Р.) по продолжению 1863, (так в деле – Л.Р.) 1875 28.05 определен врачом Суксунск. горных заводов с правами службы по чинопроизводству, как это видно из предписания Горн. Департамента от 9.06.1875 за № 2024...

Указом Правит. Синода от 23.04.1881 за № 36 произведен за выслугу лет в коллежские ассесоры со старшинством с 28.05.1878 г.

По распоряжению г. Товарища Министра Внутр. Дел, последовавшему от 2.03.1883 г., за № 303 на основании 92 ст. Учрежд. Врачебн. (Т. XIII свод. зак.) в 1876 г., время, проведенное О. на Суксунск. заводах в долж. врача с 1.01.1870 по 28.05.1875, зачислено в гос. службу по чинопроизводству.

Указом Правит. Синода от 8.11.1883 за №15 произведен в чин надворного Советника со старшинством с 28.05.1882, от 17.11.1884 за № 143 – в чин коллежского Советника со старшинством от 1.01.1881 г.

Государь Император по представлению г. Министра Гос. Имущество и согласно удостоверению Комитета г.г. Министров 27.03.1886 г. всемилостивейше соизволил почествовать Кавалером ордена Св. Станислава 3 ст.

Согласно прошению Мед. Департамента Мин-ва Внутр. Дел, уволен от службы с 18.04.1887 г. Никаким ограничениям по службе не подвергался.

Был уволен в отпуск с 15.03.1887 г. на 1 месяц в г. Кунгур Пермской губернии, каковой отпуск отсрочен на 1 мес. Женат на Евгении Гекторовой.

Дети: Людвиг д. рожд. 5.07.1874 (см. ниже), Станислав – 25.01.1878, Елизавета – 2.02.1870, Елена – 30.03.1873, Маргарита – 18.12.1876 находятся при отце.

Жена и дети англиканского исповедания».

Приговоры Златоустовского волостного и Молебского сходов от 01.09.1885 (Красноуфимский земско-медицинский совет 30.09.1885):

«...врач Окинчиц «в продолжении 15 лет оказывал населению безвозмездную мед. помощь, отличаясь при своем усердии к делу полной внимательностью в лечении бедного люда во всякое время, чем приобрел себе не только от заводского населения, но и от окрестных жителей, прибегавших к помощи г. Окинчица, полнейшую благодарность».

Член мед. совета Шевелин, не умаляя заслуг г. Окинчица, пояснил, что земство ему доплачивало 1000 руб. до апреля текущего года».

Позже он жил и работал в Перми, был членом Пермского статистического комитета. Похоронен на Егошихинском кладбище. Своим детям ссыльные старались давать хорошее образование – и, как правило, имели для этого возможности.

Людвиг Людвигович (1874 г. Суксунский з-д Красноуфимского уезда Пермской губ. – 1942 г. Ленинград (его фото помещено в Советской медицинской энциклопедии).

По окончании Пермской гимназии в 1894 г. он поступил в Военно-медицинскую академию (г. Санкт-Петербург – Л.Р.). Окончив в 1899 г. с отличием академию, Л. Л. начал работать врачом в Обуховской больнице под руководством известного в то время акушера-гинеколога В.А. Вастена. С 1903 г. – доктор медицины, выдающийся онколог-гинеколог, который впервые в 1933 г. поднял вопрос о профилактике и активной борьбе со злокачественными опухолями в своем докладе на заседании ленинградского акушерско-гинекологического общества. За годы работы он проявил себя блестящим педагогом (мединститут в Петербурге), незаурядным клиницистом, блестящим хирургом и научным работником.

Одними из первых в нашей стране действие рентгеновского облучения на организм беременных как на клиническом, так и на экспериментальном материале изучили сотрудники кафедры акушерства и гинекологии Военно-медицинской академии И.Р.Тарханов (1896), Л.Л. Окинчиц (1906). Вопрос об искусственном выкидыше был поставлен первым вопросом программы 4-го съезде Общества российских акушеров и гинекологов (декабрь 1911 г.). Из многих выступлений особенный интерес представляет передовой по тем временам доклад Л. Л. Окинчица «Как бороться с преступным выкидышем». Поскольку карательные меры не приносят результата, а призыв к воздержанию не имеет смысла, единственным путем сокращения практики абортов, по мнению докладчика, должны стать противозачаточные средства (за этот тезис был обвинен в неомальтузианстве)[17]. В акушерской практике до сих пор известен метод обследования – «рукав Окинчица».

Олендзский Болеслав Мариенович, г. Ишим Тобольской губернии, торговля мануфактурным товаром (Уральский торгово-промышленный справочник на 1899, изд. Пермь, 1899)

В нашем городе живет Т.Б. Высокова (по мужу). Ее мать, урожденная Жонголович, родилась в России от детей ссыльных дворян (из Ковенской и Виленской губ.) Олендзкой и Жонголовича, работала в Ишиме, вышла замуж за русского Б. Назарова, который во 2-ую мировую войну воевал в польском батальоне и награжден орденом Польши (как переплетаются судьбы людей!). Б.М. Олендзский – брат ее бабушки.

Сенкевич Марьян Анастасьевич. (06.07.1844 местечко Брусилowo – 13.06.1915 г. Курган Тобольской губ. (от воспаления легких, 71 года), дворянин Волынской губ. [18].

Материалы о своем деде собраны внучкой сосланного пани Кингой, архив семьи передан в СОМИМ женой сына.

Начато дело следствием 02.12.1863, суд 04.09.1865 на 328 листах:

Военносудное дело, произведенное в полевом военном суде, учрежденном в Житомире, о дворянине Марьяне Сенькевиче, осужденном за принятие содействия в мятеже.

Приговор вынесен 11.09.1865 г.: на 8 лет в Сибирь на каторжные работы [19].

За принятие на себя должности революционного десятника и подговор крестьян к восстанию – 6 лет каторжных работ.

Был перемещен из Иркутской губернии в Пермскую.

С 1866 г. вышел на поселение, служил в конторе у Поклевского-Козелл, в последние годы жил в Кургане в доме, принадлежащем Поклевскому.

2-ая жена Аврелия Яковлевна из Маковских, в начале 20 в. жила с сыном Эмилем в Варшаве по ул. Волчьей 46, кв. 20, до 1923 г. в Кургане, потом в Красноуфимске, где похоронена на католическом кладбище.

Сын **Эмиль Марьянович** (21.04.1880 Варшава – трагически погиб на охоте, похоронен в Красноуфимске Свердловской области, хирург-уролог. Назван в честь бабушки Эмилии Сенкевич (ур. Врублевской).

О себе писал: поляк, сын политкаторжанина, дворянина Варшавской губернии, католик, владеет польским, немецким, французским, английским, русским языками.

Образование получил в Варшаве: гимназия, в 1903 г. – медфак Университета.

Свой варшавский диплом подтвердил сдачей экзамена на отлично в Казанском университете. Стажировался во Франции, кандидат меднаук по совокупности работ, с 1946 г. – доктор. С 1909 г. работал в Красноуфимске, с 1930 г. до конца жизни работал в Екатеринбурге в Областной клинической больнице №1. Возглавлял общество охотников в Красноуфимске. Имел музыкальное образование, играл на скрипке. Жена: Александра Захаровна (Комлева) (1874-1969), врач-акушер. Отец был очень против брака с русской, болел, но, благодаря самой Александре Захаровне и близким, он примирился с этим браком.

Дети Эмиля Мартьяновича: Сигизмунд (считал себя русским), окончил Уральский ун-т, преподавал физику в вузах. Жил в Свердловске.

Кинга (считала себя полькой), знала языки, работала переводчицей, жила в Москве, по завещанию похоронена в Красноуфимске.

Валентина (Доня) (12.08.1886 Варшава – ?). Муж – Гроссер Владислав, дочь – Мария (1913-?). В 1910 жила в Германии, дальнейшая судьба неизвестна.

Константин (?-?). Учился в гимназии в Омске в 1905 г., в 1910 г. – студент экономического отделения Петербургского политехнического ин-

ститута (по письмам брату). Потом работал в Варшавском банке, дальнейшая судьба неизвестна. Имел музыкальное образование, играл на фортепиано.

Переписка между Марьяном и сыном Эмилем велась на польском языке, в прочтении этих писем помогла бывшая учительница нашей польской школы пани Диана Грачык, но и ей было нелегко перевести тексты конца 19 в. – начала 20 в.).

Рыдзевский Антон сын Ромуальда (по данным внука, Станислава Иосифовича (1924-2004) – политссыльный, активный участник восстания 1863 г. Сослан в Томскую губернию.

Жена – Теофиля дочь Антона из Клиттов была привезена 3-хлетним ребенком. Умерла в 1942 г.

В браке было 7 детей: Ромуальд (1880-1918 убит), Константин, Станислав, Виктория (муж Александр Жук, уехали в Польшу), сын Эдвард был композитором, Петр, Юзеф, София.

Константин и Петр репрессированы в 1937 г.

Иосиф в 1923 г. женился на русской учительнице, приехавшей из Минска, в 1924 г. родился Станислав, в 1929 г. – Валерий, который жил в Ишиме, писал стихи, остались у него сын, дочь, внуки.

Семья была дружной, увлекались игрой на разных музыкальных инструментах.

Станислав Иосифович окончил среднюю школу, планерную школу Осовиахима, школу ФЗО в Омске. С 1942 г. был на фронте, освобождал Варшаву.

Учился в Московском Краснознаменном пехотном училище, участник парада 1945 г. в Москве. С 1946 г. работал на механическом заводе в Ишиме, с 1951 г. жил и работал в нашем городе. С 1973 г. был ведущим конструктором в Институте физики УНЦ.

С 1958 г. работал внештатным спортивным телерадиокомментатором Свердловского ТВ и радио “Маяка”. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. В январе 2004 г. года ушел из жизни этот активный человек. Он не раз посещал мероприятия, проводимые «Поляросом»: музыкальные вечера, празднование Пасхи. До последних дней жизни он работал, активно интересовался спортом, вел общественную деятельность, хотел восстановить родословную и написать книгу. У него остались дочь, внуки и правнучка.

Станислав Иосифович очень хотел написать книгу о своем деде, его потомках, познакомился с родственниками, живущими в Новосибирске (узнать их адрес ему помог Василий Ханевич из Томска). Надеюсь, что потомки продолжат начатое им благородное дело.

Шишковский Константин Андреевич (1835-1907).

«Родился ... в Августовской губернии, Кальварийском уезде, из польских шляхтичей.

Будучи студентом Варшавского ун-та за участие ... (пропуски в тексте – Л.Р.), был сослан в Томскую губернию, но ввиду его образования и минералогических знаний был оставлен в Томске, где и пробыл до 1887 г., когда по манифесту было разрешено поселиться в пределах Европейской России. Он избрал Оренбургскую губ., Миасский з-д, где и умер 21.01.1907 г. от порока сердца».

Он состоял в переписке с фирмой Кр(е)(а)нца (не понятна буква в тексте – Л.Р.) в Томске по собиранию материалов для их минералогической коллекции, а также с Вернадским.

Некролог помещен в №№ за январь, февраль газеты «Урал» за 1907» [20].

В Миасском (Челябинская область) краеведческом музее хранится некролог, написанный минерологом П.Н. Чирвинским, опубликованный в одном из журналов 1907 г.:

“21.01.1907 г. в Миассе скончался 73-х лет от роду большой знаток и любитель уральских минералов К...А...Ш...”

Судьба его стать минералогом была решена ссылкой за участие в польском восстании 1863 г. в Зап. Сибирь (Томскую губ), откуда он не пожелал возвратиться на родину. Нам важно отметить, что проживал он главным образом в Кочкаре, где у него были собственные золотые прииски, а последние 25 лет в Миассе...”

В 80-е годы работал на санарских промыслах Оренбургской губернии, приобрел землю для добычи золота, но разорился, т.к. золота было мало. В эти годы был уже членом-сотрудником Имперского рус. географ. об-ва, выезжал в др. районы Юж. Урала, и в 1880 г. как доверенный по золотопромышленности Миасских приисков. Осматривая по долгу службы галечные отвалы, находит археологические предметы. С этого времени Ш. занялся поисками “жилища первобытных обитателей Урала и их фабрики”. В 1883 г. он первый находит и описывает стоянку древних людей в окрестностях г. Миасса. Часть предметов он передал в музей УОЛЕ и написал заметку в “Записки УОЛЕ”. Часть предметов демонстрировал в 1887 г. на выставке, за что и получил Большую серебряную медаль. На этой же выставке как член УОЛЕ (вступил в об-во в 1879 г.) представил на обозрение свою коллекцию редких минералов Ильменских гор. [21].

“Награды экспонентам Сибиро-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г.” [22]. Большими серебряными медалями от УОЛЕ: N135 Ш... К... А..., проживающий в с. Кочкаре Оренб. губ. за очень хорошую коллекцию предметов каменного и бронзового века Южного Урала».

В следующем году в Санкт-Петербурге на заседании Минералогического общества председатель, академик Н.И. Кокшаров доложил “Письмо золотопромышленника К.А.Шишковского”, включающее описание нахождения минералов в некоторых россыпях на земле Оренб. Казач. войска. Вместе с письмом препровождена в дар Минералогическому об-ву небольшая коллекция минералов, собранная им в россыпях назв. местности. Собрание определило выразить К.А.Шишковскому “искреннюю благодарность за сделанное им пожертвование”, и Ш. был принят в это об-во (1888 г.).

Переехав на постоянное местожительство в Миасс, Ш. продолжал собирать минералы. В это время он познакомился с В.И.Вернадским, который осматривал подготовленные к Конгрессу копи. Из дневника В.И.Вернадского (1896): “В Ильменских горах нам очень помог местный любитель Константин Шишковский... Это был прекрасный знаток уральских минералов. Я помню, во время моей первой экскурсии с ним, он очень ко мне присматривался и давал мне для разрешения трудные вопросы. Помню, мне он предложил образец вулканического туфа, который в этих местах не был известен. Этим я завоевал авторитет в его глазах. Ряд минералов, которые мы у него взяли, дали нам возможность поддержать его материально...” В 1897 г. был членом Международного геологического конгресса.

В 1900 г. Ш. обратился в Горное управление Златоустовского округа с просьбой разрешить “производить в пределах Миасской казенной дачи и, преимущественно, в Ильменских горах поиски-разведку месторождений и собирание образцов горных пород и минералов, имеющих научное значение”. Ходатайство свое он мотивировал тем, что к нему, как члену некоторых русских ученых обществ, давно проживающему на Юж.Урале, часто обращаются с просьбой доставить разные горные породы и минералы, имеющие научное значение. С ним ежегодно заключался договор, отчеты Ш., хранящиеся в ГАСО, составлены на высоком научном уровне того времени и используются современными специалистами (д.1289). Эту работу он проводил до 1907 г., когда неожиданно умер от разрыва сердца [22].

(В д. 1270 на стр. 1 в 1900 г. он назвал себя шляхтичем Августовского уезда Сувалкинской губернии, а через год (стр.11) шляхтичем Августовской губернии. Там же приведено завещание его о передаче после его смерти дома в Миасском з-де, наличные деньги по счетам “златоустовской мещанке Евдокии Андреевой Рыбаковой, за более чем 25-нее бесплатное ведение его дом. хозяйства...” [22].

В книге “Научное и социальное значение деятельности В.И. Вернадского” (под ред. академика А.Я. Яншина, Ленинград, “Наука”. 1989) на

общения о минералах, содержащих радий), а также сообщается, что великолепную коллекцию Ш. (после смерти частично расхищенная) после 1912 (стр.342) приобретет Минералогический музей в Москве.

"Предложения экспонировать на научно-промышленной выставке 1887 г. с разными предметами коллекций... [22]."

Милостливый Государь Онисим Егорович! (председатель УОЛЕ – Л.Р.)

Зиму прохворал, а весной накопилось столько дела, что нельзя было успеть подготовить как следует летних работ, которые составляют для меня вопрос быть или не быть – посылаю два мешка руд, минералов и окаменелостей, собранных мною на реке Каменка и окрестности. Это небольшая часть находящихся у меня коллекций. Золотой коллекции не посылаю, хотя она, кажется, у меня лучше, чем у кого-либо на Урале – к ней на основании Горного Устава могли бы придаться, а у меня неприятности и так много по другим делам. Если по Вашему усмотрению можно будет еще в половине будущего месяца прислать один или два ящика минералов и пород – то прошу уведомить, приготовлю и вышлю.

Имею в наличии довольно сносную коллекцию Миасских минералов, руды из бывшего Серебряного рудника Щелкова и Паклевского – (кажется, Благодатный), руды из Миасской дачи и Башкирии, кроме того порядочный запас Миасских минералов, которые охотно бы сбыл или обменял.

Если удастся мне вырваться и побывать на выставке, то привезу с собой эвклаз и еще кое-какие минералы. Остаюсь, как всегда, истинно уважающий Вас К. Шишковский (подпись разборчивая и несокращенная – Л.Р.) (л. 112 и об.л.114).

«О значении работ Ш. для пропаганды знаний о минералах Ильменских гор говорил в 1935 г. Н.М. Федоровский, фактический создатель Ильменского заповедника, выступая на совещании Оргкомиссии Советов Челяб. обл. на котором рассматривался вопрос о заповеднике, и присутствовал А.Е.Ферсман и другие ученые.

Н.М.Федоровский рассказывал, что его, при посещении Вены, поразила своей коллекцией инженер-электрик, у которого были минералы, присланные Ш. "Этот ссыльный Ш. – он был загадкой – как он живет, на что живет; считали, что он над золотом богатеет, но он часто разорялся, и, тем не менее, он помогал коллекционерам. Это открылось после его смерти, когда стали рассматривать его комнату. Она оказалась завалена заграничными письмами с заказами на посылку уральских минералов. Таким образом, частное лицо – Ш. сумел, живя в Миассе, завести связь со всем миром и раскрыть ему славу Ильмен" [23]. Недаром 6 копеек в разных точках заповедника называются Шишковскими».

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] – ГАПО Фонд.37, оп. 6, д.1094: л.34, №17
[2] – Журналы Красноуфимского земства за 1874г., лл. 166, 169, 171, 1880, л. 54
[3] – Там же.
[4] – "Записки УОЛЕ" за 1874, т.1,вып.2,л.153, ф.101ГАСО(фонд УОЛЕ), оп.1,д.2, л.160,168
[4] – ГАКО ф.8,оп.1,д.207,л.47об.
[5] – ГАКО ф.235,оп.3,д.50
[6] – ГАКО ф.236,оп.1,д.39,л.4об.
[7] – ГАСО ф.6, оп. 13, д.12, л. 23об.
[8] – РГВИА ф.484, оп. 1, д. 338 на 63лл. (13.03.1864-12.12.1868) Военно-судное дело. ГАСО ф.101, оп.1,д.48,л.12.
[9] – ЦГИА Литвы ф. 1248, оп. 2, д.97, лл.194-196)
[10] – ГАСО ф.62, оп.1, д.79 на 21л
[11] – ГАСО ф.11, оп.11, д. 477 (ф.11 – фонд Окружного Екатеринбургского суда)
[12] – ГАПО Фонд.37, оп. 6, д.1094л.140об. №20
[13] – ф.13ГАСО, оп.13, д.12
[14] – ГАПО Фонд.37, оп. 6, д.1094, л. 125 №28)
[15] – ГАПО ф.37, оп.6, д.1094, л.197об., №2
[16] – W. Sliwowska "Ucieczki z Sybiru", Warszawa, 2005 г.
[17] Журналы «Акушерство и гинекология», № 6, лл. 143-145, 1964 г., «Вопросы онкологии», том XX, N 10, л. 122, 1974 г.
[18] – ф. Сенкевича Э.М. хранится в ОМИМ в г. Екатеринбурге
[19] – ГАПО фонд.р-790, оп. 1, д. 2599, на 2-х листах
[20] – из статьи научного сотрудника Ильменского заповедника Л.А. Буториной
[21] – ГАСО ф.24, оп.19, дд. 1270 и 1289 за 1900-1903 гг.
[22] – ГАСО ф.101, оп.1, д.41 на 241 л. от 17.06.1886 – фонд УОЛЕ
[23] – ОГАЧО ф. р-274, оп.3, д.16, л.4.

ПОЛЯКИ В НЕРЧИНСКЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

История пребывания поляков в Сибири в первой половине XIX в. в настоящее время недостаточно изучена. Исследователи обращали внимание в основном на принудительный аспект нахождения поляков в Сибири, упор делался на польскую политическую ссылку. Следует отметить работы таких российских исследователей, как В.А. Дьяков¹, М.Ю. Тимофеева², Д.Б. Кацнельсон, Б.С. Шостакович³ и др.; которые серьёзно занимались, а Б.С. Шостакович и ныне продолжает заниматься исследованием польской политической ссылки в Сибири. Свой вклад в изучение истории польской политической ссылки внесли и польские исследователи: В. Сливовская, Я. Трынковский, З. Вуйчик, Ф. Новинский, Б. Ендрыховская, А. Кучинский и др.

Историю польской уголовной каторги и ссылки ни польские, ни российские ученые не изучали. Причиной этого может служить тот факт, что исполнение наказания за совершённые уголовные преступления поляков, являвшихся российскими подданными, проходило по силе российского законодательства, и разделения уголовных преступников по национальному составу не было. Автор в одной из своих работ сделал попытку рассмотреть эту тему⁴.

Совершенно нет работ, освещающих добровольное пребывание поляков в Забайкалье, несмотря на то, что в Сибири в XIX в. находилось большое количество поляков – чиновников и служащих различных государственных учреждений. Исключение может составлять монография польского исследователя Софии Лех «Сибирь, пахнущая Польшей»⁵, в которой автор наряду с изучением польской ссылки в Сибирь предприняла попытку осветить и этот аспект комплексной темы «Поляки в Сибири».

Нерчинск в истории польской политической ссылки не сыграл такой значительной роли, какая выпала на долю Нерчинского Завода, поскольку он не являлся местом каторги и поселения. Польские политические ссыльные, вышедшие на поселение после отбывания каторжных работ в нерчинских горных заводах, старались поселиться в других городах Забайкалья, прежде всего в Троицкосавске и Нерчинском Заводе.

Первые упоминания о пребывании поляков в Нерчинске мы находим в «Описании Иркутского наместничества 1792 г.», где в главе, посвящен-

ной характеристике национального состава Нерчинска, имеется запись: «Число (жителей – Е.С.) обоего пола 2502 считается, кроме находящихся по разным должностям: <...> поляков 2 мужеска и 3 женска душ»⁶. К сожалению, этот документ не раскрывает, кто были эти люди. Можно предположить, что это были ссыльные, поскольку рубеж XVIII-XIX вв. в истории России и Польши был полон противостояния, в результате чего Польша утратила независимость и её восточные земли вошли в состав Российской империи.

Свидетельством пребывания поляков в Нерчинске являются и топографические названия, бытовавшие в конце XVIII в. Так, одна из протоков Нерчи, впадающая в Шилку, носила название Полячиха, названная так «по жительству там, в давнее время некоего поселянина не (sic!) поляков»⁷.

В 1795 г., в Сибирь было сослано 14 поляков, за участие в восстании Т. Костюшко (1794 г.). Один из них попал в Нерчинск, сведения об этом мы находим в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглова⁸. Автор не сообщает имя этого человека, как и имена других ссыльных, направленных в Якутск, Казань, Березов, Пелым, Селенгинск и другие «отдалённые сибирские города». Поляком, попавшим в Нерчинск, являлся капитан-исправник Ян Охотский⁹. Здесь он находился недолго, поскольку уже в следующем году по указу императора Павла I Я. Охотский, в числе других 13 ссыльных, был освобождён и выехал на родину.

Следует, на наш взгляд, с большой осторожностью подходить к официальной формулировке, касательно ссылки в Нерчинск. Зачастую предназначенные для ссылки в Нерчинск на поверку оказывались сосланными в Нерчинский Завод или же в другие горные заводы Нерчинского горного округа. Связана эта путаница была, скорее всего, с тем, что Нерчинский горный округ, прежде всего, ассоциировался с Нерчинском, являвшимся в XVIII-XIX вв. достаточно крупным административным центром, а не с Нерчинским Заводом, только начинавшим играть ведущую роль в экономике Восточного Забайкалья.

Начало XIX в. обозначено массовой ссылкой поляков в Сибирь за участие в тайных патриотических организациях. В Забайкалье попали солдаты польской армии, выступившие в войне Франции против России на стороне Наполеона, участники польского восстания 1830-1831 гг. и члены тайных польских организаций 1830-1840-х гг. Большинство ссыльных размещались в нерчинских горных заводах, куда были определены на каторжные работы. Одним из первых таких ссыльных, оставившим воспоминания о своем пребывании в Забайкалье, является ксендз Фаустин Чечерский. Он являлся участником тайной патриотической организации «Литовский союз», действовавшей в среде военных бывшей польской

армии, католического духовенства и польско-литовской шляхты в Вильно. В 1797 г. общество было раскрыто полицией¹⁰ и его участников после следствия, по решению суда, сослали в Забайкалье, все они находились на каторжных работах в Нерчинском Заводе и близлежащих горных заводах.

Уже в 1801 г., после вступления на престол императора Александра I¹¹ благодаря протекции и заступничеству Адама Чарторижского¹², все ссыльные были амнистированы и смогли выехать в Польшу.

Ф. Чечерский, вернувшись на родину, написал воспоминания о своём пребывании в Забайкалье, которые были изданы только в 1867 г. и переизданы с комментариями в 1998 г.¹³ Этот интересный исторический источник может быть полезен специалистам, занимающимся изучением истории Нерчинского горного округа на рубеже XVIII-XIX вв., поскольку содержит в себе характеристики представителей местного чиновничьего аппарата, социокультурного состояния округа, этнографические заметки и ряд других аспектов.

В своих мемуарах Чечерский ничего не говорит о пребывании поляков в Нерчинске и характеризует его всего в нескольких строчках: „Нерчинск, городок основанный Петром Первым, с малой крепостью располагается вблизи китайской границы, в его волости находятся заводы, в которые нас везли“¹⁴. Как видно, автор допускает здесь неточности, из-за незнания истории основания города. Наиболее полные и интересные свидетельства ссыльного касаются самих горных заводов и их центра – Нерчинского Завода.

В 1816 г. Забайкалье и Нерчинск посетил католический священник из Иркутской католической миссии Тадеуш Машевский с целью проведения религиозных треб для проживавших в крае католиков. Во время поездки ксендз посетил основные населённые пункты региона, где находились поляки. В Нерчинске он встретил и исповедовал 9 католиков¹⁵. К сожалению, Т. Машевский не сообщает имена этих католиков. О результатах своего путешествия он опубликовал «репортаж» в польском журнале «Полоцкий месячник»¹⁶.

В первой четверти XIX в. происходит спад польской политической ссылки в Забайкалье. Возобновление её отмечается в 30-е гг. XIX в., что было связано с вспыхнувшим в ноябре 1830 г. восстанием в Польше, а также активизацией деятельности польских патриотических организаций во второй половине 1830-х гг.

Участники восстания и патриотических организаций „Содружество польского народа“ (1836-1839 гг.), „Организация П. Сцегенного“ (1844 г.) и „Организация 1848 г.“, за совершённые ими политические преступления ссылались на каторжные работы в Нерчинском горном округе. Поскольку Нерчинск в первой половине столетия не являлся местом отбывания ка-

торжных работ, поэтому и польских политических ссыльных в городе в этот период практически не было.

Информацию о добровольно прибывших в Нерчинск поляках необходимо искать в материалах гражданских ведомств Забайкалья. Примеры тому имеются. Так, в Национальном архиве Республики Бурятия (НАРБ, г. Улан-Удэ) нами был обнаружен послужной список городской повивальной бабки (акушерки), польки по национальности, Розалии Францевны Пукинской, служившей в 1850-е гг. в Троицкосавске¹⁷. Из документа следует, что после окончания Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге она была направлена в Нерчинск, куда прибыла 10 января 1837 г. Что подвигло её поехать работать в Сибирь, для нас остаётся тайной. За хорошую работу Р.Ф. Пукинская не единожды была отмечена благодарностями Иркутской врачебной управы и Нерчинской городской управы. Здесь у неё родились дети, сыновья Ромуальд и Альбин. Прослужив в Нерчинске 10 лет, акушерка была переведена на такую же должность в Троицкосавск.

Некоторую информацию о пребывании польских ссыльных в Нерчинске в 40-50-е гг. XIX в. мы узнаем из книги польского ссыльного Агатона Гиллера. В своей работе «Описание Забайкальского края в Сибири» один из разделов автор посвящает описанию Нерчинска: истории основания, статистической характеристике, купцам, народному образованию, а также отмечает деятельность И.А. Юринского и М.А. Зензинова¹⁸.

А. Гиллер¹⁹ в 1849 г. покинул пределы Польши с целью включиться в восстание в Венгрии. В апреле того же года он был схвачен прусской полицией и попал в тюрьму. Спустя какое-то время был освобождён и перебрался в Галицию, где активно занялся подпольной деятельностью. В 1851-1852 гг. обучался в Краковском университете. В 1853 г. Гиллер был в очередной раз арестован и передан российским властям. По приговору Военно-следственной комиссии, заседавшей в Варшавской цитадели, был определён в солдаты Сибирского корпуса. Дорогу в Забайкалье он прошёл пешком, закованный в кандалы, в партии с уголовными преступниками.

Прибыв в Забайкалье, поляк был распределён в 14-й Сибирский линейный батальон, расквартированный в Шилке, в котором служил рядовым. Остается загадкой, на основании каких распоряжений Гиллер мог свободно перемещаться по территории Забайкалья, будучи военнослужащим. Результатом этих его путешествий явился упоминавшийся выше труд.

Автор «Описания Забайкальского края в Сибири» посетил Нерчинск во время одного из своих путешествий в 1856 или в 1857 г. Особое внимание Гиллер обращал на пребывающих в забайкальских городах и сёлах своих земляков. Не составил исключения и Нерчинск. Используя офици-

альную статистику народонаселения, мемуарист говорит о 4 поляках, проживавших в Нерчинске, при этом, уточняя, что это количество свободно проживающих поляков, и число это может увеличиться за счет ссыльных поляков, как за уголовные, так и за политические преступления, которые в официальной статистике не фигурируют.

К сожалению, Гиллер не называет ни одного имени проживавших в Нерчинске на тот момент поляков. Больше внимания он уделяет политическим ссыльным, которые умерли в Нерчинске, и были похоронены на местном кладбище. Так, поляк описывает свои впечатления и переживания от посещения могил земляков:

«Поляки в городе не имеют отдельного кладбища. Тела их погребают на московском кладбище, только нет там ни одного креста, камня или знака, который бы среди чужих могил указал прибывающему из Польши могилу земляка. Забвение покрыло жизнь и могилу одновременно.

Похоронен здесь не один изгнанник, но только о нескольких я собрал информацию. Ян Тарковский из Вольни (умер в 1847 г. – Е.С.). <...>. Около 1840 г. умер в нерчинском лазарете Денбинский и здесь похоронен. Имя его мне не известно. <...>. Похоронен тут ещё Францшек Душа (умер в 1842 г. – Е.С.). <...>. О других польских солдатах, здесь погребённых, не мог собрать достаточной информации, может быть, кто-то будет счастливее меня и вырвет из океана забвения судьбы этих достойных людей, которые своей грудью защищали свободу и так долго за неё страдали.

Долго я сидел на кладбище, скрытый буйно и густо растущей польнью. Не одна слеза вышла из моих глаз, не один вздох вырвался из моей груди! О! Тяжела, тяжела и трудна жизнь в неволе! Закружилась у меня голова, не знаю, от этих ли чувств, которые в моей груди были, или же от сильного запаха польни, встал и грустный направил шаги свои к городу.»²¹

Наиболее полная информация относительно поляков, проживавших в Нерчинске содержится в документах Нерчинскозаводецкого римско-католического прихода. В настоящее время эти документы хранятся в Национально-историческом архиве Беларуси (НИАБ), поскольку забайкальский римско-католический приход подчинялся Могилевской римско-католической консистории.

К примеру, если данные за 1852 г. говорят о 12 католиках²¹, проживавших в Нерчинске, то в следующем году там находилось уже 30 католиков²², все они являлись поляками по национальности. В их числе только 2 женщины, жена Михаила Воткевича и его дочь. 28 остальных поляков – мужчины, солдаты местного линейного батальона и поселенцы, отбывшие наказание и переведённые на поселение в Нерчинск.

Таким образом, мы можем говорить о трёх группах поляков, проживавших в Нерчинске в первой половине XIX в.: добровольно приехавшие

чиновники и служащие; рекрутированные из Польши солдаты и поселенцы; отбывшие каторжные работы в Нерчинских горных заводах. Меньше всего информации имеется о добровольно приехавших и служивших в Забайкалье поляках. Открытие имен, проживавших в Нерчинске на протяжении первой половины XIX в., поляков требует приложения больших усилий по поиску информации не только в архивах Забайкалья, но и в странах дальнего и ближнего зарубежья, прежде всего в Украине, Литве, Беларуси и Польше.

Исследование пребывания поляков в Нерчинске, как добровольно прибывших, так и невольных изгнанников, до настоящего времени остаётся белым пятном в истории этого старинного забайкальского города. Нами были сделаны лишь незначительные попытки открыть некоторые факты, которые требуют дальнейшей разработки и ещё ждут своего исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дьяков В.А. Польская ссылка эпохи декабризма. // Сибирь и декабристы. – Иркутск, 1978. – Вып. 1. – С. 110 – 123 и др.

² Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830-1850 годы): библиографический справочник. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита, 2001. – Вып. 8. – 151 с. и др.

³ Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII – XIX вв.): учеб. пособие. – Иркутск, 1995. – 165 с. и др.

⁴ Семёнов Е.В. Польская уголовная ссылка в Забайкалье в первой половине XIX в. // Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития: матер. Междунар. научн. конфер. 30-31 мая 2003 г. – Улан-Удэ, 2003. – С. 34-37.

⁵ Lech Z. Syberia Polska pchnąca. – Warszawa, 2002. – 348 с.

⁶ Описание Иркутского наместничества 1792 г. / Отв. ред., д.и.н. Р.С. Василевский. – Новосибирск, 1988. – С. 112.

⁷ Описание Иркутского наместничества 1792 г. / Отв. ред., д.и.н. Р.С. Василевский. – Новосибирск, 1988. – С. 114.

⁸ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. – Сургут, 1993. – С. 205.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XXIII. – С. 711.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XXIV. – С. 801-802.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Е. XXVI. – С. 584-585.

¹² Чарторижский А. Мемуары. – М., 1998. – С. 200.

¹³ Ciecierski F. Znaczniejszych przypadków pewnego z Syberii powrotnego Polaka w 1801 roku. / Z najoszczędniejszej kopii rękopiśmiennej do druku przygotowali A. Kuczyński J. Wójcik. – Warszawa – Wrocław, 1998. – 419 с.

¹⁴ Ciecierski F. Znaczniejszych przypadków pewnego z Syberii powrotnego Polaka w 1801 roku. / Z najoszczędniejszej kopii rękopiśmiennej do druku przygotowali A. Kuczyński J. Wójcik. – Warszawa – Wrocław, 1998. – С. 67.

¹⁵ Семёнов Е.В. Римско-католическая церковь и её священники в Забайкалье в первой половине XIX в. // Исследования молодых учёных: межвузовский сборник статей. – Улан-Удэ, 2003. – Вып. 5. – С. 39.

¹⁶ Wyjątek z listu X. Tadeusza Maszewskiego T.J. opisującego podróż z Irkucka do Nerczyńska. // Miesięcznik Połocki. – Т. II. – 1818.

¹⁷ НАРБ Ф. 92, оп. 3, л. 54, л. 3-3 об.

¹⁸ Giller A. Opisanie Zabajkalskiej krainy na Syberii. Т. I. – Lipsk, 1867. – С. 92-100.

¹⁹ Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: Słownik biograficzny. – Warszawa, 1998. – С. 172-175; Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830-1850 годы): биобиблиографический справочник. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита, 2001. – Вып. 8. – С. 37-38; Семёнов Е.В. Агатов Гиллер (1831-1887 гг.) // Поляки в Бурятии. – Улан-Удэ, 2003. – Т. 4. – С. 95-97.

²⁰ Giller A. Opisanie Zabajkalskiej krainy na Syberii. – Lipsk, 1867. – Т. I. – С. 103-107.

II. Польская диаспора в годы репрессий советского периода

А.В. ЧЕВАРДИН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАТУРЫ НА УРАЛЕ В 1942-1943 гг.

Согласно документам Государственного архива Российской Федерации на Урал (Свердловская, Молотовская, Челябинская области и Башкирская АССР) в течение 1940 года было депортировано в общей сложности до сорока тысяч бывших граждан Польши. В Молотовской (Пермской) области находилось 23 спецпоселка с 10 657 чел. В Челябинской области существовало всего 3 спецпоселка с 2 172 чел. (Карабаш, Копейск). В Башкирской АССР известно о существовании 1 спецпоселка с населением в 275 чел¹.

Свердловская область к середине 1941 г. была регионом с самой большой концентрацией польских спецпереселенцев на Урале, второй по численности польского спецконтингента по стране. К началу Великой Отечественной войны на территории Свердловской области функционировало 56 спецпоселков, в которых проживало более 26 000 бывших польских граждан².

Помимо депортированных лиц, на Урал в период 1939-1941 гг. поступали граждане бывшего польского государства, осужденные в Западной Украине и Западной Белоруссии, в том числе по политическим статьям, и прибывшие отбывать срок наказания в восточные области Советского Союза. Большинство из них было направлено на север уральского региона, где располагалась лагерная система: ИвдельЛаг, БогословЛаг, СевуралЛаг, ВостуралЛаг и т.д.

После создания сети польских представительств в конце декабря 1941 г. Башкирская АССР вошла под юрисдикцию Чкаловской делегатуры, а Молотовская область – под опеку польского представительства с центром в городе Кирове. Для остальных двух крупных уральских регионов, Свердловской и Челябинской областей, было решено создать свою собственную делегатуру.

В то время Свердловск был, по сути, закрытым городом, с большой концентрацией крупных оборонных предприятий, поэтому не мог стать центром польского представительства. Челябинск, в свою очередь, имел удобное железнодорожное сообщение с городом Куйбышев, куда были эвакуированы в начале войны все иностранные посольства. К тому же, Челябинская область стала одним из тех мест, куда прибывали и через которую двигались бывшие польские граждане из северных и восточных регионов РСФСР после амнистии августа 1941 г. Видимо, поэтому было решено открыть польское представительство именно в городе Челябинске. В Свердловске же был организован крупный склад, находившийся в центре города у главпочтамта, куда могли приезжать доверенные лица из разных районов Свердловской области и брать гуманитарную помощь для распределения среди польских граждан¹. Иногда в Свердловск приезжал сам глава уральского представительства.

Основателем и первым руководителем уральской делегатуры стал Словиковский Генрих Владиславович, 1910 года рождения, уроженец города Мышков, прибывший из Лондона в Москву в ноябре 1941 года. В январе следующего года он был направлен в Челябинск. Местные власти выделили место для создания польского представительства в самом центре города. Первоначально оно располагалось на главной площади в гостинице «Южный Урал», затем на улице Цвиллинга, дом 49.

В аппарате челябинского представительства польского посольства работало несколько человек: Артур Шевчик – заместитель представителя, Альфред Миц – сотрудник для поручений, юрист, занимался правовыми вопросами представительства, Захарьяевич – заведующий санэвакопункта, Баламут – секретарь представительства, Мария Курилович – работник по вопросам образования, Соломон Циглер – работник хозяйственной части челябинской делегатуры (в г. Свердловск)².

Сеть польских доверенных лиц в уральском регионе была оформлена весной – в начале лета 1942 года: в подавляющем большинстве населенных пунктов были выбраны уполномоченные польских граждан, избраны доверенные лица (одно доверенное лицо могло представлять один или несколько районов), а их кандидатуры были окончательно утверждены в городе Куйбышеве, в польском посольстве. По договоренности с властями уральская делегатура предоставляла местным органам НКВД подробную информацию обо всех доверенных лицах, и должна была обновлять эти данные каждый месяц. К апрелю 1942 года польская делегатура в Свердловской и Челябинской областях взяла под опеку 13 500 бывших польских граждан, из них дети – 2 480 чел., женщины – 5 900 чел., мужчины – 5 120 чел.³.

Деятельность представительства польского посольства по Челябинской и Свердловской областям можно поделить на два периода. Первый период: январь – июль 1942 г. В это время работа представительства под руководством Г.Словиковского шла успешно. Примерно с апреля доверенные лица стали получать денежные переводы для распределения среди поляков, затем одежду. В течение лета 1942 года уральское представительство создавало в местах большого скопления бывших польских граждан пункты для дополнительного питания детей до 16 лет, поэтому уполномоченные должны были найти место для их функционирования.

Вся отчетность доверенных лиц поступала в Челябинск почтой обычными либо ценными письмами, редко когда документы отвозились какими-то людьми. Взаимодействие делегатуры с местными властями также было конструктивным. Благодаря этому в некоторых поселках открылись польские школы, детские сады, ясли, дома престарелых и инвалидов. В то же время доверенных лиц оповестили, что им запрещались любые публичные выступления⁴.

Тогда же большинство доверенных лиц уже получили на руки «Положение о круге компетенции представителей посольства Польской республики», где были четко прописаны их обязанности. Летом 1942 года началась работа по подготовке бывших польских граждан к получению польских паспортов. Уполномоченные стали уже выдавать на заполнение анкеты для получения документа, однако из Челябинска пришел приказ – приостановить работу по паспортизации⁵.

В Челябинск, в уральское представительство, доверенные лица обычно приезжали железнодорожным транспортом, заранее предупредив на месте жительства о своем отъезде и взяв командировочный лист. По железной дороге они получали гуманитарные грузы для своего района. Однако были случаи доставки грузов автомобильным транспортом. Внутри района между поселками доверенные лица чаще всего ходили пешком.

В конце августа 1942 года польский посол Станислав Кот писал Владиславу Снярскому: «Делегат из Челябинска Словиковский привез с собой оригинальное письмо председателя облисполкома, т.е. воеводы, с благодарностью за хорошее сотрудничество и выражающее надежды, что так же будет продолжаться с его заместителем и преемником Шевчиком». Через неделю после этого письма Словиковский был арестован в Куйбышеве, а Шевчик в Челябинске, оба из-за обвинения во враждебной для Советов деятельности». Г.Словиковский был арестован органами НКВД 21 июля 1941 года, а через 3 дня освобожден и «выдворен» из СССР за иранскую границу.

Второй период работы представительства: август – октябрь 1942 г. За этот период на посту главы уральской делегатуры сменилось несколько человек. Но активная работа представительства, несмотря ни на что, продолжалась. В августе-сентябре стала распределяться продовольственная помощь (мука, рис), одежда, лекарства, обувь, мыло, продолжала функционировать уже созданная польскими доверенными лицами система оказания помощи в местах компактного проживания бывших польских граждан. Во второй половине 1942 года недавний житель Западной Украины Данилюк Николай Иванович, проживавший на тот момент в городе Туринск Свердловской области, по совету знакомого поляка Кендзерского, записался в список польских граждан: «Они этот список послали в Свердловск... и нам прислали помощь, дары американские. Нам раздали рубашки, кому пальто, кому костюмы вообще кто чем нуждался. С этих пор нас стали кругом считать за польских граждан»⁸.

В сентябре-октябре 1942 г. произошли новые аресты среди работников польских делегатур. В Челябинске были арестованы А.Шевчик, А.Милиц, Захарьяевич, Баламут. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) № 38/224 в числе 78 сотрудников польских представительств они были выдворены из Советского Союза.

Таким образом, центр уральской делегатуры в городе Челябинске был практически упразднен. Отныне доверенные и уполномоченные лица вплоть до закрытия сети доверенных лиц контактировали непосредственно с польским посольством в Куйбышеве. Общение происходило с помощью писем, бандеролей, телеграмм. Один из последних гуманитарных грузов со станции Мамлютка был получен доверенными лицами в декабре 1942 г.: это были одежда, мыло и обувь⁹.

По данным польского посольства на 30 ноября 1942 г. в Челябинской области работало всего три доверенных лица. Владимир Кухарский занимался опекой над бывшими польскими гражданами Челябинского, Копейского, Аргаяшского и Еткульского районов. Янина Кжыжановская курировала Полтавским (sic!) районом, а Шия Исаакович Зильбер – городом Троицком и его окрестностями. К этому времени на территории Челябинской области проживало 1 541 бывший польский гражданин, из них 585 – мужчины, 562 – женщины, 394 ребенка¹⁰. 66 % составляли поляки, 18 % – евреи, 16 % – украинцы и белорусы.

В Свердловской области, согласно того же документа, имелось 14 доверенных лиц. В Ревдинском районе – Виктор Волоосевич, в Режевском, Ирбитском, Зайковском, Егоршинском районах – Владислав Мерник, в Сухоложском районе – Юзеф Барковский, в Таборинском районе – Израэль Корнблит. Тавдинский район – Юзеф Лехман, Тугулымский район – Веслав Юзефович, Березовский район – Феликс Зажицкий, Исовский район

– Здислав Квятковский, Красноуральский и Кушвинский район – Юзеф Рашка, Красноуфимский район – Якуб Гдзберг, Ново-Лялинский, Верхотурский, Гаринский районы – Кальман Либерман, Невьянский район – Самуэль Зильберинг, Пышминский район – Бернард Статтер, Туринский район – Семчишин Орестес. В Свердловской области к концу 1942 года проживало 7 599 бывших польских граждан, 2251 мужчин, 2 474 женщины, 2 874 детей. Из них 64 % составляли этнические поляки, 17 % – евреи, 19 % – украинцы и белорусы.

На территории Свердловской области в период с осени 1941 по декабрь 1942 гг. действовали следующие органы опеки над бывшими польскими гражданами, зарегистрированные в посольстве Республики Польша. В Березовском районе: 2 детских сада на 220 человек, в Сосьве – детский сад на 60 человек, в Красноуральском районе – 3 детских сада (300 чел.), детдом (15 чел.), дом инвалидов, пункт дополнительного питания (100 чел.), амбулатория с персоналом в 5 человек. Город Красноуфимск – санитарный пункт, Верхняя Тура – детский дом (22 чел.), Пышма и окрестности – 2 детских сада, 2 школы, 1 санитарный пункт, Режевской район – 6 пунктов дополнительного питания (630 чел.), город Ревда – детский сад на 160 человек¹¹.

Денежные и материальные средства, дошедшие до мест жительства поляков, стали заканчиваться зимой 1942 – 1943 гг. Владислав Мерник в отчете о деятельности от 26 декабря 1942 года писал, что уже не работают некоторые польские школы из-за отъезда учителей или с санкции местного РайОНО. А многие пункты дополнительного питания закрыты из-за отсутствия продуктов питания.

Следует упомянуть, что в январе 1942 года СНК СССР, по настоятельной просьбе польского правительства, издал распоряжение для местных властей о распределении спецпайков и ордеров на промышленные товары для домов престарелых, детдомов, приютов и других учреждений соцзащиты, организованных сетью представительств польского посольства.

Распоряжением СНК СССР от 26 января 1943 года польские делегатуры в Советском Союзе были закрыты. Все имущество и денежные средства польских представительств были взяты на учет. С конца февраля начался процесс передачи благотворительных учреждений и имущества польского посольства в СССР районным властям.

Фактически польская сеть в Челябинской и Свердловской областях прекратила свое существование в начале марта 1943 года. Именно в этот период были арестованы и получили разные сроки за антисоветскую деятельность и агитацию многие служащие сети польской делегатуры на Урале. Только на территории Свердловской области было арестовано около 10 человек, связанных с деятельностью польских представительств: это

были доверенные лица, их помощники и служащие структуры попечения над польскими гражданами. Таким образом советские власти не только избавились от активных работников упраздненной делегатуры, но и практически уничтожили бывшие контакты, имевшиеся между уполномоченными и доверенными лицами региона. Однако необходимо подчеркнуть следующее: доверенные лица, не арестованные органами НКВД, de facto продолжили свою работу. К примеру, в феврале 1944 года Франц Янович Токарский ходил в городе Красноуфимске к «польскому представителю» Якобу Глязбергу с просьбой помочь связаться с братом, живущим в США. До этого, в 1943 году, от Я.Глязберга Ф.Токарский получал несколько раз одежду и денег 150 рублей¹².

История польского представительства на Урале является уникальным явлением новейшей истории России исследуемого периода. Регион, всю советскую эпоху считавшийся закрытым для посещения иностранцами, являвшийся основной промышленной базой страны, особенно в период войны с Германией, вдруг покрывался сетью иностранных доверенных и уполномоченных лиц с центром в городе Челябинске. На всем протяжении восточного склона Уральского хребта, от Серовского района на севере до Троицкого района на юге, от Красноуфимского района на западе до Тугулымского района на востоке, раскинулась система польских представительств, полуавтономная от советской власти, со своим персоналом, бюджетом, складами, системой образования, здравоохранения, питания, презрения и т.д. И понятно, почему эта система в том или ином виде просуществовала всего около года: с января 1942 по март 1943 года. При этом главное уральское представительство в городе Челябинске, после ареста и высылки из страны практически всех его работников, было закрыто еще в октябре 1942 г. А склады с гуманитарными грузами в начале 1943 года перешли под советскую юрисдикцию.

Деятельность уральской делегатуры не ограничивалась материальной и денежной помощью. Сам факт существования польского представительства укреплял надежды бывших польских граждан на повышение их статуса, улучшение условий жизни и работы в Советском Союзе, и на возвращение домой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.9479. Оп.1.Д.79.Л.223, Д.89.ЛЛ.5, 28.

² Там же. Д.79.ЛЛ.17,223

³ ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф.1.Оп.2.Д.43951.Л.144.

⁴ Там же. Д.43951.ЛЛ.85, 133, Д.43621.ЛЛ.28-34.

⁵ Bockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSSR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940-1943. Warszawa, NERITON-IN PAN, 1999.S.309.

⁶ ГААОСО Ф.1.Оп.2.Д.34233.Л.18.

⁷ Там же. Д.43951.Л.17.

⁸ ГААОСО. Ф.1.Оп.2.Д.44029.Л.39.

⁹ Там же. Ф.1.Оп.2.Д.43951 (тетрадь В.Мерника приложена к делу, на польск.яз.).

¹⁰ Bockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSSR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940-1943. Warszawa, NERITON-IN PAN, 1999.S.210 (tab.9).

¹¹ Bockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSSR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940-1943. Warszawa, NERITON-IN PAN, 1999.S.433.

¹² ГААОСО Ф.1.Оп.2.Д.47091.Л.11.

А.А. АДАМЕНКО

ПОЛЬСКИЕ РЕПРЕССИРОВАННЫЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Методика изучения и перспективы развития темы

Тема репрессий против народов Восточной Европы и, в частности, против поляков является сегодня, на наш взгляд, весьма актуальной. Об этом свидетельствуют и масштабы репрессий, кардинальным образом отразившихся на судьбах тысяч людей. Об этом говорит и то, что живы еще многие репрессированные, которые немало делают, чтобы сохранилась память о высылках и депортациях их народа. Так, в 1980-е годы в Польше бывшие узники лагерей и спецпереселенцы организовали «Союз сибиряков». При этом Союзе начал выходить журнал «Сибиряк», где публикуются воспоминания, исследования, стихи и т. д. Что касается Красноярского края, то здесь по этой теме существует достаточное количество публикаций, ею занимаются общество «Мемориал», польские организации, отдельные исследователи и, конечно, представители католической церкви.

На наш взгляд, наиболее малоизученным разделом в данной теме является раздел репрессий против священнослужителей. Но прежде чем говорить о том, какие источники существуют по этому разделу, какие методы применяются для изучения и каковы перспективы развития, хотелось бы сказать несколько слов о самой теме.

На территории Красноярского края находилось несколько достаточно больших тюрем и лагерей, в которых отбывали срок большинство репрессированных поляков: это красноярская тюрьма и ИТЛ «Норильский горный лагерь», здесь же рядом находился знаменитый Тайшетский Озерлаг. Почти все польские католические священники, высланные в Красноярский край, рано или поздно попадали в один из этих лагерей. Статьи, по которым они отбывали наказания, достаточно стандартны: шпионаж в пользу польской разведки либо Ватикана, антисоветская агитация, участие в придуманной НКВД польской организации войсковой и в реально существовавшей Армии Крайовой. Соответственно статьям устанавливались и сроки наказания – от весьма распространенного приговора к 10 годам заключения и до 25-30 лет.

В истории высылки поляков-католиков, как священнослужителей, так и мирян, можно условно выделить по годам следующие этапы:

- 1) 1920-1925 – Первые антицерковные Декреты советской власти, репрессии против священников в Центральной России;
- 2) 1926-1928 – Апогей репрессий против священнослужителей;
- 3) 1929-1931 – Репрессии против священников проходят под знаком завершения коллективизации;
- 4) 1931-1939 – Период относительного затишья в антицерковной деятельности Советской власти;
- 5) 1939-1941 – Высылка священнослужителей производится с оккупированных территорий Польши.

Говоря о численности католических священников, отбывавших срок в крае, следует указать, что, по данным сборника общества «Мемориал», в одном только Норильском лагере находилось около 40 поляков, из них 7 священнослужителей, а по данным мартиролога католической церкви в СССР на территории края отбывало наказание более 45-ти священников. Информацию о них можно найти в красноярской периодике, в частности, в альманахе «Енисей», в сборниках докладов «Норильская Голгофа», «Поляки на Енисее», в опубликованных документах, также представленных в сборниках («Сибирский Белосток», «Поляки ЗАТО») и в уже упомянутом мартирологе католической церкви в СССР. Информация о них есть также и на сайте общества «Мемориал», www.memorial.krasnoyarsk.ru.

Основными проблемами на данном этапе изучения темы, на наш взгляд, являются:

- 1) Разрозненность информации о проблеме, ее труднодоступность;
- 2) Публицистический характер большей части имеющейся информации, поскольку статьи в сборниках и альманахах являются либо узкоспециальными исследованиями о системе ГУЛАГА, либо биографиями отдельных лиц, из чего невозможно выявить какие-либо закономерности и представить общую картину репрессий;
- 3) Анализ изданных работ показывает, что у некоторых польских и российских (советских) авторов статистические данные в отношении репрессированных священнослужителей сильно расходятся (порой в 3-4 раза) и, таким образом, требуют уточнения;
- 4) Главное же – до сих пор не изучены с необходимой полнотой фонды краевых, да и в целом российских архивов, содержащие документы по данной проблематике. Без них раскрыть объективно и полностью тему репрессированных священнослужителей в СССР и, конкретно, в Красноярском крае, вряд ли возможно.

Решением перечисленных проблем, на наш взгляд, явился бы отдельный сайт, посвященный теме репрессий против поляков и, в частности, против священнослужителей. На сегодняшний день созданный сайт готовится к размещению в сети Интернет и включает в себя целый комплекс материалов по польской тематике.

Структура сайта состоит из разделов, включающих в себя, с одной стороны, информацию о красноярской Полонии (ее составе, деятельности, истории), а, с другой стороны, материалы о «польских» репрессиях (мартиролог, документы, воспоминания и т. д.). Кроме этого на сайте размещены фотоархив, справочные материалы о польской истории и культуре, информация о готовящихся мероприятиях в красноярской Полонии. Предполагаемое время размещения сайта в сети Интернет – 2006 г.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что основными целями работы сайта в Интернете являются: объединение и систематизация накопленного материала по теме репрессий против поляков в Красноярском крае и обеспечение диалога среди всех заинтересованных лиц.

О ПОЛЬСКОЙ СЕКЦИИ ГУБНАЦ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

В истории национальных отношений в России существовали разнообразные формы проявления и формирования национального самосознания. Интересны примеры национальных объединений, зародившиеся в первые годы советской власти в Сибири, в том числе и на территории Красноярского края. Речь идет о партийно-государственных образованиях или так называемых нацменовских секциях.

В Красноярске при Енисейском губернском комитете РКП (б) в 1920 году был образован подотдел национальных меньшинств, который объединял и руководил работой национальных объединений того времени, — они назывались нацменовскими секциями. В начале 20-х годов было 8 секций: латышская, немецкая, эстонская, польская, татарская, украинская, венгерская, югославская. Венгерская и югославская, а также, отчасти, польская секции были созданы в связи с пребыванием в губернии военнопленных колчаковской армии.

Архивные документы 1920-22 гг. ярко характеризуют период становления не только подотдела нацменьшинств, но и всей мирной работы советской власти после гражданской войны, ее трудности и проблемы.

На заседании коллегии Губнац Енисейского комитета РКП(б) 11 февраля 1920 года рассматривался вопрос о существовании подотдела национальных меньшинств, заведующий — Лепп — докладывал о положении: « Я, как заведующий отдела, чувствую, что вверенный мне отдел, как лишенный прав, никому не нужен, если на него так мало обращают внимания».¹

Снабжение отдела не включалось в общую смету, отсутствовали даже дрова для отопления, в суровые морозы в отделе невозможно было находиться. Не выделялось никаких канцелярских товаров, валенок для разъезда по губернии, а главное — отдел не был укомплектован работниками, т.к. Лепп, заведующий отделом, был единственным работником этого отдела. Из-за отсутствия топлива и другого внимания Лепп обращался в губернский партком с просьбой решить вопрос о дальнейшем существовании отдела по делам национальностей. Коллегия, обсудив этот вопрос, заключила, что «отдел может функционировать при наличии достаточного количества активных работников и при материальном обеспечении топливом наравне с другими отделами».²

Лепп боролся за достойное место и значение этого подразделения губернского комитета, очень важного по содержанию работы. Документы свидетельствуют, что отношение к отделу изменилось. И уже далее в архивном деле представлены отчеты о деятельности отдела и его национальных секций за каждый месяц, начиная с лета 1920 года.

Нацменовские секции проводили, в основном, агитационно-пропагандистскую, культурную работу среди населения своих национальностей. Ей в начале 1920-х годов придавалось важное значение.

Польская секция подотдела нацменьшинств была создана в феврале 1920 года. Сначала ответственность за ее работу была возложена на т. Врублевского. «Существует 1 губернская польская секция, уездных нет. Работа ведется только в г. Красноярске и Красноярском уезде. Предстоит реэвакуация бывших военнопленных и беженцев на родину. Для этого необходимо усилить политработу».³

В первый состав польской секции входили также т.т. Лесневский, Матушевская. Секция работала под руководством губкома и была связана с польбюро ЦК РКП(б) в Москве. Из доклада губернскому комитету за первые недели работы узнаем: « ... состоит из 5 членов, образующих бюро пропаганды и агитации. Секция устроила 4 собрания в эшелонах и 4 собрания в городах. В эшелонах имеется много специалистов, и т. Матушевская просит освободить их от работы на рубке дров и другой тяжелой работы. Сообщает, что в польских эшелонах имеется типография с польским шрифтом и польский театр. Просит об издательстве польского печатного органа, просит о субсидии секции денежными средствами».⁴

Работники секции, используя названных специалистов, обрабатывали партийные документы губкома, выработывали тезисы на польском языке и рассылали по уездам губернии. Кроме того, члены секции в г. Красноярске проводили митинги и беседы, доклады о текущем моменте, концерты, спектакли на польском языке. Распространяли листовки, газеты на польском языке из Минска, Москвы и др. Например, в ноябре 1921 года польской секцией было распространено и распределено 135 книг, 850 газет на польском языке. Инструктор и члены секции разъезжали по губернии для политработы среди польского населения. Секретарем польской секции (или еще называли польбюро) в этот период был Фронк Владислав Павлович, инструктором-агиторганизатором — Шлягор Юсеф, затем Матюшинский Мечислав Францевич. В нее входили также т.т. Матушевская, Кончевский.

23 февраля 1921 года в Красноярске состоялось собрание поляков-коммунистов и польской секции при губкоме РКП(б). На этом собрании присутствовал поляк Форнальский — инструктор ЦК РКП(б) и член польбюро при ЦК. Форнальский выступил с докладом «О революционном

движении в Польше». На собрании была принята резолюция: «Собрание членов и кандидатов партии г. Красноярск и рабочей бригады из бывших легионеров-поляков 5-ой дивизии, заслушав и обсудив доклад т. Форнальского постановили: Мы, коммунисты-поляки в революционной России, отдаем всю свою силу молодой пролетарской республике. Шлем товарищам в Польшу свой коммунистический привет и полную солидарность».⁵

В различных сводках и отчетах польской секции указываются разные цифровые данные о польском населении губернии в 20-е годы XX века: «общее количество польского населения по статистике 11823 чел. в начале 1921 года»; в сентябре уже называется 20000 чел.; еще в одном документе этого периода указывается 18000 чел. Эти разночтения могли быть из-за того, что статистические органы не учитывали т.н. колонистов (бывшие военнопленные и беженцы), которых по некоторым данным было около 9 тысяч человек, и которые в дальнейшем в большинстве своем возвратились в Польшу. Работники польской секции проводили среди них эвакуационную и организаторскую работу, поэтому вели примерный учет этого состава населения. Была создана комиссия по регистрации военнопленных поляков. В отчетах постоянно отмечается проведение бесед с ними «О положении в Польше». В докладе инструктора секции т. Борысюка о командировке в Канск в ноябре 1921 года говорится «...зарегистрировано к отправке на родину беженцев 536 семей – 2340 душ, 15 семей эмигрантов, 25 военных. Подданство России приняли 38 семей – 160 душ».⁶

Как свидетельствует документ, в тот период не только проходила отправка поляков на родину, но был и процесс перехода в российское гражданство. Причем правительство очень строго проводило отбор и разрешало принять подданство далеко не всем желающим.

Наряду с пропагандистской, культурно-массовой работой польская секция занималась также и бытовыми вопросами жизни польского населения, сотрудников секции, активистов, которым приходилось разъезжать по уездам губернии. В архивном деле за октябрь 1921 г. имеется список сотрудников, нуждающихся в одежде «зимовой»: Фронк, Шлягор, Кацшик, Борысюк, Смеловский.⁷

Архивный документ свидетельствует об очень сложных условиях работы того периода. Важно отметить, что даже тогда уделялось внимание обучению на родном польском языке, поддерживались учителя, снабжались литературой. Велся учет таких школ по губернии. Из отчетов выявлено, в 1921-22 гг. существовали такие польские школы:

Канская 31 ученик 1 учитель

Конокская 100 учен. 3 груп. 2 учителя

Шелеховская 25 учен. 1 груп. 1 учитель

Малиновка 30 учен. 1 груп. 1 учитель
(Б.-Улуйск.)

Малиновка 60 учен. 3 груп. 2 учителя⁸
(Абаканск)

Двадцатые годы – очень бурное, даже бурлящее, непредсказуемое время: разруха, борьба с врагами советской власти, управленческая чехарда все это усложняло нормальную деятельность ячеек и секций национальных меньшинств. А нередко приводило к полной их ликвидации. Так, вероятно, произошло и с польской секцией, созданной в начале 1920 г. После реэвакуации военнопленных активная деятельность ее, большей частью в тот период нацеленная на работу с «антантой», как называли участников польской дивизии, снизилась. Затем активисты выехали или были переведены на другие участки. И работа могла прекратиться вовсе, т.к. за 1923 год отчетных документов о деятельности польсекции не найдено. Но потребность в продолжении работы с национальным населением оставалась.

В середине 1924 года на совещании работников отдела национальностей губкома вновь рассматривался запрос ЦК РКП(б) относительно возможности организации польской секции при губкоме РКП(б). В постановлении совещания по этому поводу записано: «Так как в губкоме в настоящее время не имеется сведений о количестве и расположении в губернии польского населения, то вопрос об организации польской секции оставить открытым, т. Штраусу поручается собрать сведения относительно количества польского населения – на следующее совещание». Штраус был уполномоченным Енисейского Губкома.⁹ В этом же архивном деле приводятся данные о численности польского населения по округам Енисейской губернии:

Красноярский 2670 ч.

Канский 618 ч.

Ачинский 572 ч.

Минусинский 733 ч.

Всего: 4593 ч.

сельское население 2252 ч.

городское селение 2341 ч.¹⁰

Они очень разнятся с количественными данными о польском населении губернии в 1920-21 гг. На наш взгляд, данные 1924 г., представленные в деле № 583 ЦХИНДИ, поверхностны, готовились не статистическими органами и не могут быть приняты как соответствующие действительности. Тем не менее они стали основанием для решения о воссоздании польской организации при губкоме. В июле 1924 года на совещании работников отдела национальностей губкома постановили: «Ввиду многочисленности польского населения в Енисейской губернии, его крайней отсталости в культурном отношении, признать необходимым и

целесообразным организацию польсекции. За неимением подходящего работника для руководства польсекцией запросить такового из Сибкрайкома РКП». ¹¹ В дальнейшем работа секции возобновилась.

Во второй половине 20-х годов все большее внимание стало уделяться, как уже отмечалось, образованию как детей, так и взрослого населения; поднятию экономического уровня жизни нацменьшинского населения, оказанию помощи в развитии хозяйств и промыслов среди населения нерусских национальностей.

Интересен в этом отношении протокол I Окружного совещания национальных меньшинств Красноярского округа Сибирского края от 3-5 ноября 1927 года. Его проводил окружной исполнительный комитет, т.к. с середины 20-х гг. XX века отделы нацменьшинств перешли из ведения губкомов партии в подчинение губисполкомам, т.е. органам советской власти. На этом совещании присутствовали и представители польской нацменьшинской организации Киселевский и Дерговец. ¹²

В резолюции совещания очень подробно перечислена конкретная работа с национальными меньшинствами по многим направлениям: по советскому строительству среди национального населения; по аграрной работе и развитию промыслов и сельхозкооперации, по повышению народного образования национальных меньшинств; по материальному обеспечению и медицинскому обслуживанию и др. Так, например, в резолюции отмечалось: «... для налаживания правильного обслуживания нацменьшинств в округе в культурном и хозяйственном строительстве поставить учет экономического состояния нацменьшинского населения и в планах работы РИКов и отделов окрисполкома добиться отражения интересов нацменьшинств...»; а также «... вести работу по дальнейшему развертыванию работы по переводу школ на родной язык на всех годах обучения, вместе с тем углубить преподавание русского языка, для чего удлинить курсы обучения I ступени до 5 лет». ¹³

Цитируемая резолюция намечала широкую программу действий отделов и секций нацменьшинств, в том числе и польской, среди национального населения, которая в течение нескольких лет определяла национальную политику местных советских органов, учет и контроль за которой осуществлялся регулярно до начала 1930-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.89, л.1

² Там же

³ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.225, л.18

⁴ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.4, л.8

⁵ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.89, л.25

⁶ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.230, л.11

⁷ ЦХИДНИ, л.ф.1, оп.1, д.230, л.8

⁸ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.583, л.206

⁹ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.583, л.71

¹⁰ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.583, л.177

¹¹ ЦХИДНИ, ф.1, оп.1, д.583, л.142

¹² ГАКК, ф.р 1205, оп.1, д.117, л.2

¹³ ГАКК, ф.-р 1205, оп.1, д.117, л.4-5

III. Сибирская история польских семей

П.А. КРАЕВСКИЙ

КРАЕВСКИЙ ПЕТР-ПАВЕЛ ИВАН

История трагической жизни
безвинно пострадавшего поляка

Краевский Петр-Павел Иоганн (Иван) – мой дед по отцовской линии, родился 22 февраля 1885 г.

Поиск сведений о дате и месте рождении деда был очень и очень длительным. На протяжении многих лет я пытался установить место рождения деда и найти сведения о нем, его родителях и родственниках. Некоторые отрывочные сведения получил от своего отца. Но отец очень неохотно говорил о своих родителях. Просто говорил, что дед – родом из Польши.

Возможно, это связано с тем, что ему было всего 13 лет, когда последний раз видел своего отца и по малолетству он просто многое забыл (а многого просто не знает). В то же время он всегда утверждал, что его отец – поляк, из небогатых польских дворян (шляхтичей), имел в Польше свою небольшую усадьбу, ресторан и маслосырзавод, и был родственником сосланных в Сибирь в XIX веке польских революционеров, а также казненных повстанцев. К сожалению, мой отец умер в 1992 году, так и не оставив нашей семье полных воспоминаний.

Как ни странно, но в моих поисках помогли, хоть и косвенно, наши правоохранительные органы. По документам, полученным в последние годы моими родственниками из прокуратуры Челябинской области и УФСБ России по Челябинской области (по поводу ареста моего деда в 1938 году), в протоколах допроса и других документах арестантского дела деда упоминается, что его место рождения – пос. Миспельзе (в других документах это звучит как Миспельзы, Миспользы, Массмельзай) района Аймингтейн, Восточная Пруссия.

Однако, из исторических документов известно следующее:

В XVIII веке было три передела Польского государства (в 1772, 1773, 1795 г.г.) между Россией, Пруссией и Австрией. В 1815 году

произошел четвертый передел несчастной Польши. Основным поводом для передела явилась якобы то, что Польша не воевала против Наполеона Бонапарта, а наоборот – была довольно дружески к нему настроена (вспомните хотя бы его польскую любовницу-красавицу графиню Валевскую). В XIX в. польскую территорию опять неоднократно растаскивали Россия, Германия и Австро-Венгрия – это хорошо видно из прилагаемых к настоящей работе карт. При этом Российской империи отошли (в основном, во времена Балканских и др. войн) – юго-восточные территории, Австро-Венгрии – южные и некоторые юго-центральные, а Германии – все остальные территории – на севере, востоке и в центре.

К 1867 году Пруссия, после помощи русскому правительству в подавлении польских восстаний (а также своих войн с Данией, Францией и др.), занимает огромную европейскую территорию. Эта территория включила в себя земли и провинции: Пруссию, Померанию, Бранденбург, Познань, Силезию, Саксонию, Гессенские земли, Рейнские провинции, Вестфалию, Ганновер, Шлезвиг-Гольштейн и др.

В 1867 г. Пруссия на захваченных территориях создает Северо-Германский Союз. Затем, в 1871 г. была провозглашена Германская империя (т.е. II Рейх), которая включила в свой состав и Пруссию (существовавшую до конца II Мировой войны).

Таким образом, родившийся в 1885 году на польской территории, но в то время относящейся к Восточной Пруссии, мой дед – поляк, автоматически стал подданным Германской империи. Вышеупомянутые документы из правоохранительных органов и послужили отправными точками моего поиска в установлении родины деда.

Мою уверенность в том, что дед родился на польской земле, первоначально подтвердили письма, полученные из Государственного архива Калининградской области и Польского Государственного управления по делам ветеранов и репрессированных, куда я обращался по поиску сведений о деде. В данных письмах, в частности, говорилось следующее:

«Сообщаем, что населенный пункт Миспельзе (Mispelsee) находился в правительственном округе Алеништайн (Восточная Пруссия) – ныне г. Ольштын, Республика Польша. Полагаем, что Алеништайн может быть указанным Вами Аймингтейном. В настоящее время населенный пункт Миспельзее переименован в Jemiotowo в варминьско-мазурском воеводстве Республики Польша».

Затем, в середине 2005 года я получил из архива города Ольштына (столицы варминьско-мазурского воеводства Республики Польша) метрику о рождении деда.

Хозиштайн

24 февраля 1885 года

Перед нижеподписавшимся служащим отдела регистрации сегодня предстал известный как
хозяин Иоганн Краевски
 проживающий в **Миспельзее Аббау**
 католического вероисповедания, и заявил, что
 его жена **Агнес Краевски, урожденная Шмитковски,**
 католического вероисповедания
 проживающая у него, заявителя
 в **Миспельзее, в его присутствии**
 двадцать второго февраля сего года
 в девять часов утра
 родила ребенка мужского пола,
 который получил имя
Петр-Павел

Зачитано вслух, одобрено и подписано
 (подпись) Краевски
 Служащий отдела регистраций
 (подпись) Магдаленски
 Заместитель

В соответствии Главному регистру заверено.
 Хозиштайн 24 февраля 1885 года

Служащий отдела регистраций
 (подпись) Магдаленски
 Заместитель

(Русский перевод метрики)

Но поскольку в то время на территории правила немецкая администрация, то имя в метрике записали на немецкий манер – Иоганн. По словам еще здравствующей старшей дочери деда, ее отец всегда говорил, что его родителя звали именно Иван! Мы, родственники, предполагаем, что на самом деле отца деда так и звали – Иван.

Таким образом, в настоящее время мною установлено и документально подтверждено место рождения моего родного деда, а также стали известны его родители: отец – Краевский Иоганн (Иван), мать – Шмитковская Агнесса.

В начале 2006 г. архив города Ольштына нашел и переслал мне также метрики о рождении сестер моего деда, а также другие сведения, касающиеся его родственников.

Вся наша семья очень благодарна за проявленное внимание по поиску архивных сведений и выражает сердечную признательность директору архива магистру Марлене Котер и заместителю директора этого же архива магистру Анне Карпински.

* * *

Из истории известно следующее:

Перед 1 Мировой войной объединенная Германия вместе с другими странами Антанты (Австро-Венгрией и Турцией) начали военные действия против России (которую поддерживали Англия и Франция).

Первоначально Германия предполагала в течение 6-8 недель разгромить Францию, выставив против нее 4/5 своих войск. При этом против России выставлялась только одна полная армейская группировка в Восточной Пруссии. Фактически осенью 1914 года в Восточной Пруссии против русских воевали 8-я Армия и 1-я Кавалерийская дивизия (всего 200 тыс. человек под командованием генерала М. Притвица). Россия, со своей стороны, образовала в Пруссии Северо-Западный фронт (в составе 1-й и 2-й Армий) и имела большой численный перевес.

4 (17) августа 1914 г., через 17 дней после начала Первой мировой войны, русская армия перешла границу Восточной Пруссии. Однако, объективно говоря, Восточно-Прусская операция – это трагедия первых недель войны для русских и германцев. Российское командование, идя на встречу просьбам союзников о помощи, развернуло операции в Восточной Пруссии, не дождавшись полного завершения мобилизации военнообязанных в России. Начало военных действий для русских сначала было довольно успешным. В ходе Восточно-Прусской операции в августе 1914 г. 1-я Русская Армия (под командованием генерала П.К.Реннекампа) сначала разбила германцев у Шталлупенена (сегодня – г. Нестеров Калининградской области), а затем в Гумбиннен-Гольдэнском (ныне – г. Гусев) сражении совместно со 2-й Русской Армией нанесла поражение основным силам 8-й германской Армии.

В начале осени, воспользовавшись отсутствием взаимодействия между 1-й и 2-й Русскими Армиями и ошибками русского командования, германцы смогли собраться и в сентябре 1914 года отбросить русских

из Восточной Пруссии. Сняв значительные силы с Западного фронта, германское командование смогло осуществить частичное окружение в районе Танненберга 2-й армии генерала А.В. Самсонова. Около 30 тыс. человек попало в плен, десятки тысяч погибли (в боях, от ран или утонули в печально знаменитых Мазурских болотах), а генерал Самсонов, как честный русский офицер, от позора поражения застрелился (его могила находится в г. Найденбурге – ныне г. Крылов, если не ошибаюсь). В итоге, русские войска через две недели были вытеснены из Восточной Пруссии.

В октябре русские войска снова перешли в контрнаступление и отбросили германцев на исходные рубежи, но вскоре сами отошли обратно. Тем не менее, из-за военных действий в Восточной Пруссии, немцам пришлось ослабить свои силы на Западном фронте, что позволило англо-французским войскам в кровопролитном сражении на Марне остановить германское наступление. Германский план "молниеносной войны" провалился благодаря крови, пролитой русскими солдатами в Восточной Пруссии.

В ходе военных действий в 1914 году разрушения подверглись 39 городов и 1900 сельских населенных пунктов Восточной Пруссии. Особенно пострадали Эйткунен (Чернышевское), Даркемен (Озерск), Ширвиндт (Кутузово), Шталупёнен (Нестеров), Пилькаллен (Добровольск), многие деревни и хутора.

В дальнейшем, по Версальскому мирному договору от 28 июня 1919 г., часть территории Восточной Пруссии (в т.ч. провинция Алленштайн) вновь отошла к Польше. При этом Восточная Пруссия потеряла 315 тыс. гектаров площади и 166 тыс. своих граждан, и превратилась в германский протекторат. Такое положение Восточной Пруссии сохранялось до 1939 года – начала 2-й Мировой войны.

В Восточно-Прусских сражениях 1914 года с обеих сторон было много пленных (военных и гражданских лиц), среди них – и мой дед. К какой категории военнопленных он относился, пока я точно не знаю.

Возможно, что мой дед Краевский Петр-Павел Иван (по-русски – Петр Павлович), как германский подданный, в числе многих других поляков, славян и прочих национальностей, был мобилизован в качестве ополченца в германскую армию для защиты Восточной Пруссии (тем более, что к моменту войны ему было уже почти 30 лет и срочную службу по возрасту он уже проходить не мог), и в ходе военных действий попал в русский плен. Но – это вряд ли. Скорее всего, он был заложник из числа гражданского населения, захваченного русскими войсками. Их называли «военнозадержанными» (в 1917 г. в Омске таких было 134 человека). Обычно это были зажиточные и уважаемые люди.

В «Анкете арестованного» (26.02.1938 г.) и «Протоколе допроса» (15.03.1938 г.) записано, что Петр-Павел до плена был СЛУЖАЩИМ, а не военным. А принимая во внимание, что ему как старшему сыну в семье принадлежало родовое (хоть и не богатое) поместье, то он вполне попал под графу «ЗАЛОЖНИКИ из числа состоятельных граждан». Это подтверждается и тем, что финансовые возможности деда позволили ему даже в русском плену, почти за 4000 км от родного дома, купить себе 2-х этажный дом из 18 комнат и создать маслосырзавод!

По сведениям Челябинской прокуратуры, «КРАЕВСКИЙ Петр Павлович, 22 февраля 1885 года рождения, уроженец Восточной Пруссии-Германия, подданный Германии, в СССР прибыл в 1914 году ...».

Военнопленных – подданных Германии, обычно этапировали на Урал, или в Сибирь и Якутию. Вот и мой дед, попав в плен, очутился сначала в Тобольской тюрьме, а затем в 1916 году – в Омской. Затем был на поселении.

По информации, полученной мною из Государственного архива г.Тобольска, в Архивном фонде Тобольского губернского управления имеется «Именной список проживающих в г.Таре и Тарском уезде Австро-Венгерских и Германских подданных», составленный 10 марта 1916 года. В этом списке значится «Краевский Петр Иванов, пол мужской, возраст 38 лет, род занятий маслодельный мастер, местожительства с.Такмыкское той же волости, прибыл из Омска с разрешения Акмолинского губернатора и как военнообязанный состоит под надзором полиции».

В 1917 году Петр-Павел в знакомой польской семье встретился со своей будущей женой – Марией Родионовной. Бабушка родилась 4 августа 1891 года в Иркутске. Ее семья была из ссыльных, сосланных в 19 веке в Сибирь из юго-восточной Польши (ныне Западной Украины – бывшей польской территории) за участие в Польском восстании 1863-64 гг.

После февраля 1917 года многие пленные возвратились домой. Но мой дед в конце 1917 г. женился на Марии Родионовне, у них родилась первая дочь, и, как я понимаю, он не захотел бросить в России свою молодую жену с ребенком. А увезти на Родину семью ему, как и другим пленным, не разрешили. Вот и пришлось деду оставаться с молодой семьей в Сибири.

От совместного брака у них родилось четверо детей (три дочери и сын Александр – мой отец). Один ребенок – девочка, умерла в грудном возрасте.

В Омске семья жила в собственном доме из 18 комнат. Дом был 2-х этажный: первый этаж – кирпичный, второй – бревенчатый. Думаю, что дом был приобретен дедом в связи с его близостью с заводом Рандрупа.

ности английского консула в Сибири Сергей Христианович Рандруп (в русской транскрипции) с 1896 года скупал в Омске знаменитое сибирское масло. На базе его «Сибирской компании» в 1901 году был основан завод по выпуску сельхозинвентаря, названный в первые годы советской власти «Красный пахарь» (ныне это Омский агрегатный завод им. В.В.Куйбышева). Естественно, рядом с заводом возник заводской жилмассив, на территории которого и находился дом нашего деда. Ну, а дед работал с Рандрупом. Так что вполне понятно было его желание иметь дом поближе к месту работы.

После того, как советская власть этот дом у деда отобрала, семья решила уехать в село. С этой целью в 20-е годы Краевские вступили в общество Момонтов (аналог сельхозобъединения) и уехали в село Щипачи Драгуновского района. В Щипачах дед организовал собственный сырзавод. Выработывали голландский и тильзитский сыры очень высокого качества.

Следует сказать, что Петр Павел (как записано в его «Анжете арестованного» и «Протоколе допроса») закончил на своей Родине молочный техникум. Он был специалистом-технологом маслосыроработы. Для того времени это было достаточно высокое образование. (На его родине, в польской Восточной Пруссии, традиционно было развито маслосыроработы. Учителями были голландские переселенцы-мастера из Тильзита. Видимо, дед этому искусству научился у них). В России он также окончил 4-летнюю вечернюю школу – учил русский язык.

Когда началось раскулачивание крепких крестьянских и рабочих хозяйств, Петр Павлович и его супруга завод успели продать и уехать в Северный Казахстан. Как вспоминает их дочь – моя родная тетя, «когда Мария Родионовна возвращалась с деньгами из банка, полученными за проданный завод, на нее напали грабители. Спас ее только любимый кот в «яблоках». Он, настиганный, ее и вынес».

В Северном Казахстане Мария Родионовна занималась домашним хозяйством и шитьем, а Петр Павлович работал начальником Казмаслопрома.

В начале 30-х годов вновь наступили политические «смутные» времена, и семья переехала в г. Бреды Челябинской области. Здесь глава семьи сначала работал руководителем маслосырбазы, а затем – заведующим складом.

В феврале 1938 г. Петр Павлович отказался без оплаты выдать ящик масла местному начальнику НКВД. Это привело к тому, что 26 февраля 1938 г. он был необоснованно привлечен к уголовной ответственности и арестован. Через несколько дней после ареста дело против деда перекалвалифицировали из уголовного в политическое.

Дело в том, что арест деда по времени совпал с проводимыми, по указанию Сталина, карательными операциями против иностранных подданных. Во исполнение решения Сталина и Политбюро ВКП(б) наркомом Ежовым 25 июля 1937 г. был выпущен оперативный приказ №00439, в тот же день разосланный телеграммами по всем управлениям НКВД. Основные положения текста приказа содержали обоснование планирующихся репрессий и гласили:

«Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и Гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших, и в первую очередь, оборонных предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных. Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов».

В приказе № 00439 ничего не говорилось о согласовании с Москвой арестов германских подданных. Требовалось только прислать списки на аресты, но их даже не нужно было сопровождать «компрометирующими материалами». Это, конечно, не случайно. Приказ №00439 открыл эпоху массовых операций. Первоначально арестам подвергались немецкие подданные, относительно свободно прибывшие в СССР. Затем репрессии перекинулись и на бывших военнопленных, проживавших в СССР.

Операция началась в ночь на 30 июля. Через неделю, 6 августа, Ежов сообщал Сталину: *«Всего по СССР арестовано 340 человек германских подданных... В результате следствия уже в настоящее время вскрыто 19 шпионско-диверсионных резидентур на ряде крупнейших промышленных предприятий... По полученным к 5 августа показаниям германских подданных, арестовано 43 немецких агента из советских граждан и дополнительно арестовывается 52 человека».*

Начавшаяся в августе 1937 г. эпоха массовых операций сразу же вывела проблему иностранцев на самый передний план. Уже к концу месяца был выработан лаконичный и емкий циркуляр НКВД («Об иностранцах», №68 от 22.08), жестко определивший практику обращения с иноподданными самой разной государственной принадлежности. Пошли массовые аресты, тюремные застенки, срока и расстрелы.

Но некоторая часть арестованных германских граждан после тюремного заключения (разной степени продолжительности и тяжести) и следствия все же была выслана в Германию. Практика приговоров к высылке за границу, сильно ограниченная в начале 1937 г., уже осенью была восстановлена. Судя по данным немецкого посольства в Москве, с ноября

1937 г. по декабрь 1938 г. в Германию было выслано 593 арестованных, а всего за 1937–1938 гг. в Германию выслали около 620 человек. Объясняется это, как и осторожность в применении расстрелов, конечно, исключительно внешнеполитическими соображениями. К примеру, нарком НКВД Ежов осенью 1937 г. обещал послу Германии Шуленбургу выпустить за границу по спискам всех арестованных германских граждан.

Естественно, это обещание полностью выполнено не было. Но мой дед, как я полагаю, именно благодаря этим спискам (и, думаю, что не без помощи своих состоятельных польских родственников) избежал расстрела и был в числе одних из последних пленных отправлен из тюрьмы на Родину.

Следует сказать, что только за семь месяцев (август 1937 года – март 1938 года) по подозрению в преступлениях, предусмотренных ст. 58 («враг народа»), в Челябинской области (где в это время проживал дед) было арестовано 12480 человек (в том числе более 1000 т.н. «иностранцев»), из них расстреляно 5980 человек. Каждый месяц уничтожалось по 856 человек (т.е., каждый день по 28 человек!).

Пользуясь вседозволенностью и безнаказанностью, только ради личной карьеры чекисты УНКВД применяли недозволённые методы следствия вплоть до избиения и жесточайших пыток – до тех пор, пока подследственный не оговаривал себя сам, не признавал себя виновным в действиях, которых он не совершал, и этим самым подписывал себе смертный приговор.

Первоначально дед находился в тюрьме г. Бреды, а затем был переведен в Челябинскую тюрьму. В Бредах деда допрашивал следователь НКВД чекист Шуховцев, который пытался «выбить» из деда признание в том, что тот якобы являлся агентом иностранного государства и проводил на территории СССР шпионско-диверсионную работу (15.03.1938 г. первый допрос в Бердском РО НКВД, 19.03.1938 года дед давал дополнительные показания). Естественно, ни одного признательного показания дед за все время пребывания в тюрьмах ни на себя, ни на других не дал.

В 1938 году, во время нахождения моего деда в Бредской и Челябинской тюрьмах, чекистами была проведена массовая операция на основании списочных материалов по аресту военнопленных войны 1914 года (согласно приказа №00439). Почти все они были обвинены в шпионаже, осуждены и многие расстреляны.

Под этот «молот» как раз, видимо, попал и дед, как военнопленный и иностранный подданный. Деду «повезло» – несмотря на избиения и пытки, добиться самооговора от него изуверы-чекисты так и не смогли, но смогли применить к нему закон о принудительной высылке из СССР.

Однако пытками, голодом и побоями они все же сделали его инвалидом – после тюрьмы у него были отбитые чекистами ноги и руки, большое сердце и др. В тюрьме он также заболел туберкулезом легких.

По воспоминаниям старшей дочери Петра Павловича, арестованного отца она видела только один раз – при переводе его из одной тюрьмы в другую. Она это очень хорошо запомнила, поскольку когда стали выводить арестованных, толпа ее уронила и чуть не загоптала насмерть.

08.06.1938 года (согласно выписке из протокола особого совещания – так называемой «стройки» – при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР) было принято решение: «Краевского Петра Павловича за шпионскую деятельность выслать из пределов Союза СССР. Дело сдать в Архив».

По Постановлению Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 08.07.1938 г. по статьям 58 п.п. 2-6-9-10-11 УК РСФСР Петр Павлович был осужден к высылке за пределы СССР без права взять с собой семью.

21.07.1938 года: обвинительное заключение гласит «... была вскрыта и ликвидирована немецко-фашистская, шпионско-диверсионная организация действующая в Бердском районе Челябинской области ... 1-й спецотдел НКВД» (одним из руководителей которой якобы и был мой дед).

Как видно из обвинительного решения, моего деда обвиняли по ПЯТИ пунктам печально известной статьи 58 УК РСФСР. При этом, только по пункту 6 уже давали расстрел! Поэтому вполне правдоподобно звучит версия о том, что вызволить деда из тюрьмы действительно помогли его влиятельные польские родственники. Ведь за просто так из чекистских расстрельных подвалов никто живым не уходил. А здесь уже через полгода (пусть тяжелых и страшных) тюремных испытаний, при наличии в приговоре нескольких «расстрельных статей» деда приговорили не к расстрелу, а всего лишь к ВЫСЫЛКЕ из СССР!

Какую же поддержку извне нужно было иметь, чтобы добиться такого приговора? Несомненно – очень влиятельную!

Как после этого не гордиться нашей родовой фамилией!

1 сентября 1938 г. дед был этапирован в г.Минск (Письмо прокуратуры РФ Челябинской области №13/5-93 от 16.06.1993 года), а 6 ноября им был в ОКПП Нагорное получен национальный паспорт и ж.д. билет № 0732 на поезд «Минск-Варшава». В СССР Петр Павлович больше не возвращался и с семьей уже никогда не встречался.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и в начале 50-х годов», 25 июня 1989 года Постановление Особого сове-

шания при НКВД СССР (от 08.07.1938 г.) в отношении Краевского Петра Павловича было отменено, дело пересмотрено, и он был полностью реабилитирован как необоснованно осужденный советской властью по политическим мотивам.

Очень ярко о карателях-судьях из т.н. «троеку» сказал поэт Расул Гамзатов:

*Как вы не держались бы стойко,
Отвергнув заведомый вздор.
Есть суд, именуемый «тройкой»,
Его предрешен приговор.*

*Не ждите, любимые, писем
И встреч не ждите со мной,
От совести суд независим,
За каменной спрятан стеной.*

*Он судит меня, незаконный,
Избрав роковую статью.
Безгрешный я, но обреченный,
Пред ним одиноко стою.*

*Затуманная и святая,
Прощай, дорогая страна ...*

Примечание:

Как я уже говорил, моему деду действительно, можно сказать, повезло – он выбрался из чекистских тюремных застенков, пусть и инвалидом, но живым. А многих его земляков – таких же пленных, эти сталинские чекисты безвинно расстреляли.

Вот только два таких трагичных эпизода:

Брейки Герман Августович, 1894 г. р., уроженец Восточной Пруссии, немец, проживавший в с. Манут Тулунского района Иркутской области, колхозник колхоза в с. Манут, беспартийный, арестован 07.11.37 г., постановлением тройки УНКВД Иркутской области от 28.12.37 г. по ст. 58-1 "а" УК РСФСР подвергнут расстрелу (исполнено 07.01.38 г. в г. Иркутске), реабилитирован заключением прокуратуры Иркутской области от 31.05.89 г. Номер архивного дела: 14991.

Райский Иван Матвеевич, 1898 г. р., уроженец г. Кенигсберг (Восточная Пруссия), поэт, беспартийный, продавец хлеботорга, проживал: г. Ленинград, Пушкинская ул., д. 20, кв. 26. Арестован 22 ноября 1937 г.

Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 14 декабря 1937 г. приговорен по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 20 декабря 1937 г.

***

20 сентября 1939 года – через 10 месяцев после высылки мужа, Мария Родионовна умерла от брюшного тифа. Похоронили ее в Омске на Шепелевском кладбище, недалеко от дома. В 1940 году это кладбище для захоронений закрыли. (Северная часть кладбища явилась первым засекреченным местом захоронений репрессированных в г. Омске во время правления Сталина.)

Когда хоронили Марию Родионовну, их родительский дом обокрали (во время похорон!) и унесли у сирот всё, что у них было. Правду говорят – беда не ходит одна!

С началом Великой Отечественной войны и эвакуацией в г.Омск заводов из европейской части страны, в числе других было распахано под строительство цехов Агрегатного завода и это кладбище. Таким образом, на месте Шепелевского кладбища, где захоронена моя бабушка, ныне расположены цеха Агрегатного завода и магазин «Бутырский базар».

Так за 1,5 года дети потеряли отца и мать, остались фактически сиротами, без средств к существованию. Обе дочери в это время учились в техникумах (старшая Альвина – в Актюбинске, младшая Анна-Агнесса – в Омске), а малолетний Александр – в омской школе и проживал вместе с Анной-Агнессой.

***

Следует сказать, что Петр Павлович в период с января по октябрь 1939 года сумел несколько раз написать своей оставшейся в СССР семье. Сохранился ответ Петра Павловича (от 21 октября 1939 года) на письмо Альвины – старшей дочери. Это было последнее письмо моего деда. Больше сведений о нем мы, к нашему огорчению, не имеем.

Как оказалось, он жил в это время в Варшаве, Ростке и рядом с Бад-Зольце. В Ростке ему пришлось лежать в больнице – сказались месяцы, проведенные в Челябинской тюрьме (побой, пытки, полученные туберкулез и инфаркт).

Вот уже много лет я работаю с архивами, правительственными и общественными организациями России, Республики Польша и Германии по розыску материалов о моем деле. Пытаюсь разыскать хотя бы сведения о его последних днях жизни и захоронении. Только за 1,5 года написал более 100 писем по этому поводу.

К сожалению, пока мои поиски безрезультатны. Надо сказать, что на большинство писем я получаю ответы (пусть и отрицательные). Но, к примеру, я трижды обращался к президенту г. Пабянице – и ни разу никто мне не ответил.

В то же время мне искренне было приятно внимание:

- Управления по делам ветеранов и репрессированных Польши (собирали около десятка всевозможных адресов учреждений и архивов),

- Римско-католического прихода церкви Иисуса г. Олыштынека (преподобный отец Станислав Питкевич буквально через несколько часов после получения моего письма прислал мне ответ по электронной почте).

* * *

Несмотря на потерю родителей, перенесенные житейские и военные испытания, все дети Петра Павловича и Марии Родионовны сумели получить образование и стать достойными людьми.

Краевская Альвина Петровна – была первым ребенком в семье.

Вместе с семьей проживала в Омске и Омской области, затем – в Актюбинске. В Казахстане поступила учиться в техникум. После высылки отца из СССР Альвину, как «дочь врага народа», из техникума отчислили (хотя сам факт отчисления противоречил известным словам «великого вождя и учителя всех народов» Сталина о том, что «дети за родителей не отвечают»). Но потом, с большим трудом, Альвине удалось восстановиться в техникуме и закончить учебу.

20 сентября 1939 г. (через 10 месяцев после высылки из СССР своего мужа Петра Павловича) от брюшного тифа умерла Мария Родионовна. Альвина на похороны мамы опоздала буквально на несколько часов. Она приехала в Омск именно тогда, когда родные и друзья умершей уже возвращались с кладбища.

После похорон матери Альвина забрала к себе своего брата Александра. Анна осталась жить в Омске и заканчивать свое образование.

В 1939 году Альвина окончила Павлодарский молочный техникум сыродельной промышленности. После длительных поисков работы и переписок с работодателями, ей удалось устроиться главным технологом на молочный комбинат в Свердловской области. Затем она переехала в Семипалатинск, где получила хорошую 2-х комнатную квартиру на молочном комбинате.

Во время Великой Отечественной войны, когда Александра забрали учиться в Туркестанское военное училище, сестры стали жить вместе в Омске. Затем Агнессу, как медработника, призвали в Действующую Армию.

В марте 1947 г. Альвина вышла замуж за фронтовика-офицера Лебедева Сергея Александровича (недавно ушедшего из жизни).

С 1953 г. по 1988 г. (35 лет!) Альвина Петровна проработала в областном Управлении по качеству товаров и торговле в должностях главного инспектора и зам. начальника Управления по качеству. На заслуженный отдых ушла только в 70 лет.

За безупречный и добросовестный труд награждена грамотами Министерства торговли СССР и медалью «Ветеран труда», а за самоотверженный труд во время Великой Отечественной войны – медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 г.г.» и «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 г.г.».

Ее называют мамой сын и дочь, бабушкой – пятеро внуков и прабабушкой – четыре юных человека!

Анна-Агнесса свое имя получила в честь своей бабушки Агнессы Краевской (Шмитковской) – матери отца Петра Павловича и его сестры Анны.

Анна-Агнесса училась в Омском медицинском техникуме и по ночам работала – дежурила в больнице, чтобы было на что жить ей и младшему брату (брат учился в школе).

Всё время совместной жизни, пока старшая сестра Альвина не забрала Сашу к себе в Северный Казахстан, им было очень нелегко. Особой помощи ни от кого не было. Да и морально было тяжело – приходилось везде говорить, что отец и мать умерли (если бы рассказали про высылку отца из СССР, то их могли бы записать как «детей врагов советского народа» со всеми вытекающими обстоятельствами – исключением из медучилища и школы, отправлением в детские дома, а то и похуже). Так и жили, затаясь. А что им было делать – такое было страшное время!

Надо сказать, что Анна-Агнесса всю жизнь оберегала тайну своего происхождения. Она никогда особенно не говорила о своих родителях. Рассказывала очень скупое, но всегда очень гордилась отцом. Больше рассказывала о том, какой добрый он был, как любил детей. Что был блондином настолько «белым» (видимо, седым), что этого стеснялся, и поэтому каждый день брил голову.

Анну-Агнессу после окончания медицинского техникума забрали на фронт, и она всю войну прошла на передовой – сначала медсестрой, а потом операционной сестрой. Закончила войну в Австрии. Награждена орденами и медалями. Инвалид ВОВ.

Своим детям она никогда не рассказывала о том, что дед был не русский и т.д. Они об этом узнали только лет 15 назад, когда уже ее внуки стали взрослыми. Ранее это всё она объясняла страхом, что может пострадать её муж (выгонят из партии, посадят...). Видимо, детские впечатления оставили страх на всю жизнь.

Во время войны она познакомилась со своим будущим мужем – летчиком Гудырей Егором Яковлевиче. Егор Яковлевич закончил войну в Германии, и они поженились. С мужем «облетела» весь Советский Союз – от Кавказа до Курил, от Сахалина до Украины. В браке родились двое детей. А сейчас уже есть внуки и правнуки. Вот уже 7 лет, как не стало ее мужа – прекрасного человека!

Краевский Александр Петрович – единственный сын Петра Павловича и Марии Родионовны.

Мой отец родился в с.Щипачи Омской области, где у его родителей был собственный маслозавод.

После высылки в сентябре 1938 года из СССР его отца Петра Павловича и смерти в следующем году матери Марии Родионовны, жил вдвоем с сестрой Анной-Агнессой – студенткой медицинского техникума. После ее призыва на фронт его забрала к себе старшая сестра Альвина. Среднюю школу закончил в 1942 году в Семипалатинске.

В 1942 году, после окончания средней школы, отец был призван в армию. С августа 1942 года по ноябрь 1943 года он проходил обучение в Туркестанском пехотном училище (г.Ташкент). Затем, с ноября 1943 года воевал в звании гвардии лейтенанта командиром пулеметного взвода 116 гвардейского полка 40 Гвардейской стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта.

Вернувшись после войны в Омск, отец в областном госпитале познакомился с моей мамой. Мама также фронтовик, была призвана в Действующую Армию на второй день Великой Отечественной войны. В звании лейтенанта медицинской службы воевала на Юго-Западном и Закавказском фронтах. В декабре 1942 года, после тяжелого ранения и контузии, лечилась в Омском областном госпитале. В этом же госпитале осталась работать после выздоровления. Одновременно училась в медицинском институте.

В совместном браке у них родились я и моя сестра Вера.

Позднее у меня появился брат Анатолий.

Отец работал электриком и техником-рентгенологом. Как прекрасный специалист, пользовался очень большим уважением. В качестве техника-рентгенолога работал на проверке отливок в литейном цехе и в заводском врачебном рентгенкабинете. Получил большую дозу облучения, был инвалидом 2 группы. На пенсию ушел в 50 лет, но до последнего дня жизни продолжал работать на заводе.

Умер он в октябре 1992 года в больнице от сердечного приступа.

* * *

Дети Краевского Петра Павловича – Альвина, Анна-Агнесса, Александр, в свою очередь, также смогли дать хорошее образование своим

детям и внукам. Среди них есть инженеры, преподаватели, руководители предприятий. Но самое главное – все они выросли честными людьми, не опозорили имя моего деда.

* * *

Все мы храним память о нашем деде, любимшем не только Польшу, но и Россию. Как я уже говорил выше, его дочери носят имена в честь его родных. Моя сестра также названа Верой в память о любимой сестре деда – Веронике. А меня назвали Петром – в честь ДЕДА, чем я очень горжусь!

Вот такая печальная история жизни моего деда-поляка, не по своей воле оказавшегося в России, нашедшего здесь личное счастье и пострадавшего в годы сталинских репрессий. Он оставил после себя в России не только семью, но и самое главное – доброе имя о себе.

Его имя, его трагическая судьба еще больше укрепили в нас, его потомках, любовь и уважение к его и нашей польской Родине.

Т. М. КИКИЛОВА

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ПОЛЬСКОЙ СЕМЬИ

*(на основе научных материалов
музея-заповедника «Шушенское»)*

На территории историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское», напротив дома А.Д. Зырянова, в котором жил в период ссылки В.И. Ленин, стоит деревянный двухэтажный дом, перевезенный с улицы Береговой. Хозяином его в конце XIX века был польский ссыльный, участник восстания 1863-64 гг. Яков Лаврентьевич Кайревич. В июле 1897 г. в нем на 2-ом этаже поселился политический ссыльный из г. Лодзи Ян Лукич Проминский с женой и пятью ребятами.

К революционному движению Я.Л. Проминский примкнул в конце 80-х годов XIX в. ему было тогда 30 лет. Работал он шляпником на фабрике. Проминский входил в Лодзинский комитет подпольной марксистской организации «Социал-демократия Королевства Польского». Занимался распространением нелегальной литературы, производил сборы в тайную рабочую кассу, на его квартире проходили собрания.

9 октября 1894 г. по доносу филеров Проминский был арестован вместе с другими товарищами по подпольной работе за распространение газеты «Справа работница». Его заключили в Петроковскую тюрьму, где он пробыл более 2-х лет, откуда его перевели в центральную пересылочную Бутырскую тюрьму в Москве. В Бутырьках Проминский попал в одну камеру с членами Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», соратниками В.И. Ленина, – В.В. Старковым, Г.М. Кржижановским, А.А. Ванесевым, – которые ожидали отправки в Восточную Сибирь, и подружился с ними. По приговору Величайшего повеления он подлежал к высылке в Восточную Сибирь под надзор полиции сроком до 23 октября 1899 г. Местом ссылки ему назначили с. Шушенское, куда он прибыл 16 июля 1897 г.

В.И. Ленин, прибывший в Шушенское на два месяца раньше, тепло встретил Яна Лукича и его семью. И всю ссылку их связывала тесная дружба, о чем свидетельствуют письма Ульяновых к родным и воспоминания Н.К. Крупской.

Так, в августе 1897 г. Владимир Ильич писал матери: «Собираюсь съездить в Минусинск закупить себе кое-что – лампу, некоторые вещи для зимы и т.п., думаю съездить вместе с Проминским». В другом письме от 12 октября 1897 г. говорится: «Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынешний год не редки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и полям. Ходим большей частью вместе с Проминским ...».

Когда в Шушенское приехала Н.К. Крупская, в мае 1898 г., стали дружить семейно. Проминский был частым гостем у Ульяновых. Надежда Константиновна пишет об этом в письме родным Ленина: «Мы порядком-таки привыкли к шушенским товарищам, если почему-либо не придет какой-нибудь день Оскар или Проминский, так точно чего-то не хватает ...».

Семья Проминского жила на казенное пособие, которое выдавали ему как политическому ссыльному. На сумму денежного пособия, получаемого Проминским, указывает письмо В.И. Ленина от 14 февраля 1898 г., где он пишет: «У нас опять замячка с пособием – по случаю Нового года. Проминскому, однако, по неизвестным причинам убавили пособие с 31 рубля в месяц (у него пятеро детей) до 21, а на такую сумму семерым в Шуше никак не прожить, а шляпное мастерство (его профессия) здесь не пойдет». Потом это пособие еще уменьшили до 19 рублей. Владимир Ильич предложил Проминскому заняться выращиванием табака, от реализации которого мог иметь небольшой доход. Ссылный рабочий Шаповалов, который часто встречался с шушенскими ссыльными, вспоминал: «Проминский обрабатывал большой огород, культивировал табак-махорку и возил на базар в Минусинск».

Но нередко у Проминских наступали трудные дни. Мизерного пособия не хватало. Не всегда выручали охота и доходы от табачной плантации. В такие моменты Владимир Ильич и Надежда Константиновна как-то незаметно оказывались в курсе дел и старались по возможности облегчить положение семьи и товарища, покупали детям одежду, обувь, игрушки, книги. Дочь Проминского Софья вспоминала: «Подарки Владимир Ильич делал деликатно, тактично, чтобы скрасить нашу ребячью жизнь и не обидеть семью. Помню, как из рук Владимира Ильича получали мы книги, игрушки, помню и модную в то время кофточку-накидку, кремовую с алой лентой, которую подарила мне Надежда Константиновна. Помню, как мы с Владимиром Ильичем гуляли, а особенно хорошо помню, как Надежда Константиновна терпеливо учила нас читать, писать, считать. Мама говорила, что таких умных и справедливых людей, как пан Ульянов и пани Надежда, наверное, нет больше на всем белом свете».

Надежда Константиновна, как опытная учительница, оказала помощь старшему сыну Проминского Леопольду в подготовке к испытаниям за полный курс Шушенского Алексеевского училища, которые он выдержал 6 июля 1898 г. с оценками: чтение – 5, письмо – 5, арифметика – 5. Надежда Константиновна также рассказывала ему о классовой борьбе, о революционерах. Пройдут годы, и Леопольд станет большевиком, легендарным чекистом Леонидом Проминским.

О Яне Лукиче Проминском Надежда Константиновна говорила так: «Проминский был спокойным, уравновешенным и очень твердым человеком. Он мало читал и немного знал, но обладал замечательно ярко выраженным классовым инстинктом. К своей верующей тогда жене он относился спокойно насмешливо. Он очень хорошо пел польские революционные песни «Рабочий народ, познай свою силу», «Первое мая» и целый ряд других. Дети подпевали ему».

Особенно всем запомнилась встреча 1-го мая 1899 г. Надежда Константиновна пишет в своих воспоминаниях: «Утром пришел к нам Проминский. Он имел сугубо праздничный вид: надел чистый воротничок и сам снял как медный грош ... втроем пошли к Энгбергу. Оскар заволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнате и принялись дружно петь. Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. Проминский продолжал сиять. Когда вышли в поле на сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга».

В.И. Ленин и Н.К. Крупская проявляли интерес к политическому просвещению Я.Л. Проминского, беседовали с ним, расспрашивали о социал-демократическом движении в Польше, об его участии в нем. Помогали в изучении марксистской литературы. Я. Проминский был участником встреч ссыльных марксистов, которые проходили в Шушенском, Минусинке. В январе 1899 г. Н.К. Крупская, сообщая М.Л. Ульяновой о предстоящем приезде в Шушенское товарищей из Минусинска, писала: «Все мы, шушенские обыватели, с Оскаром и Проминским включительно, мечтаем о приезде гостей и уже распределяем, кого куда положить; чем бы лучше их угостить и т.д.». 10

Дружеские отношения Ульяновых помогли Проминским пережить все трудности ссылки.

Срок ссылки у Яна Лукича заканчивался 23 октября 1899 г., Владимир Ильич принял живейшее участие в устройстве его судьбы. За три месяца до окончания ссылки он написал от имени Проминского прошение в Енисейское губернское управление об отправке его с семьей из ссылки на Родину за казенный счет. Однако, освободив Проминского от гласного надзора полиции, ему запретили выезд на родину в Польшу и центральные губернии России. Не был выдан ему паспорт, и Проминский уехал работать на железную дорогу в г. Боготол, откуда Г.М. Кржижановский, работавший в 1900 г. помощником начальника депо на ст. Тайга, помог ему перебраться туда и устроиться в паровозное депо. Бывший шляпник стал железнодорожным рабочим. В Тайге он прожил почти 10 лет. Здесь у них родилось еще двое детей, Генрих и Янина.

В 1920 г. Я.Л. Проминский написал В.И. Ленину письмо, в котором рассказывал о своей жизни и просил помочь ему перевестись на Алтайскую железную дорогу. Такая помощь была оказана.

В 1923 г. Проминский с семьей выехал в Польшу, но в пути заболел тифом и умер в Барановичах. Семья уехала в Польшу, но вскоре вернулась в Россию. Дети выросли. Самый старший, Леопольд, стал активным участником революционных событий. Три раза закрывались за молодым революционером ворота Александровского централа, самой страшной из сибирских тюрем. Военный суд приговорил его к смертной казни через повешение, которая была заменена бессрочной каторгой. Освобожден он был в февральские дни 1917 г. Работал в ЧК, был одним из организаторов и руководителей Дальневосточной милиции, трудился на железной дороге начальником станции, затем учился во Всесоюзной Академии железнодорожного транспорта в Ленинграде. Работал в управлении Октябрьской железной дороги. Умер в 1942 г. в блокадном Ленинграде. В 1968 г. коллегией УВД Читинского облисполкома была учреждена ежегодная премия имени Л.Я. Проминского

— для награждения передовых милицейских коллективов. В фондах музея хранятся его фотографии и экземпляр свидетельства о вручении премии им. Л.Я. Проминского.

Его братья, Владислав и Казимир, работали на железной дороге, участвовали в гражданской войне.

Люциан умер в 1919 г. от сыпного тифа.

Софья и Янина трудились в народном хозяйстве — одна в торговле, другая на Иркутском промышленном комбинате.

Генрих был репрессирован в 1937 г. Сейчас в Шушенском проживает его дочь Генриетта, с которой музеем поддерживаются дружеские отношения. Она передала музею семейные фотографии. В фонды мы отложили видеозапись ее воспоминаний. Она рассказала о том, что ее отец Генрих Янович работал бухгалтером на ст. Озерки Алтайского края. 28 октября 1937 г. отца забрали. Мать, Болеслава Валентиновна, с двумя ребятами на открытой машине бежала с этой станции. В дороге родился третий ребенок, который вскоре умер. Долго она ждала своего мужа и писала во все инстанции. Ей отвечали, что он осужден на 10 лет. И только в 1956 г. пришло сообщение о его реабилитации и о том, что он умер от крупозного воспаления легких в 1943 г. Когда же дочь Генриетта Генриховна снова стала писать, то ей пришло сообщение, что ее отец 5 января 1938 г. был приговорен к смерти и приговор приведен в исполнение.

Ей, как дочери репрессированного, пришлось испытать все лишения, которые чинились детям врагов народа. В жизни она выбрала скромную профессию фельдшера-акушера и этому благородному делу посвятила всю свою жизнь. Сейчас на пенсии и приехала жить туда, куда ее деда сослали в ссылку.

Такова история жизни ссыльного поляка Я.Л. Проминского и его семьи.

ПО ТРУЩОБАМ ЗЕМНЫХ ШИРОТ, РАЗБРОСАЛИ НАС КАК СИРОТ...

В том, что поляки внесли свой вклад в социально-экономическое и культурное развитие нашего региона, у меня нет сомнений, поскольку многие из живших в нашем районе поляков были людьми образованными. В нашем музее мы приступили к работе над темой «Поляки на берегах Чульма». В связи с этим возникает масса вопросов, на которые нам еще предстоит ответить.

А пока я хочу рассказать о судьбе моей бабушки – польки Василисы Ануфриевны Янушевской-Слабухо 1887 г.р., уроженке Варшавского воеводства.

Что я знаю о своих польских корнях? Почти ничего. Моя прабабушка Хиония Казимиrowa Стравинская была крестной какого-то польского пана. По рассказам бабушки, была она красавицей: стройная, с длинными ухоженными косами, всегда веселая и опрятная, чем привлекла внимание старого пана и была принята на службе в панский дом. Вскоре ее выдали замуж за крепостного мастерового человека. Недолгим было счастье молодых: призывали мужа Хионии на военную службу. После отъезда рекрута стали люди недобрые слова говорить о красавице-служанке да о старом пане. Будто запыряет он с нею, подарки дорогие дарит... Встревоженная мать Хионии попыталась поговорить с дочерью, а та лишь отшучивалась:

– Да что вы, мама, мало ли чего люди говорят!

Засобирался пан со своею женой во Францию на всю зиму, закручинилась тут Хиония, да и призналась матери, что забеременела от старого пана. Отчаявшаяся мать уговорила Хионию сходить к бабке, которая помогала женщинам избавляться от беременности. Только из дома вышли – табор цыганский навстречу. Из толпы подбегает к ним цыганка, окинула их обжигающим взглядом черных очей и промолвила:

– Ой недоброе вы задумали! Родиться девочка, а тебе, молодница, смерть страшная будет. От судьбы не уйдешь! (Удивительно, но предсказания цыганки потом сбылись...)

Напуганные страшным пророчеством, женщины вернулись домой. А через какое-то время родила Хиония девочку, которую назвала Василисой. Зачастила Хиония в костел, стала набожной и задумчивой. О чем она просила Бога, никогда не узнать.

Через полгода вернулись паны, и снова закружила Хионию любовная карусель. Вернулось к ней прежнее веселье, стала она щеголять в

обновках. А когда засобирался пан в очередной раз за границу, Хиония призналась матери об очередной беременности. Так у моей бабушки появилась сестра Анастасия.

Когда Василисе исполнилось пять лет, вернулся со службы муж Хионии. За неверность бил он свою жену смертным боем, едва откачали убежавшиеся люди, а девушек схватил за платица и перебросил в свинарник. Бабушка так вспоминала об этом:

– Настя упала, об корыто нос разбила, я половчее была. Свины огромные обступили нас, хрюкают. Мы все в навозе, ухватились друг за друга, плачем. Кто-то за бабушкой побежал. Она нас к себе увезла. Долго болела Хиония, потом отошла. А вот ее мать безумная жизнь дочери совсем подкосила, стала частенько за сердце хвататься. И однажды, видимо почуяв свою смерть, повела она девочек к своему родному племяннику Онуфрию Янушевскому. Его жена Стася не могла иметь детей. Супруги Янушевские посчитали это даром судьбы и, забрав малышей, переехали на новое место жительства в Белоруссию, где стали жить в польском уезде Витебской губернии.

По воспоминаниям Василисы Ануфриевны, следом за ними из Польши приехала Хиония с мужем и двумя дочерьми: Верой и Стасей. Что послужило тому причиной, она не знает. С Хионией ни Василиса, ни Анастасия никогда не общались, даже на свои свадьбы они ее не приглашали.

Станислава Янушевская слыла искусной рукодельницей: прjala, ткала, шила, вышивала, вязала. Всему этому она обучила своих названных дочерей.

Судьба Хионии, как и предсказала цыганка, действительно сложилась трагично. Во время Великой Отечественной войны Хионию вместе с младшей дочерью Стасей, ее мужем и шестнадцатилетним сыном немцы повесили за помощь партизанам.

У Василисы Онуфриевны судьба сложилась таким образом: накануне первой русской революции на одной из ярмарок в Ленске она увидела статного красавца в форме унтер-офицера. Он тоже с любопытством уставился на молодую с распахнутыми голубыми глазами, с длинной ниже пояса косой. Подошел, хотел познакомиться, а она рассмеялась и убежала с подружками. Но bravому воину труда не составило разузнать о ней все. Василису прочили за сына лавочника. И надо же было случиться такому, что в один день приехали ее сватать два жениха. Невеста, которой исполнилось всего семнадцать, совсем потеряла голову. Убежала в горницу и принялась плакать. Дядя, который уже вроде бы столкнулся с лавочником о свадьбе, растерялся, не зная, как поступить. И тогда решительная тетя Стася, сказала свое слово:

– Невольить не будем! Ей жить, ей и судьбу свою выбирать!

Василиса выбрала унтер-офицера – Михея Алексеевича Слабухо. И об этих корнях мне почти ничего не известно, кроме одной истории, связанной с бабушкой Михея Алексеевича по линии отца. Она была шведкой, привез ее к себе в жены мой предок из какого-то похода. До конца своих дней она так и не научилась белорусскому языку, была молчаливой, трудолюбивой, очень ответственной и весьма трепетно оберегала семейный очаг. Василиса Ануфриевна так вспоминала о ней:

– После свадьбы я переехала жить к мужу в деревню Дятели (в войну это поселение фашисты сожгли). Подъехали к дому. Навстречу вышла высокая старуха с грубыми чертами лица, протянула мне обе руки, что-то сказала на непонятном языке и ввела меня в дом. Муж сказал: – Это моя бабушка!

Была она высокой, рыжеволосой, очень вкусно готовила, хлеб у нее получался всегда хрустящим и аппетитным. По легенде, с ее появлением в роду Слабухо стали рождаться рыжеволосые высокие парни, наделенные воинскими способностями.

– Соседи, как вспоминала Василиса Ануфриевна, звали эту женщину «чухонка», но были с нею дружны, она прекрасно вязала, к ней обращались за помощью. Умерла она в конце 1906 года.

В период столыпинской реформы Михей Алексеевич с родственниками решил перебраться в Сибирь. Надел земли получили в участке под названием «Угловой» в Большеулуйской волости. Вместе с другими крестьянами, прибывшими из Белоруссии, стали обустривать деревню. Вначале ее назвали «Северный Угол», затем переименовали в Покровку.

Новоселы надрылись в непосильном труде, раскорчевывая участки земли, отведенные под усадьбы и поля. Сеяли в основном ячмень и овес. Ссуду на строительство домов получали в Ачинской переселенческой управе, там же выдавалась ссуда на приобретение скота, лошадей и пахотного инвентаря.

Когда родился первенец, Василиса, воспитанная в семье католиков, не препятствовала крещению своего сына в православном храме села Новоселово. И как она потом считала, господь наказал ее за такое отступничество. Рожала она своего сына дома. Во время родов рядом с нею находились ее подруги Мария Белочук и Анастасия Загнетова, помогавшая бабке-повитухе по фамилии Ворончук. Младенец свое появление отметил громким плачем, родился он голубоглазым и, к огорчению роженицы, рыжим. Роды закончились благополучно, и по настоянию многочисленных родственников и друзей на второй день мамашу с малышом по тряской дороге повезли в церковь. Крестной матерью нарекли Анастасию Загнетову. Случилось это событие 20 августа 1910 года. А запомнилось оно и передается из поколения в поколение вот по какой причине. Крещение в Ново-

селовской церкви прошло спокойно. Малыш сладко спал. Совершившие обряд люди засобирались в обратный путь. Препятствием на дороге от деревни Покровка до села Новоселы была река Чулым. Переправу через реку осуществляли на пароме, который передвигался по натянутому через реку канатному тросу. Молодая мамаша, прижимая младенца к груди, о чем-то беззаботно болтала со своей подружкой. Паром уже доплыл до середины реки, как вдруг лошади, словно испугавшись чего-то, попятились назад, и молодницы, не успев осознать случившееся, забарахтались в стремительном течении реки. Василиса не умела плавать, ее единственным желанием было спасти малыша... Мужчины кинулись в воду. Василису ухватили за косы и вместе с малышом, которого она судорожно прижимала к груди, подняли на паром. Роженицу долго приводили в сознание, а малыш, искупавшись в холодной воде, проспал богатырским сном до самой Покровки. Анастасия Загнетова всю жизнь в трудные минуты будет говорить своему крестнику: – Держись, Сашка, ты дважды крещенный, выдержишь! Господь тебя спас, и жить ты будешь долго. Через 4 года у Василисы Ануфриевны родиться еще один сын – Петр.

В Первую мировую войну многих мужчин из сибирских деревушек призвуют на фронт. Михей Алексеевич будет контужен под местечком Сморгань, там же он спасет своих друзей: Андрея Врашова и Степана Белочука, мужа Марины – подруги своей жены. За спасение боевых товарищей командир полка подарит ему серебряные часы. Эти часы во время гражданской войны заберет белогвардеец Самков.

Революция и гражданская война отрицательно сказались на развитии сибирских деревушек. Продразверстка была настоящим бедствием, уничтожившим сотни крестьянских семей. Люди умирали от голода.

Василиса Онуфриевна не гнушалась никакой работы. Еще до революции она на всю округу прославилась мастерством ткачихи, Михей Алексеевич в зимнее время охотился. К нему приезжали за собольими и лисьими шкурами из Ачинска. Естественно, горожан встречали в горнице, устланной дорожками с красочными узорами. Вот и заваливали Василису Онуфриевну заказами жены перекупщиков пушнины. Ночи напролет колдовала мастерица над своим ткацким станком. В подарок кто-то из купцов ей лампу керосиновую привез – небывалая роскошь по тем временам!

Михей Алексеевич, в котором проснулся рачительный хозяин, мельницу водяную вкладчину с братьями Блинковыми на речке Тюхтетке поставил. Славился он на всю округу и как охотник, добывал лисц, соболей, сохатых, медведей, волков. Но охотиться на крупного зверя он перестал после того, как 50-й по счету косолапый подмял его под себя. Об этой истории написал в своей книге М.Тихонов «Медвежий угол за Чулымом», вышедшей в 2004 году в г. Красноярске.

Михею Алексеевичу нравилось увлечение жены, он всячески поощрял ее стремление сделать красивые вещи для дома. Для работы он выделил ей комнату в большом крестовом доме, станок ткацкий сделал собственными руками. Кроме охоты была у Михея Алексеевича еще одна страсть – любил он плотничать и столярничать. Он и сам не мог объяснить, откуда у него возникло такое желание – делать лодки. Там, где он вырос и провел свою юность, кроме небольшого озера рек не было. Но лодки у него получались добротные, широкие, удобные. Он представления не имел, как их строить. Лично мне дед так объяснял:

– Никогда не видел, как делают лодки. Привез доски, взял рубанок, а мне будто кто подсказывает, как каркас строить, как доски накладывать... Не знаю, как-то само получается. Василиса Онуфриевна по-своему это толковала: «Это в нем шведская кровь играет».

Период НЭПа стал очередным подъемом крестьянских хозяйств. Многие смогли в рассрочку приобрести необходимые в крестьянском дворе сельхозмашины: веялки, сеялки, сенокосилки, жнейки и др. Иногда сельхозмашины приобретались вскладчину, на паях. У более зажиточных крестьян стали появляться сепараторы, швейные машинки.

Изучая архивные документы, я поняла, что не только работой жили столыпинские переселенцы.

Отстроив дома, они принимались хлопотать об открытии школ, строительстве церквей. В деревне Покровка после гражданской войны была открыта начальная школа. Михай Алексеевич закончив в свое время четырехклассную министерскую школу, считался грамотным человеком. Он видел уровень преподавания в деревенской школе, поэтому сыновей определил на учебу в первую городскую школу в Ачинске. Там работали преподавателями учителя бывшей городской гимназии.

В Ачинске детям снимали квартиру. Учились мальчики хорошо. Закончив школу, Александр поступил в Томский государственный университет на геологический факультет. Проучившись год, понял, что его больше влечет живая природа, поэтому перевелся на другой – биологический факультет.

В деревне Покровка жизнь шла своим чередом. Крестьяне организовали колхоз «Путь к социализму», каждый из вступивших сдал туда часть своего имущества. Стал колхозником и Михай Алексеевич.

Разбирая старые бумаги, я нашла пожелтевший тетрадный лист, на котором рукой Михея Алексеевича сделана такая запись:

«10 марта 1933 года из Москвы, Харькова, Ленинграда-2 выписаны:

1. Л.П. Сабанев «Охотничий календарь»
2. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»
3. С.М. Аксаков «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»

4. М.П. Вавилов «Охота в России во всех ее видах»
5. Ю. Ливоровский «Лайки и охота с ними»
6. П.В. Ланге «Трытник, его конструкция и применение в условиях русской охоты».

Внизу мелким почерком помечено: «Из Ленинграда посылку получил 30 марта 1933 года». А через месяц в деревне Покровка состоялось собрание бедняцкого актива, на котором Михай Алексеевич и его жена стали «кулаками-мироедами», были лишены избирательных прав и «вычищены» из колхоза. Это решение тут же отразилось на судьбах их детей. В мае 1933 года в Томском государственном университете имени В.В. Куйбышева состоялось собрание студентов, на котором выступали комсомольцы с пламенными обвинительными речами в адрес «волка в овечьей шкуре», проникшего обманным путем в их студенческую среду. Более того, при обыска в общежитии у студента Слабухо под матрасом был найден томик стихов буржуазного поэта Есенина! После бурного собрания появился приказ директора университета:

«Студента первого курса биофака специальности «Охотоведение» А.М. Слабухо, как социально чуждого, выдававшего себя за колхозника, оказавшегося сыном кулака-лишенца из числа студентов университета исключить, без права поступления в ВУЗы Союза СССР. Сектору кадров предлагаю сделать соответствующие метки на документах Слабухи. Коменданту тов. Торкиной немедленно выселить Слабуху из общежития и отобрать профкарточку. Зачетную книжку № 803 студента Слабухи А.М. аннулировать. Основание приказа «102 от 22.05.1933г.». Пройдут годы. Александр Михеевич обратится в соответствующие органы, чтобы получить справку о реабилитации. Ему ответят, что лишение избирательных прав и исключение из университета не являются политической репрессией. Тогда как же все это назвать?

Василиса Онуфриевна так вспоминала о раскулачивании:

– О том, что в деревне проходило собрание, на котором решалась наша судьба, мы не знали. Михай Алексеевич и его братья общались с мастеровыми людьми, с которыми у них была взаимовыручка. Если кузнец Мазена Иван что-то ремонтировал Михею Алексеевичу, то тот делал для пасеки кузнеца ульи. Хозяйственные мужики и заготовкой кормов занимались сообща. Вместе всегда было легче.

Как раз, – рассказывала бабушка, – к нам приехала из Мелецка дочь друга моего мужа. У нее был маленький ребенок, которого мучила грыжа. А у нас бабка Ворончиха всякие заговоры знала. Понесли мы к ней младенца, она приказала ждать того дня, когда луна на ущерб пойдет. Михай Алексеевич принес с чердака зыбку, в которой мы своих сыновей качали. Повесили к потолку, шумит малыш, и нам как-то веселее стало.

В тот день, когда нас кулачить пришли, мужики по последней дороге за остатками сена на дуга поехали. Я стала блины печь. Внесла кусок сала, отрезала от него ломтик, чтобы сковороду смазывать, тут стук в дверь. Входят: председатель сельсовета, секретарь партиячейки и наши домовыращенные активисты: Редькин, Ильин, Круляков, Федоров – деревенская лодыря. Зачитывают какую-то бумагу, а у меня перед глазами все поплыло, едва на ногах устояла. Девчонка как закричит: – Куда вы нас гонит! Вы что, с ума посходили? Хоть мужиков дождитесь!

Пришла в себя, выплянула в окно, а там беднога хозяйничает. Из амбара бочки с салом, сахаром, медом выкатывают. Кадки с мукой тащат, скот из хлева за рога выводят, свиньи визжат... Я пошевелиться не могу, в голове одна мысль: «Господи, за что ты нас наказываешь?» Тут вбегают мои подружки Настя Загнетова и Марина Белочук, тормозят меня: Василинка! Скорее давай свои вещи. Я – к сундуку, выгребая юбки, полушалки. Настя мне: сережки, кольцо снимай! Марина схватила мою шаль и полушубок и под шумок они хоть это сберегли для меня. Активисты в дом зашли, из подполья картошку стали выгребать, сундуки выносить. Свекор совсем обезумел, на себя несколько рубах нацепил. Увидев это, активист к нему и подскочил:

– Ах ты кулацкая морда, чего удумал! Понесил рубахи – другим отдай! А дед в ответ: – А ты их зарабатывать, чтобы с меня сдирать?

Все подчистую забрали, чугуны, сковороды и те вынесли, а девочка видит на столе кусок сала лежит, схватила его и в зыбку под ребенка засунула. Круляков к люльке подбежал, вытащил этот шмат сала и приказал: – Федоровым отдадите, пусть дети сала поедят!

– Тут я не выдержала, – вспоминала бабушка, – посмотрела в глаза Круляку, так его все в деревне звали, и говорю: – Чтобы ты этим салом подавился!

После обеда возвращаются мужики с сеном, а их уже за деревней встречают, направляют на колхозный двор, лошадей распрягают и в колхозную конюшню загоняют. Михея Алексеевича сразу же арестовали и увезли в Ачинскую тюрьму, даже попрощаться с женой и родителями не позволили. Велели нам убираться из дома, – делилась Василиса Онуфриевна пережитым. – За свекром дочь из соседней деревни приехала, старик плачет, причитает: – Что же это за власть такая, что работающих мужиков истребляют, а лодырей и пьяниц превозносят?!

Пока он прощался с домом, который собственными руками с сыновьями отстроил, опять вернулись активисты. Зашла я в свою комнату, где половники ткала, думаю, хоть станок забрать, ведь больше мне никто такого не сделает. Все плотницкие и столярные инструменты мужа, охотничье ружье, не говоря уже о вилах, лопатах, топорах, – все отняли... Стою, размышляю, и тут Круляк голос подает:

– Надо станок вытащить. Может, кто и купит его. Стали станок через дверь пронести – не проходит, а разобрать его ума не хватает. Тогда Круляк команду дает: – Рубите его! Пусть кулацкая сука полюбуется!

Я думала, что у меня сердце от унижения и боли разорвется. Давно ли этот самый человек, пропьянствовавший посевию, приходил к нам и Христом Богом просил мужа: – Михей Алексеевич, подсоби! Выручи зерном и дай коней землю вспахать – век не забуду! И не забыл, кулачить пришел... После того, как нас выгнали из дома, в нем школу открыли. (Сейчас дом моего деда стоит в райцентре, а законный его владелец – мой отец, никаких прав на него не имеет, поскольку он же не подвергнулся политическим репрессиям. В какой еще стране можно столкнуться с таким чудовищным попранием прав человека?).

Из бабушкиных рассказов следовало, что посоветовавшись с подругачми, решили, что жить она будет в бане у Марины Белочук. Вестей ни от мужа, ни от сыновей не было. Однажды прибежала к ним Настя Загнетова и сообщила, что на следующий день Михаил Стрельцов (друг Михея Алексеевича) с женой поедет в Ачинск и он велел, чтобы Василиса их за деревней поджидала. Так и сделали: собрали подружки кое-какие продукты, и поехала Василиса в Ачинск на поиски мужа. Знакомые, у которых она остановилась, отправились вместе с нею в тюрьму. Кто-то из охранников им пояснил, что арестанты работают на железной дороге. Разыскала Василиса Онуфриевна мужа, узнав его в исхудавшем, с глубоко впавшими глазами человеке. Был он в изодранной одежде, выглядел измученным и голодным. Он рассказал ей о расстрелах крестьян, о тех унижительных оскорблениях, которые терпят от конвоиров, о том, что голодают и сидят по очереди в переполненных камерах. Бабушка, хранившая долгие годы золотой червонец, обменяла его у какого-то еврея на деньги, а их потратила на продукты для деда. Подкармливая деда, продала также еврею сережки и колечко.

Однажды хозяйка квартиры, где она остановилась, предложила ей сходить по грибы за деревню Малую Ивановку.

– Мы перешли железную дорогу, – вспоминала она, – прошли мимо деревни, вдали был небольшой лес – к нему и направлялись. Вдоль этого леса увидели широкую полосу вспаханной земли, а на этой полосе пучками шампиньоны. Стали их собирать. Вдруг эта женщина, как закричит – я к ней. А из земли рука человеческая торчит, а дальше нога в лопте. Нам показалось, что вся эта вспаханная полоса колышется, и люди под ней стонут. Не помню, как мы дошли до города, мы даже говорить не могли – настолько вся жизнь нам чудовищной показалась! Пошла я на свидание к мужу, сидит он на рельсах, ест суп, а я рассказываю о том, что видела... Стали прощаться, он мне говорит:

– Уезжай в деревню. Завтра будет дежурить охранник, он из нашего района, пообещал помочь нам скрыться. Михаил Стрельцов мне одежду в условленном месте оставил... Поехала я в Покровку, а сердце болит: вдруг охранник подведет или убьют при попытке к бегству?... Да и о сыновьях сердце изболелось. Где они? Живы ли?

Приезжаю в деревню, а там переполох – милиция ищет моего мужа и еще двух мужчин из нашего сельсовета, Блиноква и Тихонова. Встретила Настю Загнетову, она смеется: – Пусть ищут, мужиков Михаил Стрельцов в тайгу увел. Мы им сухарей насушили. Почти три года скрывались мужики в тайге, пока в 1936 году из Москвы не пришел ответ за подписью секретаря ВЦКа А. Киселева: «В ходатайстве удовлетворить». Эти три слова, как по мановению волшебной палочки, превратили моих дедушку и бабушку из «кулаков-мироедов» в законопослушных граждан.

В ноябре 1933 года. Василиса Онуфреевна и ее подруга Марина Белочук тоже подвергались аресту. Причиной ареста послужила такая история. – У Марины муж считался инвалидом войны, а инвалидам колхоз и сельсовет оказывали помощь в подвозке дров, вывозке сена. И подруги, когда мужчины поехали за сеном, стали готовить обед: щей наварили, сала пожарили, пирогов напекли. Уселись мужики за стол, выпили по чарке, стали закусывать. Вдруг Круляков посинел, захрипев, выскочил в сени, где и упал замертво. Все страшно перепугались. По деревни слух кто-то пустил: «– Отравили Круляка, за то что кулачил Слабухов!» Вызвали милицию. Женщин арестовали, повезли в Ачинскую тюрьму, а следом на другой повозке мертвого Круляка брат в морг повез. Дорогой Круляков осыпал женщин грязной бранью, обещал стноить их в тюрьме. Всю ночь проплакали подруги, уверяя друг друга, что к смерти Крулякова никакого отношения не имеют.

На следующий день за ними пришли. Следователь им сказал:

– Вы ни в чем не виноваты. Этот человек салом подавился.

Василиса Онуфреевна вспоминала: – Я встать со стула не могла, – ведь это я ему пожелала салом подавиться! Я его прокляла.

После того, что пережили мои родственники в период коллективизации, они стали совершенно по-иному относиться к Богу. Михай Алексеевич никогда больше не молился, он сказал: «Бога нет! Если бы он был, то не допустил бы такое!» Бабушка наоборот, до конца своих дней просила у Бога прощение за смерть Крулякова.

До войны дедушка работал в колхозе. Защищать родину от фашистов пошли их сыновья. Петр погиб в 1943 г. на Орловско-Курской дуге. Он был связистом. Александр был дважды ранен, в звании лейтенанта закончил «свою» войну в январе 1944 года.

Василиса Онуфреевна и Михай Алексеевич до конца своих дней жили в семье сына Александра, который после исключения из университета закончил курсы счетоводов, всю жизнь проработал бухгалтером, награжден трудовыми и боевыми медалями и орденами.

Моя бабушка – полька, пережила своего мужа на одиннадцать лет. Умерла в феврале 1981 г. в селе Биримыск, оставив о себе самые светлые воспоминания у внуков и правнуков. Благодаря ее умению убеждать, все внуки пристрастились к рукоделию. Три бабушкиных рушника, которые сумели спасти от распродажи в период раскулачивания ее подруги, я передала в районный музей.

Еще я знаю, что у второй незаконнорожденной дочери Хионии – Анастасии был единственный сын, которого она тоже назвала Александром. В данное время Александр Иванович Хотулин, так его зовут, живет в Америке.

И еще я помню, что бабушка часто вспоминала какого-то Марека Полонского, и все вздыхала: – А его за что убили?

Я лишь сейчас осознала, насколько это горько и обидно, – не знать свои корни...

Н.Н. СКОРОБОГАТОВА

ПАМЯТЬ СЕРДЦА ХРАНИТ ДОРОГИЕ СТРАНИЦЫ *Из истории двух польских семей*

Современная история обращается не только к крупным историческим событиям, но и к судьбе простого человека. Этим мы обязаны интересной отрасли исторической науки – малой истории, которая включает в себя историю повседневности, историю рода, жизненного пути человека как неотъемлемой части времени и исторического пространства. Судьбы двух семей, Желтовских и Маляновских, хранят документальные материалы архива музея-заповедника «Шушенское».

Семья Анастасии Ульяновны и Константина Никандровича возникла в 1907 г., о чём свидетельствует «Паспорт Шушенского волостного правления», где на обороте рукой священника Черкасова была сделана следующая надпись: «Означенный в сём паспорте крестьянин военный фельдшер с. Шушенского Константин Никандрович Желтовский 31 января сего 1907 г. повенчан первым законным браком с дочерью дворянина

Анастасией Ульяновной Маляновской. Акт сего бракосочетания записан в метрической книге Шушенской Петропавловской церкви. Во второй части под № 12 за 1907 г. Священник Шушенской Петропавловской церкви П. Черкасов. Псаломщик Н. Рякунов».¹

При получении бессрочного паспорта в 1910 г. члены семьи Константина Никандровича: жена Анастасия, сын Павел также были внесены в паспортную книжку, которая была выдана в 1910 г. на основании посемейного списка № 25. Анастасии в то время было 24 года, а их сыну 1 год. Семья проживала в с. Усинском.²

В 1907 г. К.Н. Желтовский практиковал как фельдшер в Шушенском, принимая больных в своём доме. Эту благородную профессию он освоил в армии во время русско-японской войны, поэтому вся его жизнь была связана с переездами и работой в фельдшерских пунктах.

Представители рода Желтовских появились в Шушенском ещё в 18 веке, о чём свидетельствуют материалы из книги В. Ватина-Быстриянского «Г. Минусинск в 18 веке», которая была издана по материалам Саянского острога.

Маляновская А.У. происходила из семьи польского ссыльного Ульяна Денисовича и Анны Степановны Маляновских. Они жили в Нижней Кое, где отец Анастасии работал писарем. Николай Константинович Желтовский – внук Ульяна Денисовича – составил со слов матери краткую биографию своего деда.

Дед мой по матери Маляновский У.Д., писал он, (среди ссыльных поляков Юлек) по социальному происхождению мелкопоместный шляхтич. Его поместье находилось в п. Сувалки. Был народником. Во время проведения собрания в одном из домов г. Гродно полиция арестовала всех участников собрания.

Из всех арестованных пятерым грозила казнь через повешение. Перед казнью под барабанный бой над головами у всех ломали шпагу.

Маляновскому казнь была заменена ссылкой в Сибирь на 20 лет. Перед отправкой в Сибирь он также был подвергнут ритуалу гражданской казни, как и его товарищи. После смерти Александра III он был помилован Николаем II, но домой в Польшу не вернулся, отписав монарху так: «Ушёл в Сибирь за народ, с ним и останусь».

Отец деда, не выдержав постоянной травли соседей помещиков, отравился.

Ссылку дед отбывал в с. Восточное писарем. Физическим трудом в полной мере заниматься он не мог, т.к. у него были стянуты безымянные пальцы и мизинцы на обеих руках. В турецкую кампанию во время боя у деда сломалась сабля. Он вынужден был руками вырывать у турка саблю, в то время как тот собирался рубить. Дед схватил её голыми руками, отбил, вышел из боя живым, но подрезал себе пальцы.

Потом дед по просьбе общества переехал жить в Нижнюю Кую, где работал сельским писарем. Умер в 1916 г. на 89-м году жизни. (род. в 1827 г.).

В Нижней Кое родилась моя мать Анастасия Ульяновна Маляновская. Оттуда она вышла замуж за моего отца Желтовского Константина Никандровича.³

Желтовский Константин Никандрович родился в с. Шушенское 15 мая 1881 г. Был ранен во время русско-японской войны и по увечью освобождён от службы навсегда, как написано в паспорте. Но именно военная служба сыграла решающую роль в приобретении им профессии. Там в Никольске-Уссурийском он стал военным фельдшером.

Помощник врача Желтовский добросовестно и аккуратно выполнял свои обязанности в любых условиях, куда бы его ни забросила судьба. В Урянхайском крае (Республика Тыва в 1910-1915 г.) работа была связана с разъездами. В архиве имеется Пропуск за 1922 г. «Фельдшерам Усинской больницы Корнееву и Желтовскому до р. Кемчуга, для оказания помощи саётскому (тувинскому) народу».⁴ Документ этот интересен ещё и тем, что на р. Усть-Усе стоял пост у Тувинской границы. В Алтайской золотопромышленной компании (1916 г.), в Абазе (1916-1919 г.), в Ермаковском, где он работал оспопрививателем в 1921-1927 г., в Кузнецкстрое на заводе им. Сталина (1930-1933 гг.), где бы ни работал, рядом всегда была его верная спутница и помощница жена. Об этом свидетельствует документ от 2 июня 1921 г.: «Фельдшеру Желтовскому: прививать оспу ваша супруга может, если она имеет подготовку и опыт».⁵

В 1933 г. фельдшер Константин Никандрович Желтовский изъявил желание добровольно работать на лесозаготовках, где разразилась эпидемия сыпного тифа. Здесь он заразился этой болезнью и умер в больнице г. Барнаула 23 декабря 1933 г. В деле К.Н. Желтовского имеется Приказ №39, который характеризует особенности жестокого и бескомпромиссного времени, в которое жил и работал наш земляк: «Заболевшего сыпным тифом лекнома Желтовского считать больным с 1 декабря 1933 г. Заведующий врачебным участком Сукк».⁶

Жена долго ничего не знала о судьбе мужа, только по слухам она знала о том, что муж её умер от тифа, поэтому в 1936 г. отправила запрос в райздравотдел г. Барнаула.

Так была прервана любовь и дружба двух людей, которая началась ещё в 1905 г. Ведь именно с русско-японской войны Константин писал нежные поэтические строки своей возлюбленной.

Анастасия Ульяновна прожила долгую жизнь, умерла в г. Новокузнецке 20 ноября 1976 г. в возрасте 92 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Паспорт Шушенского волостного правления. 1907 г. Арх. ШМЗ-ОФ №11722 (1).

² Бессрочная паспортная книжка Шушенского волостного правления, Минусинского уезда. 1910 г. Арх. ШМЗ-ОФ-№11722(2).

³ Н.К. Желтовский. Запись воспоминаний. Рукопись. Арх. ШМЗ НВ-№5312-5314.

⁴ Пропуск за 1922 г. из с. Ус до р. Кемчуг фельдшерам усинской больницы Корнееву и Желтовскому. Арх. ШМЗ-ОФ №11725

⁵ Арх. ШМЗ-ОФ № 11725

⁶ Приказ №39 от 8 декабря 1933 г. Арх. ШМЗ –ОФ №11725.

Ю.М. ВОЙДА

В СИБИРСКОЙ ДАЛЬНОЙ СТОРОНЕ...

Мой прадедушка Войда Станислав Мартынович, 1847 года рождения, уроженец Люблинской губернии, в юном возрасте принял активное участие в восстании 1863-1864 годов. На основании архивных документов, фотографий и воспоминаний я хочу рассказать об исторической судьбе нашего предка, чьи потомки в основном проживают в Красноярском крае (бывшей Енисейской губернии).

В списках польских политических ссыльных Енисейского губернского управления значится Войда Станислав. «За участие в восстании по решению Комиссии Военного суда, учрежденной в городе Владимире, отдан был на срок в Казанскую арестантскую роту гражданского ведомства, из которой сослан в Енисейскую губернию для водворения на землях ведомства государственных имуществ. Приметы: росту 2 аршина 8, 1/2 вершков, волосы светло-русые, глаза голубые, нос, рот обыкновенные, лицо чистое. Веры католической. В ссылку прибыл один. В октябре 1869 года получил пособие от казны в сумме 55 рублей. Место причисления – село Белоярское Абаканской волости Минусинского уезда. Время причисления – 28 августа 1866 года».

Мой дедушка Войда Петр Станиславович был женат на Марии, дочери польского политссыльного, участника восстания Шелковского Карла Казимировича, 1827 года рождения. Архивная запись о нем гласит: «Из мещан,

сослан в Енисейскую губернию на землях ведомства государственных имуществ. Приметы: росту 2 аршина 4 вершка, волосы темно-русые, лицо рябоватое, при нем жена Ирина и сын Лука. Место причисления – деревня Байкалово Абаканской волости Минусинского уезда. Время причисления – 25 июля 1866 года. В 1867 году получил пособие от казны в сумме 55 рублей».

Окончательная отметка для Войда С. М. и Шелковского К. К. такая: «На основании указа Енисейского губернского управления от 30 сентября 1875 года № 115569 применено Высочайшее повеление».¹

Из государственного архива Владимирской области мне ответили, что «В документах Владимирского губернского попечительного о тюрьмах комитета имеются списки польских заключенных, отправляемых в разные губернии. В «Списке Польским мятежником, отправленным из Владимирского тюремного замка по Московско-Нижегородской железной дороге в Казанскую арестантскую роту и другие места» за 23 июня 1864 года значится под № 21 Станислав Войда».²

На мой запрос из Национального архива Республики Татарстан пришел ответ: «В архивном фонде Казанской арестантской роты в Списке польских мятежников, осужденных в городе Владимире Комиссией Военного суда и направляемых в Казанскую арестантскую роту за 1864 г. значится Станислав Войда, 17-летний крестьянин Люблинской губернии».³ В алфавите арестантов Казанской арестантской роты за 1865 год значится: Станислав Войда, прибыл в Казань 30 июня 1864 года. Других сведений не обнаружено. Личных дел арестантов в составе вышеуказанного фонда не имеется».⁴

Из Казани Войда Станислав Мартынович был отправлен по этапу в кандалах в Енисейскую губернию, к месту ссылки. Прибыли в город Ачинск, из которого на лошадях развозили по местам причисления.

Польские политссыльные находились под строгим надзором полиции. Они были ограничены в правах. Чтобы вступить в брак, надо было получить разрешение от властей. Сейчас трудно сказать, где и как он встретил свою будущую жену Александру Петровну. Информация, которую я получил от родных, говорит о том, что отец девушки – из поселенцев села Кавказского Минусинского уезда Петр Лихачев был сельским предпринимателем – торговал скотом, шкурами, которые закупал, выдeldывал и продавал. Он был против брака своей дочери со ссыльным поляком. Не знаю, какие обстоятельства побудили отца изменить свое решение: или настойчивость дочери, или ему понравился высокий (1 м 80 см), красивый молодой юноша. Но прежде чем отдать свою дочь замуж, Петр Лихачев решил дать ему испытательный срок – 3 года, в течении которых Станислав был у него в работниках. После испытательного срока он дал согласие на брак.

У Войды С.М. и его жены Александры Петровны было 5 сыновей и 2 дочери. Сыновья – Петр, Ефим, Николай, Михаил, Александр, дочери – Мария и Анастасия. В метрических книгах Белоярской Никольской и Белдыкской Покровской церквей Абаканской волости Минусинского уезда имеются следующие сведения о семьях Войды С.М. и Шелковского К.К.:

«22 октября 1871 года вступили в брак переселенец из западной Польши житель села Белоярска Абаканской волости Станислав Войдук (так в документе), 24 лет римско-католического вероисповедания, первым браком, и поселенческая дочь из села Кавказекаго Тесинской волости, девица Александра Петровна Лихачева, 18 лет, православного вероисповедания. Брак был заключен в Белоярской Николаевской церкви Минусинского округа. 17 января 1872 года у политесельного села Белоярска Станислава Мартыновича Войдука и законной жены его Александры Петровны родилась дочь Мария, 10 июня 1876 года – сын Петр, 26 июля 1881 года – сын Николай. 26 июля 1885 года у политесельного села Белоярска Станислава Мартыновича Войдат (так в документе) и законной жены его Александры Петровны родился сын Михаил, 11 декабря 1886 – сын Александр».

«5 апреля 1875 года у польского переселенца деревни Байкаловой Минусинского округа Карла Ивановича Шалкавского (так в документе), римско-католического вероисповедания, и законной жены его Ирины Тихоновны, православной, родилась дочь Мария. 30 января 1898 года вступили в брак крестьянин селв Белоярского Петр Степанович Войдат (так в документе), 21 года, православного вероисповедания, первым браком, в деревне Байкаловой и поселенческая дочь Мария Карловна Шалковская (так в документе), 22 лет, православного вероисповедания, первым браком. 21 мая 1916 года у крестьянина Петра Станиславовича Войды и жены его Марии Карловны, обоих православного вероисповедания, родился сын Михаил. ⁵ Это был мой отец, который умер в 1990 году.

Вначале в селе Белоярском был куплен небольшой дом, где жила большая семья Войды. Потом, когда дети подросли, Станислав Войда построил большой семейный дом. Когда сыновья выросли и стали отделяться, первый домик был построен для сына Михаила. Потом был построен дом для Александра и его семьи.

Войда Станислав был грамотным человеком, кроме польского он владел немецким, в ссылке выучил русский язык. Все его дети окончили в селе Белоярском церковно-приходское училище. Они также от отца выучили польский и немецкий языки и разговаривали на них между собой.

О старшей дочери Марии информации не имею.

Сын Ефрим жил с семьей в деревне Сорокино Абаканской волости, затем переехал на жительство в город Ташкент, откуда была родом его жена.

Дочь Анастасия умерла во время первых родов.

Сын Николай переехал на жительство в город Минусинск, сыновья Петр, Михаил и Александр проживали в селе Белоярском.

Сын Александр женился на дочери польского политесельного из села Белоярского Викентия Осиповича Сенкевича, – Серафиме Иннокентьевне.

Из пяти сыновей Станислава Войды военную службу в царской армии проходили трое – Николай, Михаил и Александр. Сын Михаил был призван в 1909 году, проходил службу в Семеновском полку в городе Санкт-Петербурге, имел чин унтер-офицера. Когда подошел срок демобилизации, началась Первая мировая война, и его направили на фронт. Домой он вернулся лишь после Февральских событий.

Через 30 лет ссылки Станислав Войда получил разрешение выехать в Польшу на постоянное или временное жительство. Он очень хотел побывать на своей родине, в Польше. Но поездка не состоялась. Есть информация, что сыновья, опасаясь того, что он не вернется, стали отговаривать его. Свои родные места, на которых он так хотел побывать, ему не пришлось больше увидеть никогда. Сначала умерла его жена, затем через 5 лет не стало и моего прадедушки. Дата их смерти уточняется в архиве. Похоронены они на сельском кладбище в селе Белоярском. Шелковский Карл Казимирович и его жена Ирина Тихонова похоронены в деревне Байкаловой.

После смерти отца мой дедушка – Петр Станиславович был старшим в роду Войды, слово которого для всех членов семейства было законом. Все его звали старцем (т.е. старшим). К началу 30-х годов сыновья С.М. Войды имели крепкие крестьянские хозяйства. Кроме крестьянского труда все они владели профессией скорняка, которой обучил их отец, работая еще у будущего тестя Петра Лихачева. Массовая коллективизация перевернула прежний уклад жизни. Тех, кто не вступил в колхоз (в их числе были и сыновья С.М. Войды), обложили неподъемным налогом, поэтому они вынуждены были стать членами коллективного хозяйства.

Сын Михаил держал батраков и был записан на раскулачивание. Но его спасло то, что старший его сын Степан в 1929 году, участвуя в событиях на КВЖД, совершил подвиг и был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В колхозе мой дедушка Петр Станиславович был заведующим колхозной паеки, умер он в 1948 году, его жена Мария Карловна умерла в 1918 году. Вторая жена – Екатерина Васильевна. Михаил Станиславович был кладовщиком в колхозе. При строительстве Красноярской ГЭС село попало в зону затопления, он переехал на место жительства в село Белдык

Краснотуранского района (в Абаканской волости) к дочери Александре, где и умер в 1971 году. Его жена Фекла умерла в 1939 году. В настоящее время его дочь 1928 года рождения проживает там же, в Белдыке.

Александр Станиславович был кузнецом в селе Белоярском. В последние годы жизни он и его жена Серафима Иннокентьевна проживали у дочери Евгении в городе Красноярске. Сначала умерла его жена в 1971 году. Сам он скончался в 1973 году.

Вот такие факты из исторической судьбы С.М. Войды и его сыновей. Информация по другим детям уточняется. Нам бы хотелось получить копии архивных документов на Войду С.М. из архива города Люблин (Польша). Меня также интересуют архивные материалы на Шелковского Карла Казимировича.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАКК, ф.595, оп.63, д.24, лл.30, об.31,190,об.191.

² ГАКК, ф.90, оп.12, д7. л. 331.

³ ГАКК, ф.388, оп.1, д756, лл.2,8, об.9.

⁴ ГАКК, ф.388, оп.1, д.537, лл.51, об.552.

⁵ ГАКК, ф.824, оп.1, д.124, лл.207, об.208, 235, об.236; ф.2453, оп.1, д.112, лл.203, об.204; д.113, лл.66, об.67; д.118, лл.34, об.35; д.121, лл.150, об.151, 272, об.273; д.170, лл.126, об.127, 165, об.166.

IV. Польша и Польша в современном мире

Д.Н. АСЛАМАЗИШВИЛИ

КОГДА ОБНАЖАЕТСЯ ПУЛЬС БЫТИЯ

*Символическое поле «европеизма»
в славянском исполнении*

О, Европа! Европа! Мы знаем рогатого зверя, который для тебя всегда казался самым привлекательным, от которого тебе все еще грозит опасность! Старинная басня еще раз может превратиться в историю, еще раз чудовищная глупость может овладеть тобой и унести тебя! И под ней скрывается не бог какой-нибудь – нет! Только «идея», «современная идея»!..

(Ф. Ницше)

Вокруг идущих в Европе интеграционных процессов все интенсивнее и интенсивнее разворачивается символическое поле нового явления – «европеизм». Что же такое Европа? Мифическая дочь Агенора, царя богатого финикийского города Сидона, похищенная восплавающим страстью Зевсом? Колыбель западных ценностей, цивилизации и гражданского общества? Безнадёжная часть материка Евразии, ниспадающая в мир отрицания, отрицания самой Жизни? Союз, воссозданный под флагом христианской морали, зачеркнувший эпоху семи греческих мудрецов? Сказочный мир приключений и самых смелых фантазий? Пространство четких линий, металла, стиля hi-tech и прямого мышления? Территория, пропитанная вечным поиском своей сущности и вечно восхищающаяся мерно текущей размеренностью Востока?

Так где же простирается Европа, – знакомая и далекая от нас, полная загадок и символических событий. Экскурсии человека не своего времени породили символ неразрывности четырехугольной системы европейского символизма: нация, цивилизация, социализация, интеграция.

Нация лежит в основе европейского четырехугольника, так как вопрос национальной принадлежности не теряет своей актуальности даже

в эпоху глобализации. Цивилизация и Европа давно стали синонимами, однако варварство гармонично вписалось почти во все цивилизации европейской истории. Стремление к построению общества, единому социуму стало неотъемлемой европейской мечтой, в то время как постоянная дилемма «личность-общество» стала предметом не одного мысле-спора.

Что касается интеграции, то стремление к единению и одновременно конфликт на границе «личность-социум» породили новую тенденцию «европеизма» – объединенную Европу; без границ и условностей, однако строго отделенную от «третьего мира» Азии, провозглашающую себя образчиком интеллекта, творчества и общественных отношений. Однако и это явление затаило в себе обратную сторону – обострение внутринациональных отношений, усиление самоидентификации, явная симпатия странам, имеющим ярко выраженную национальную позицию (приближающуюся порой к национализму).

Все четыре угла имеют две стороны, они могут быть как проводниками европейского полилога, так и причинами разрушения единства европейских ценностей.

Итак, новая тенденция Западной цивилизации – европеизм, реализующийся особенно активно в новоприсоединяющихся в ЕС странах. Например, не столь давно Польша стала полигоном, охваченным этим символическим полем. Славянская по своему происхождению страна преломила европеизм со свойственным славянским пессимизмом и стремлением к трагедии, – так символическое поле «европеизма» вылилось в славянский «темный» символизм, базирующийся на символе негации.

Существует два символа, или два символических поля: негативный и созидательный-утверждающий. Первый реализуется в ситуациях денегации, второй – в ситуациях генерализации. Созидательный-дополняющий символ представлен пространствами дополняющего символа (квазисимволическое) и подменяющего символа (псевдосимволическое). Подменяющий символ – это всегда тропизация, ибо перенос смысла есть всегда некий «обман», подмена. Существующие специальные конструкции тропизации породили различные элементы псевдосимволического поля: тропы. Эти элементы очень часто путают с символом «настоящим», еще и поэтому данное поле псевдосимволическое.

Перенос смысла – не есть символ и даже эмблема смысла. Перенос есть активная процессуальная компонента. Символ же более кристаллизован, императивен по своей природе. Однако псевдосимволическое поле – это причинная база для переносных конструкций, таких, как, например, аллегории, метафоры, метонимии, эпитеты, аллитерации, аллюзии и т.д.

Квазисимволическое поле имеет схожее происхождение с псевдосимволическим полем, ибо базируется тоже на некотором переносе. Язы-

ковая конструкция отрицания – не (рус.яз.), do not/not (англ.яз.), kein/nicht (нем.яз.), nie (польский яз.), ar (грузинский яз.), den (греч. яз.) и т.д. – обращает внимание на то, что действие или объект уже существуют, и при сравнении этого действия или объекта с другим действием или объектом может появиться отрицание. Так посредством знака отрицания реализуется денегация в языковой практике. Однако за этим знаком отрицания лежит целое символическое поле, озаглавленное негативным символом абсолютного отрицания. Если не А тогда В, если не А и не В, тогда С, если не А, не В, не С, тогда «НЕ знаю».

Так или иначе, ситуации неуверенности имеют под собой постоянное отрицающее ядро в виде негативного символа. Однако мы помним, что символ может символизировать и себя самого. Так мы спускаемся еще на один уровень глубже и обнаруживаем там символ негации, который разворачивается уже в образы и мифы в искусстве и в сложные образно-переносные тропы в интерпретационных моделях. Вероятнее всего, вся модель мифотворчества построена на символе негации «я-отрицаю-потому-что-отрицают-меня», на символе НЕ.

Как и созидательный символ, символ НЕ работает с очень сложными внутренними структурами различных явлений, однако в отличие от утверждающего символа символ отрицающий стремится к разрушению любой структуры – к энергии Диониса. Переходный процесс напоминает море, – он начинается приливом и оканчивается отливом. Прилив насыщен энергией Аполлона – стремлением к единению, интеграции, отлив же стремится к разрушению, дроблению, индивидуации, хаосу, возврату, – это испadaющая энергия Диониса. В кульминационной своей точке переходный процесс достигает своего пика, решая судьбу данного перехода, – в этой точке мифического полнолуния в игру вступает Артемида, активизируя символы и порождая дисперсию символических полей, которые трансформируются на границе нулевых структур.

В полной противоречий Европе, странным образом стремящейся к тотальной интеграции, нигилистичной и наполненной христианской моралью, разворачивается новая игра символических полей. Имя этой игре – «европеизм», и на этот раз мотивирующим звеном стал символ НЕ, реализующийся в странах, недавно идентифицировавших себя исконно европейскими, например, в Польше. Здесь мы имеем дело с «темным» символизмом, трансформирующимся в различные культурные и художественные проекты, и характеризующимся своей внутренней трагедийностью и нигилизмом, стремящимся к обретению пустоты или абсолютного отсутствия. Ключ к «темному» символизму лежит в формуле «я-отрицаю-потому-что-отрицают-меня». Такой темный символизм характерен в большей степени для «маргинальных» европей-

ских культур, которые возникли после долгого перерыва или которые переживали свою латентную стадию под «засилием» другой культуры, к таковому можно отнести и польскую культуру.

Дуда Грач и Вислава Шимборска – эти два имени польских творцов осветили эпоху темного символизма в Польше. Художник Дуда Грач был достаточно смел, чтобы обратить свой взгляд на воссозданную, иногда искусственно, национальную принадлежность поляков, он представил в своих работах великую борьбу между Польской принадлежностью, навязанной и даже «вживленной» в национальное самосознание, и идеальным миром природы, полным естества. Размазанные образы, еле различимые лица, намеки на чувственность, такие, как если бы они были написаны в школьной тетради, – все это может стать доказательством вечной печали и последнего путешествия.

Множество мотивов осени, разбавленных редкой зимой, в картинах Дуды Грача – намек на предпоследнюю ступень, ибо зима становится последней точкой в любом путешествии, так как ассоциируется зачастую со смертью, концом жизни, началом неизвестного ничто. Работы Дуды Грача «дышат» вдохновением предпоследнего шага, самого трагического и отрицающего, так как изменить его уже нельзя, но и отступить уже нельзя, – это словно последний вердикт, последний, но не окончательный. Печаль, безнадежность и разочарование, остатки сердца и души, а на этом фоне наивная вера людей в лучшее «светлое» будущее.

Работы художника обладают чистотой исполнения и прозрачностью понимания, они напоминают камень в руках Сизифа, его взгляд, устремленный в никуда, они напоминают о последнем взгляде Орфея, который навсегда отправил Эвридику в царство Теней. В каждой точке пульсации его работ, в каждом переплетении смыслов слышится стук судьбоносного шага в окончательную неизвестность (работы «Walc es dur», 2002; «Rusalka», 2004; «Fantazja», 2004; «Polonez a la minor», 2004; «Dance a la polonaise», 2004; «Grandle Valse I», 2004).

«Было тихо, и маленький кораблик качался на волнах... было на нем несколько человек, но никто не знал, кто они... и один сказал остальным: «– Вам, смелым искателям, испытателям и всем, кто когда-либо плывал под коварными парусами по страшным морям, –

– вам, опьяненным загадками, любителям сумерек, чья душа привлекается звуками свирели ко всякой обманчивой пучине;

– ибо вы не хотите нащупывать нить трусливой рукой, и где можете вы угадать, там презираете вы исследование, –

– вам одним расскажу я загадку, которую видел я, – призрак, представший пред самым одиноким –».

Что за тайну хотел раскрыть тем морякам Заратустра-Нише?! Быть может, загадку древнего Сфинкса; ответ на эту загадку ведет к преступлению, «злу» с точки зрения большинства моральных систем, к чему-то, что претендует на первооснову и связано с инстинктом самоопределения, инстинктом одиночества. «Карлик! Ты или Я!» – восклицает Заратустра с карликом на плечах, рядом с воротами, имя которым «Мгновение».

В стихах Виславы Шимборской оба пути, встречающиеся в этом Мгновении, утопают в лабиринте чувств и бесконечных инстинктов, в лабиринте иронии и закатов:

*Jest dziewięćdziesiąt trzydzieści czasu lokalnego.
Wszystko na swoim miejscu i w układanej zgodzie.
W dolince potok mały jako potok mały.
Ścieka w postaci ścieżki od zawsze do zawsze.*

Поиски смысла творений поэтессы разделяются на несколько ступеней. Уровень за уровнем, пытаюсь открыть самое главное, единственный правильный свет ее лабиринта, так и не находишь ничего. Смысл ускользает с последним вздохом интерпретатора, и нет пути назад – только к символам. Четкие линии объектов, но за ними мир, полный безграничий... недоступный, без правил, далекий от понимания и осознания... только в тишине, в самых тихих снах слышится эхо сокрытого за этими строками, – и нет нужды искать этот смысл, ибо он отыщется сам – инстинктивно.

При чтении строк Виславы Шимборской в голове невольно разворачиваются картины Ежи Дуды Грача. Сменяя друг друга, стихи и картины играют с тенями человеческих ценностей, иронизируя, но и сопереживая им. Вислава Шимборска и Ежи Дуда Грач – две ипостаси абсолютного отсутствия и энергии жизни, они пред-шаг и шаг-по... по ту сторону добра и зла держат они молнию и смех танцующей звезды Заратустры. Так модель символа НЕ становится герменевтическим идеалом творящего, внутренний смысл распадается, когда человек оказывается на границе потери этой границы и желания единения с ней. Символ НЕ стремится к самовыражению, являясь главной мотивацией и причиной того, что DASEIN неизменно превращается а человеческое SEIN, это «откатный» механизм энергии Диониса. Темный символизм полон воли к власти, воли к искусству, воли выражать и быть выраженным, но в то же время пульсирующий в его основе символ НЕ отрицает все это, делая бессмысленной каждую попытку выразить его.

Итак, переходный процесс уже занял стадию нарастания, символы новой Европы пульсируют с новой силой, лишь не хватает им энергии бунтовщика, который стал бы стимулом дисперсии символических полей и появления нового героя – нового «доброевропейца». Безответно взи-

рают небеса, бесстрастно пульсирует лабиринт новых смыслов, все полно загадкой, все полно символами, которые уже давно, вместе с Великим Криком о Помощи Заратустры-Ницше отправились на поиски новой трагедии. Звук натянутой тетивы Артемиды и ее пронзительная стрела, направленная нам прямо в сердце, в сердце нашего главного забытого символа.

*Chmura z ludzi nad krajem szła,
z dużej chmury mały deszcz, jedna łza,
mały deszcz, jedna łza, suchy czas.
Tery wiodą w czarny las.*

(Вислава Шимборска)

И. П. ИВАНОВА

ПОЛЯКИ В СИБИРИ: СПЕЦИФИКА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проблема преемственности, взаимодействия и взаимовлияния культур – эти явления составляют одно из важнейших направлений истории развития мировой культуры. Ни одна из национальных или религиозных культур, составляющих в общей совокупности культуру мировую, не возникает на пустом месте, а опирается на достижения культур предшествующих поколений.

В процессе исторического развития определённые традиционные элементы культуры отмирают, исчезают как отжившие, не соответствующие духу времени. Другие оказываются жизнестойкими. Они развиваются дальше, обогащаясь новыми проявлениями культуры. В развитии и обогащении культуры польского народа большую роль играют влияния культур других народов.

Исторический опыт совместного проживания поляков и русских в едином пространстве юга Красноярского края охватывает политическую, экономическую, этнодемографическую и, главное, культурную, духовную сферы жизни людей. Опыт взаимодействия может подвергнуться испытаниям, может быть частично разрушен, но он не может бесследно и навсегда исчезнуть. По этой причине важно выявить, подвергнуть анализу живущие в народе общественные настроения, ценностные ориентации.

В настоящее время происходят активные процессы роста национального самосознания поляков, возвращения к национальным истокам и тра-

дичиям. На юге Красноярского края воздействие русской культуры, с одной стороны, и становление национальной культуры поляков, с другой, оказались процессами взаимосвязанными и взаимодополняющими друг друга.

В настоящее время идёт становление единого духовного пространства, позволяющего интегрировать различные элементы национальных культур. Возрождение национальной духовной культуры в современных сложных условиях становится очень актуальным. Оно обусловлено необходимостью восстановления исконных этических и эстетических норм, способов художественного и морального воспитания человека.

Способность одного народа осваивать достижения другого – важнейший показатель жизнеспособности его культуры. Решение этих проблем предполагает и возрождение такой составной части духовной культуры, как национальные праздники и обряды. Они обладают огромной силой воздействия и несут в себе эмоциональный заряд, который способствует моральному и физическому оздоровлению человека.

Понимая важность знания национальных праздников, обрядов, возрождения национальных традиций в деятельности выпускников нашего колледжа, на специализации «Постановка театрализованных представлений» был введён курс «Национальные праздники». Задача курса – подготовить квалифицированного специалиста-исследователя, понимающего свои задачи, владеющего не только конкретными методами и приёмами по возрождению и сохранению традиционных ценностей. В рамках курса углубленно изучается культура прибалтов, поляков, немцев, хакасов и других народов, чьи представители проживают на юге Красноярского края. Одним из важнейших методов изучения предмета, наряду с лекционными и семинарскими занятиями, является самостоятельная работа студентов с литературой и практическим материалом. Важнейшим методом изучения курса «Национальные праздники» являются социологические исследования.

Большую помощь в изучении курса оказывают Центр немецкой культуры «Возрождение», польская Национально-культурная общественная организация «Полония». Студенты с интересом относятся к изучаемым культурам, к специфике разговорного языка нации, особенностям склада мышления, национального характера и темперамента. Всё это – основные компоненты, определяющие неповторимость и уникальность национальных праздников.

Например, итоговым занятием по изучению польских праздников был открытый урок, состоящий из показа студентами обрядовых элементов праздника «Рождество Христово». Ребята постарались создать интерьер польской избы, украсив кабинет вышиванками и подлазником, которые изготовили сами. Так же была показана подготовка стола к рождественской трапезе, где одним из блюд были польские пончики, которые ребята пекли по специальному рецепту. Студенты продемонстрировали колядование с масками

животных, во время которого ряженые ходили с Вифлеемской звездой, сами же придумали стихотворные тексты для мини-конкурса. Девушки с гостями гадали на яблоках (старинное польское рождественское гадание). Во время занятия не раз звучал польский язык (в колядках и при подготовке стола к трапезе). Ведущая была одета в настоящий польский костюм. Всё это вносило определённую психолого-педагогическую ценность в открытый урок. Занятие способствовало развитию познавательных интересов и способностей студентов, поскольку они сами занимались сбором материала, встречались с руководителем Минусинского польского центра «Полония» О.М.Темеровой, работали в Интернете, посещали музей им. Н.М.Мартыанова. Такие уроки воспитывают толерантность, прививают интерес и уважение к национальной культуре польского народа, к его традициям, праздникам, обрядам.

Внимание молодёжи, интерес к той или иной национальной культуре, истории помогают общаться со сверстниками независимо от этнической принадлежности и быть активными участниками межнационального диалога.

Изучая и возрождая национальные праздники, молодёжь обогащает и приумножает многонациональную культуру Красноярского края.

В.А. ПОЛТОРАКОВА

ПЕРВЫЙ ЦЕНТР ПОЛЬСКОЙ КНИГИ В РОССИИ

В последнее время в Республике Хакасия значительно возрос интерес к изучению иностранных языков, и к польскому, в частности. Это не удивительно, поскольку сегодня на территории республики проживают более 100 наций и народностей и около 6000 лиц польского происхождения.

В рамках любого многонационального региона актуальна проблема развития диалога национальных культур, поиска благоприятных подходов к повышению культуры межличностного и межнационального общения. Оптимальные условия для этого созданы в республиканской Национальной библиотеке им. Н.Г. Доможакова.

Национальная библиотека (НБ) – ведущая в республике. Одна из основных её функций – формирование фондов на иностранных языках, в том числе на польском. В настоящее время этот фонд не очень большой – около 600 экз. книг. Но благодаря сотрудничеству с Культурно-Национальной Общественной Организацией «Полония» РХ, он неуклонно растёт и регулярно пополняется. Так, председателем «Полонии» С.В. Леончиком

передано в библиотеку более 300 экз. книг и мультимедийных носителей информации, оказывается помощь в приобретении газет и журналов. Все это – литература, наиболее спрашиваемая читателями: различные словари, энциклопедии, справочники; научно-популярные издания; страноведческая и художественная литература.

Ежегодно библиотека принимает участие в Днях польской культуры; оказывает помощь («Полонии») в организации ежегодных методических курсов учителей польского языка и музыки; проводит и демонстрирует выставки из музея литературы им. А.Мицкевича г. Варшавы, посвященные польским писателям, общественным деятелям, композиторам («Генрих Сенкевич: «Для ободрения сердец» и др.), оформляет тематические выставки, посвященные христианским праздникам, особо отмечаемым в Польше (Рождество, Пасха, Троица). Стали частыми в библиотеке и такие формы общения с читателями, как дни первокурсника и дни информации для учащихся 11-х классов и студентов. На протяжении нескольких лет ведётся сотрудничество с Национальной библиотекой Республики Польша, Музеем литературы г.Варшавы, Институтом А. Мицкевича.

Литература на польском языке закупается на средства Сената Республики Польша и передается через Фонды «Semper Polonia», «Помощь полякам на Востоке», «Польское образование за границей», Консульский отдел Республики Польша в г. Москве.

Литературой на польском языке из фондов НБ пользуются научные работники, преподаватели и учащиеся колледжей и вузов, языковых школ и других учебных заведений г.Абакана, а также жители РХ, изучающие польский язык самостоятельно. Востребованной является литература на польском языке, особенно ее научные издания, и для жителей юга Красноярского края – Шушенского, Минусинска.

В связи с возрастающими потребностями читателей в польской литературе и назревшей необходимостью в систематизации и упорядочении работы в данном направлении, в декабре 2005 года при содействии и участии Министерства культуры Республики Хакасия, Консульского отдела РП в г. Москве состоялось открытие Центра Польской Книги (ЦПК) на базе Национальной библиотеки им. Н.Г. Доможакова РХ. Его цели – предоставление жителям республики, прежде всего, российским полякам, возможности своевременно получать разнообразную информацию о Польше, а также создание оптимальных условий эффективного изучения польского языка и литературы, в том числе с использованием мультимедийных технологий.

Мы надеемся, что такой Центр поможет учёным в их научно-исследовательской работе. Кроме того, его деятельность будет способствовать укреплению и дальнейшему развитию международного партнерства и сотрудничества с библиотеками, информационными, культурными и образовательными центрами России и Польши.

ОБ АВТОРАХ

Адаменко Александр Александрович – студент исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет.

Асламазишвили Дина Николаевна – аспирантка СибГТУ, научный сотрудник Красноярского культурно-исторического музейного комплекса.

Войда Юрий Михайлович – прямой потомок, правнук, Войда Станислава Мартыновича, 1847 г.р., активного участника Польского освободительного восстания 1863-1864 гг., за что и был сослан в Сибирь, в Минусинский уезд Енисейской губернии. Воссоздавая историю своего ссыльного предка и его семьи, Ю.М. Войда много работал с архивными документами, г. Дивногорск Красноярского края.

Волков Владимир Геннадьевич – главный специалист музея «Томск Исторический», г. Томск.

Доброновская Анна Павловна – ведущий специалист комитета по делам архивов администрации Красноярского края.

Иванова Ирина Павловна – преподаватель Красноярского краевого колледжа культуры, соискатель кафедры культурологи ХГУ им. Н.Ф.Катанова, г. Минусинск.

Кикилова Татьяна Михайловна – заведующая сектором исторического краеведения музея-заповедника «Шушенское», п. Шушенское Красноярского края.

Краевский Петр Александрович – член Омской культурно-национальной общественной организации «Rodzina», г. Омск.

Крих Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, г. Омск.

Лактионова Надежда Александровна – директор Бирлюского краеведческого музея, с. Новобирлюсы Красноярского края.

Леончик Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, председатель правления Культурно-национальной общественной организации «Полония» Республики Хакасия.

Мулина Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, преподаватель Омского государственного аграрного университета, г. Омск.

Полторакова Валентина Александровна – руководитель Центра польской книги в республиканской национальной библиотеке им. Н.Г. Доможакова, г. Абакан.

Рябухо Людмила Викторовна – координатор Польского исторического клуба «ПОИСК» при Уральском польско-российском обществе «Полярос».

Семёнов Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, преподаватель Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства, г. Улан-Удэ.

Скоробогатова Наталья Николаевна – старший научный сотрудник музея-заповедника «Шушенское», п. Шушенское Красноярского края.

Улейская Татьяна Анатольевна – старший научный сотрудник Красноярского культурно-исторического музейного комплекса.

Чевардин Алексей Валерьевич – аспирант Уральского государственного университета, член Уральского польско-российского общества «Полярос», г. Екатеринбург.

КОНГРЕСС ПОЛЯКОВ В РОССИИ

В настоящее время Конгресс поляков в России, объединяющий лиц польской национальности, имеет свои организации в сорока трех административных центрах Российской Федерации, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, Смоленске, Волгограде, Самаре, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Томске, Новосибирске, Иркутске, Красноярске, Абакане и других городах.

Полонийному движению в России более ста лет. Уже в начале XX века в Российской империи существовало свыше двадцати польских общественных организаций. Наиболее популярной формой объединения были «Дома Польские», открывшиеся повсюду: от Одессы и Харькова на Западе до Хабаровска и Харбина на Дальнем Востоке. К 1917 году выходило в свет около тридцати польских периодических изданий, в том числе и научных, работали учебные, детские, женские, спортивные, музыкальные, благотворительные, религиозные и другие организации.

Во время тоталитаризма тот, кто считал Россию своей родиной и не покинул ее в первой половине 20-х годов, был поставлен перед дилеммой: или отречься от своих корней, или стать узником ГУЛАГа. Тем не менее в польских семьях бережно сохранялись национальные традиции, память предков, интерес к языку и культуре своей исторической родины, ее прошлому и настоящему.

Со второй половины 80-х годов началось воссоздание польских национально-культурных обществ. Вновь открывшийся в Москве в 1989 году «Дом Польский» выступил с инициативой объединения региональных польских организаций в Конгресс поляков в России (1992).

Важнейшим направлением деятельности Конгресса является просветительская работа. В 1993 году нами и Министерством по делам национальностей и федеральным отношениям РФ, Министерством высшего образования России, Министерством образования Республики Польша была проведена I Международная научно-практическая конференция на тему: «Удовлетворение образовательных потребностей поляков в России». В 2001 году Конгресс вместе с Министерством образования РФ и Центром подготовки учителей в Варшаве организовал в Москве курсы повышения квалификации для учителей польских школ. По решению конференции на средства Министерства по делам национальностей и федеральным отношениям совместно с МГУ был издан учебник польского языка.

Усилиями польских национально-культурных обществ и ассоциаций созданы курсы польского языка и первые классы в некоторых средних школах Москвы, Петербурга, Самары, Казани, Томска. Курсы польского языка для детей и взрослых успешно действуют и в других российских городах. Благодаря поддержке польского правительства и общества помо-

щи полякам за границей («Wspólnota Polska») удалось наладить регулярный отдых детей в летних лагерях, выезд членов полонийных обществ на языковые и иные специализированные курсы в Польшу, а также обучение студентов в польских высших учебных заведениях.

Во многих первичных организациях Конгресса действуют фольклорные коллективы, успешно участвующие в смотрах художественной самодеятельности. Ежегодно проводятся Дни польской культуры, конференции, выставки, торжественные концерты, показы кинофильмов. В регионах издается более двадцати малотиражных изданий на польском языке, в том числе с 2001 года – цветной ежеквартальный журнал, сибирское издание Конгресса поляков в России «Rodacy» («Соотечественники», Республика Хакасия).

Наряду с просветительской деятельностью Конгресс ведет и большую исследовательскую работу, изучение и издание архивных материалов о судьбах поляков в Иркутской, Томской, Оренбургской, Петербургской, Самарской и Московской областях. В 1997 году по решению Конгресса была создана научная комиссия, которая приняла самое активное участие в подготовке конференции «Поляки и Полония в России (1772-1992)», приуроченной к 10-летию возрождения полонийного движения в России.

За последние годы регулярными стали встречи членов организаций Конгресса с политическими и общественными деятелями Польши, представителями высшего государственного руководства этой страны: президентом, премьер-министром, министрами, депутатами сейма и сената.

Конгресс поляков принимает активное участие в общественно-политической жизни России, входит в состав Европейского совета полонийных объединений, сотрудничает с польскими организациями в различных странах мира.

«RODACY» – ЕЖЕКВАРТАЛЬНОЕ СИБИРСКОЕ ИЗДАНИЕ КОНГРЕССА ПОЛЯКОВ В РОССИИ

Непростая история связывает две славянские страны – Россию и Польшу. На протяжении почти четырех столетий в ней было немало и светлых, и трагических страниц. Политики ссорили народы, культура их всегда объединяла.

С наступлением эпохи демократических перемен в России, а также в странах бывшего СССР, с начала 90-х годов стали активно создаваться культурно-национальные общества, в том числе и польские. В России та-

ких обществ на сегодня более пятидесяти. Польская диаспора — одна из самых многочисленных в мире. В разных странах, на разных континентах поляков и лиц польского происхождения насчитывается сегодня больше, чем в самой Польше. Немало потомков как ссыльных, так и добровольных переселенцев проживает и в России, особенно в Сибири.

Процесс возрождения интереса к своим национальным корням, к истории и культуре своей исторической родины пробудил потребность в изучении родного языка. Повсеместно на основе полонийных культурно-национальных общественных организаций стали создаваться кружки и школы (факультативы) польского языка. Таким образом возникла и Школа польского языка и культуры в Центре детского творчества г.Абакана, столицы Республики Хакасия.

А затем, в первую очередь в качестве помощи изучающим польский язык, была создана газета «Rodacy» (Соотечественники) — двуязычное издание формата А-4 на 4-х страницах. Первый номер «Rodacy» вышел осенью 1997 года. Поначалу это ежеквартальное издание освещало события, происходящие в обществе «Полония» Республики Хакасия. Но по мере расширения связей с другими полонийными обществами в России и СНГ у «Rodacy» появились свои читатели и общественные корреспонденты далеко за пределами Хакасии. Газета увеличилась в объеме (до 16 страниц), со 100 до 1000 экземпляров вырос ее тираж. 24 декабря 1999 г. издание было официально зарегистрировано Региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о СМИ в Республике Хакасия.

С 2000 г. «Rodacy» получила статус Сибирского издания Конгресса поляков в России и с осени 2001 г. выходит ежеквартально в форме журнала с цветной обложкой, а позднее и с цветными вкладышами тиражом 2000 экз. Издание финансируется из бюджета Сената Республики Польша через фонд «Помощь полякам на востоке» (г.Варшава).

Сегодня этот журнал, издаваемый в Абакане, регулярно получают и читают во всех регионах России, в ряде стран ближнего зарубежья, а также в Польше и некоторых странах Западной Европы. Это поистине уникальное издание, выхода каждого номера которого с нетерпением ждут члены польских культурно-национальных объединений в Оренбурге и Владивостоке, в Улан-Удэ и Екатеринбурге, в Иркутске и Тюмени, в Самаре и Красноярске. Не перечислить всей географии, адресов благодарных читателей и корреспондентов, огромного количества тем, которые освещаются на страницах журнала «Rodacy» на польском и русском языках. Среди постоян-

ных авторов журнала — журналисты из различных регионов России, председатели полонийных организаций, учителя польского языка. С самого начала существования издания активно сотрудничают с «Rodacy» Сергей Филь (г. Тюмень), Ваида Селивановская (г. Оренбург), Анна Виноградова (г.Улан-Удэ), Лариса Бондарь (г.Санкт-Петербург), Александра Гузеева (г.Томск). Практически в каждый номер пишут члены общества «Полярос» из Екатеринбурга и учителя польского языка из Уфы.

Ценными являются всегда актуальные репортажи из Польши и других стран мира, которые присылает изданию известный польский журналист и социолог Ян Грушинский. С журналом также сотрудничают представители организаций сибиряков Республики Польша, среди них постоянным автором является Болеслав Влодарчик из г. Вроцлава. Особо стоит выделить материалы известного польского ученого Антония Кучинского, его статьи значительно расширяют представления читателей в области истории польской диаспоры в Сибири и России.

С поступающими материалами работает редакционный совет в составе главного редактора Людмилы Полежаевой, редактора Сергея Леончика, технического редактора Владимира Борисова, графика Елены Ивановой, компьютерную верстку осуществляет Сергей Рыхторов.

Начиная с 2003 г. журнал «Rodacy» в польской и русской версиях можно прочитать в электронном виде в Интернете на странице www.rodacy.ru. На этой странице представлены все номера, начиная с первого номера от 1997 г. Кроме того, учитывая, что журнал выходит ежеквартально, на Интернет-странице ежемесячно проводится обновления в таких разделах, как «Актуальные события Полонии Сибири», — «Новости Полонии», «Конференции», «Ищем родственников!».

В самом общем виде тематика печатных, электронных и эфирных публикаций распределяется по таким разделам, как история, образование, обычаи, традиции польского народа. Журнал стремится дать читателю самую разнообразную информацию о жизни поляков и лиц польского происхождения как в России, в Польше, так и в других зарубежных странах. Авторы журнала рассказывают о фестивалях, праздниках, Днях польской культуры в своих регионах, о судьбах своих предков, внесших вклад в развитие культуры, науки, экономики, искусства.

Не угасает интерес и к теме политических репрессий, к трагическим судьбам поляков и россиян, испивших эту горькую чашу бытия. Журнал стремится информировать и о том, как и чем живет сегодняшняя Польша, какие проблемы волнуют поляков, наших современников.

Давать объективную картину всего, что было и что происходит сегодня у поляков в России и в Польше, – вот кредо, которого придерживается редакционный совет.

Таким образом журнал «Rodacy» способствуют укреплению добрых взаимоотношений и лучшего взаимопонимания между народами России и Польши.

Редакционный совет приглашает к сотрудничеству всех желающих.

Наш адрес: а/я 717, 655019 г. Абакан. Тел. (390-2) – 23-94-60, 25-41-67; e-mail: rodacy@khakassia.ru.

КРАСНОЯРСКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС

Красноярский музейный центр (официальное название – Красноярский культурно-исторический музейный комплекс) – это крупнейший в крае экспозиционный комплекс, в котором происходит **грандиозный культурный эксперимент** постсоветской эпохи.

В отличие от традиционных музеев, основная деятельность Красноярского музейного центра ориентирована не на прошлое, а на будущее культуры. Одной из главных задач Музейного центра является **кристаллизация современных культурных ценностей и ценностей развивающегося общества**. На практике это реализуется как взаимодействие с культурными инициативами и презентация в Красноярском музейном центре культурных новообразований, еще не вошедших во взаимодействие с основным потоком культурной жизни.

В настоящее время Красноярский музейный центр является крупнейшей в Сибири презентационной площадкой современного искусства России и Европы. Кроме того, здесь, в стенах Музейного центра, представляет себя **многонациональная культура Сибири**.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Красноярский музейный центр создавался как **Красноярский филиал Центрального музея В.И. Ленина**, единственный на всю Сибирь и Дальний Восток, 13-й на территории бывшего Советского Союза.

От момента принятия в апреле 1979 года Постановления ЦК КПСС об организации Красноярского филиала Центрального музея Ленина до открытия музея 17 апреля 1987 года прошло восемь лет. Срок фантастиче-

ски малый, учитывая, что создан был музей практически с нуля. История музеев Ленина в нашей стране охватывает период в пятьдесят лет. Это были необычные музеи, неизвестные в общемировой практике. Главным структурным элементом была **экспозиция, подчиненная строгому канону**, санкционированному отделом идеологии Центрального комитета. Экспозиция Красноярского музея Ленина представляла собой результат длительной эволюции музеев данного профиля.

Художники-экспозиционеры были вынуждены работать в жестких рамках. Учитывая, что основной материал, представленный учеными, является плоскостным, **художники использовали широкие технологические возможности**: они задавали определенный ритм всей экспозиции, в то же время ни разу не повторившись, сделали каждый раздел в своей пластике, своим цветом, удачно нашли элементы оборудования (кассетные установки, альбомы, стенды).

От экспозиции к экспозиции постоянно менялись приемы подачи текстового и графического материала. Наряду со сложными технологическими устройствами использована была разнообразная автоматика и электроника, расширяющая возможности экспозиции. Это и вращающаяся лента «фотогазет», и карта Красноярского края, нанесенная на систему трехгранных призм, поворот которых позволяет увидеть три разные карты в одной плоскости, и венчающий экспозицию полиэкран.

В построении экспозиции **преобладал иллюстративный подход**, идея которого сводилась к тому, чтобы насытить экспозицию программными произведениями изобразительного искусства – диорамами, макетами, живописными полотнами, скульптурой.

Такие элементы имели место в Красноярском филиале Центрального музея Ленина, но не преобладали в нем. Здесь мало диорам (всего две) «Россия второй половины XIX в.» (автор – Б.Я. Коротеев) и «Ленин в Шушенском» (автор – В.А. Куликов) и макетов, почти отсутствуют живопись, скульптура. Но то, что есть, является оригинальным, выполнено в единственном экземпляре, кроме копии с картины И. Бродского «Ленин в Смольном». Это касается работ Санкт-петербургских скульпторов Михайленка, Вашкевича, Горюева, фресок Татарникова и Толстого, гобеленов отца и сына Городецких, живописного полотна «Старый Красноярск» Махитарьянца, макетов Мигай. В большинстве своем скульптурные работы выполнены в бронзе.

Преобладающим элементом музея стало **само экспозиционное оборудование**: елочное, активное, лишнее само по себе образной нагрузки, и вместе с тем создающее образ чего-то капитального, незыблемого, построенного на века, оно напоминает скорее архитектуру, чем оборудование, и, безусловно, играет ведущую роль в экспозиции.

Не случайно поэтому посетители в своих отзывах вновь и вновь обращались к теме оборудования, которое одних восхищало, других раздражало и мешало осмысливать содержание экспозиции. Иногда звучали высказывания о том, что это была выставка экспозиционных технологий, так как впечатляет не то, что показывают, а то, как показывают.

Что же показывали в Красноярском филиале музея Ленина?

Прежде всего, прослеживалась биография Ленина с коротким введением о предшественниках, подготовивших почву развития социал-демократического движения в России, а затем кратко давалась история страны до сегодняшнего дня с постоянным вкраплением сибирского, как говорили, «местного» материала. Начиная с 1991 года, экспозиция начинает меняться и сокращаться. Первой исчезла документальная часть, посвященная международному коммунистическому движению и современной жизни страны. Затем, как «шагреновая кожа», сжималась документальная часть 1 и 2 этажа, и в настоящее время в прежнем виде существует лишь часть постоянно действующей экспозиции в «Красных залах». Само название говорит об их оформлении, цветовая гамма не случайно имеет красный цвет – это экспозиция о подготовке и проведении Октябрьской революции 1917 года и первых шагах Советской власти. Хронологически это апрель 1917 года – возвращение Ленина из эмиграции, и январь 1924-го года – смерть Ленина.

Именно эту часть экспозиции решено оставить мемориальной – не столько как дань ушедшему времени, сколько как эталон музейной экспозиции подобного профиля и как наглядный пример о тех мифах, в которые мы так долго верили. Экспозиция со временем была дополнена выставкой «Подарки музею Ленина».

С января 1990 года Красноярский филиал Центрального музея В. И. Ленина был реорганизован в музей политической истории, а в августе 1991 года был передан в ведение Комитета по делам культуры и искусства администрации края, получив новое название **Красноярский культурно-исторический музейный комплекс** (второе название – Красноярский музейный центр). Новое название бывшего филиала музея В. И. Ленина заключило в себе огромный смысл. Он прежде всего, в том, что культурно-исторический и музейный комплекс **избрал нетрадиционный для музеев путь**, – не отказываясь от сугубо музейных задач, комплекс впитал, аккумулировал в себе множество других, самых разнообразных функций. Это позволило ему стать одним из самых интересных культурных учреждений Красноярска.

Проезд: Музейный центр находится вблизи остановок общественного транспорта: «Гостиница Октябрьская» (ул. К. Маркса), «Институт искусств» (ул. Ленина).

Режим работы: Ежедневно с 10:00 до 18:00, кроме понедельника.

OD REDAKTORA

Zbiór artykułów popularno-naukowych «Historia i kultura Polaków Syberii» otwiera przed czytelnikiem nowe i niecałkiem jeszcze zbadane karty historii diaspory polskiej w tak odległej od Polski krainy, którą jest Syberia.

Materiały te – wynik dwóch międzyregionalnych konferencji, które odbyły się w Krasnojarsku nt. *Historia i kultura Polaków Syberii* (wrzesień 2005 r.) oraz *Wkład Polaków w rozwój Syberii* (październik 2006 r.).

Autorzy materiałów tego zbioru – naukowcy, pracownicy muzeów, archiwów, nauczyciele, członkowie stowarzyszeń polonijnych z Jekaterynburga, Omska, Tomska, Ułan-Ude, Krasnojarska, Abakanu, Szuszeńskoje – postarali się przede wszystkim przedstawić ten nieoceniony wkład diaspory polskiej w naukę, gospodarkę oraz życie kulturalne Syberii, szczególnie w okresie jej rozkwitu na początku XX w. Właśnie te zagadnienia przedstawione są w pierwszym rozdziale niniejszego wydania. Drugi rozdział jest poświęcony represjom wobec Polaków w okresie radzieckim. W trzecim rozdziale mówi się o działalności kulturalno-oświatowej wśród Polonii na Syberii.

Szczególnie ciekawe materiały przygotowane przez polonijnych krajoznawców przedstawione w rozdziale poświęconym ciekawym, lecz tragicznym losom syberyjskich Polaków na przełomie XIX-XX ww.

Mamy nadzieję, że niniejsza publikacja zainteresuje potencjalnych badaczy i zaowocuje dalszymi publikacjami prasowymi w piśmie syberyjskim Kongresu Polaków w Rosji „Rodacy” oraz materiałami naukowymi w następnych naszych edycjach *Historia i kultura Polaków Syberii*.

Zrealizować nasze zamierzenia wydawnicze pomogła zawsze nas wspierająca senacka Fundacja «Pomoc Polakom na Wschodzie» z Warszawy.

Redaktor naukowy wydawnictwa
dr Sergiusz LEOŃCZYK

Научно-популярное издание

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОЛЯКОВ СИБИРИ

Сборник материалов
межрегиональных научно-практических конференций
«История и культура поляков Сибири» 2005-2006 гг.

Составил и подготовил к изданию
Леончик Сергей Владимирович

Компьютерная верстка: С. Рыхторов

Подписано в печать 28.09.2006 г. Формат 60x84 1/16.

Печ. листов 8,25.

Тираж 300 экз. Заказ № 10116.

Культурно-национальная общественная организация «Полония»

Республики Хакасия.

655019, Республика Хакасия, г. Абакан, д/я 717.

тел. (3902) 23-94-60.

Отпечатано в типографии «Журналист» 655017.
Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71.
тел. (3902) 22-43-38.

